ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Кафедра социологии

На правах рукописи

Голоухова Дарья Валерьевна

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Зарубина Наталья Николаевна

Москва – 2017

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Теоретические аспекты изучения социально-территориальной структуры города 17

§ 1. Социально-территориальная структура города как объект социологического исследования 18

§2. Обоснование методологии исследования социально-территориальной структуры современного российского города 48

§ 3. Современные социальные процессы как фактор трансформации социально-территориальной структуры городов 80

Глава 2. Особенности социально-территориальной структуры Москвы 95

§ 1. Историческая динамика социально-территориальной структуры города Москвы 95

§ 2. Москва как городская агломерация: специфика территориального развития 117

§ 3. Комплексная характеристика социально-территориальной структуры города Москвы на современном этапе развития 132

Заключение 161

Библиография 165

Приложение 177

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью постоянного пересмотра методологии исследования социальных явлений и процессов в условиях ускоряющегося развития современного российского общества, сопряженного с появлением новых латентных вызовов и противоречий. Анализ социальных изменений, происходящих под влиянием глобальных социальных процессов, требует нового прочтения и интерпретации классических социологических теорий, обновления категориального аппарата и переоткрытия социологического знания[1].

В этой связи актуальной является проблема исследования специфики социально-пространственной организации российских городов, которая быстро меняется под влиянием глобальных и внутренних процессов. Обращение к примеру Москвы в данной работе обусловлено тем, что она является главным финансовым, культурным, деловым и политическим центром страны. Развиваясь динамичнее большинства других российских городов, Москва первой сталкивается с социальными проблемами, вызванными изменением пространственной организации. Москва, как и другие города мира, испытывает на себе влияние процессов реиндустриализации, джентрификации, рецентрализации и др. Новый пространственный порядок в значительной степени влияет на социальные отношения горожан: появляются новые формы неравенств, усиливается социальная дифференциация, что в конечном счете может привести к ослаблению социальных связей и кризису идентичности москвичей. Физическое пространство города укоренено в его социальном пространстве, поэтому изменения в территориальной

[1] См.: Кравченко С.А. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М: МГИМО-Университет, 2015.

структуре могут спровоцировать новые риски, связанные с усилением социальной разобщенности и разрывами социального пространства.

Актуальность исследования связывается также и со спецификой российских городов как постсоветских. Российские города обладают смешанной структурой, в которой можно выделить элементы досоветского, советского и постсоветского периодов развития. В градостроительной концепции советского периода доминировала идея однородного расселения, однако с переходом к рыночной экономике и в результате влияния рыночных процессов социально-территориальная структура российских городов подверглась значительным изменениям и даже переняла некоторые черты западной модели развития.

Таким образом, развитие постсоветских городов в настоящий период представляет собой трансформацию более или менее гомогенной социально-территориальной структуры в дифференцированную пространственную организацию. В результате формируется новый пространственный порядок, требующий для своего изучения особого исследовательского подхода и нового инструментария. В этих условиях актуальной становится проблема обновления методологии исследования городского пространства, претерпевающего значительные структурные и морфологические изменения, которые не могут быть описаны и объяснены с точки зрения существующих западных и отечественных подходов. Зарубежные подходы к исследованиям социально-территориальной структуры направлены на изучение городов, полностью сформировавшихся в условиях капитализма и рыночной экономики. Они не учитывают специфику социалистического развития и влияния социальных трансформаций конца прошлого века на изменения городской морфологии. Подходы, развиваемые в рамках западной социологической школы, обладают несомненной ценностью для отечественной науки, однако должны быть восприняты критически при попытке их переноса в российскую действительность. Отечественные подходы к исследованиям социально-территориальной структуры в большей степени ориентированы на изучение специфики социалистического города. Перед современными российскими социо-

логами стоит задача разработать оригинальную методологию исследования современного города. Данная диссертация является вкладом в этот научный поиск.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Проблематика исследования городского пространства уходит корнями в классическую социологию, где город рассматривается в контексте общей теории развития капиталистических обществ: как интегральная социологическая, экономическая и политическая категория город исследуется М. Вебером[2]; Г. Зиммель обращается к проблеме города с философско-психологической точки зрения, исследуя влияние города на психику человека[3]; в качестве основной арены борьбы между буржуазией и пролетариатом городское пространство предстает у Ф. Энгельса[4].

Можно выделить несколько направлений в социологии города, представляющих наибольший интерес в рамках нашей работы.

Первое направление связано с методологией социологических исследований городских процессов и структур. Методологические основы эмпирического исследования городского пространства закладываются в работе Ч. Бута[5] и получают дальнейшее развитие в трудах социологов Чикагской школы. Р. Парк и Э. Берджесс разрабатывают основы программы городских исследований[6], которые находят отражение во множестве конкретных полевых исследований представителей этой школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, Х. Зорбо, П. Кресси, Ф. Трэшер, Дж. Саттлс)[7].

---

[2] См.: Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Кучково поле, Канон-Пресс-Ц, 2001.
[3] См.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, 2002. № 3 (34). С. 23-34.
[4] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
[5] См. Booth, Ch. Life and Labour of the People in London. In 17 volumes. London: Macmillan and Co, 1902-1903.
[6] См.: Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение, 2002. Том 2. № 3. С. 3-12; Парк Р. Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2011. С. 19-57; Бёрджесс Э.У. Рост города // Чикагская школа: сборник переводов. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2015. С. 20-34.
[7] См.: Zorbaugh, H.W. The Gold Cost and the slum. Chicago: University of Chicago press, 1929; Wirth, L. The Ghetto. Chicago: University of Chicago press, 1928; Thrasher, F.M. The Gang: A Study of 1313 Gangs in Chi-

В рамках отечественной социологии оригинальные теоретико-методологические подходы к исследованию социально-территориальной структуры города предложили А.А. Высоковский[8] (развивал теорию вернакулярного района), Л.Б. Коган[9] (автор «средового подхода»), Т.М. Дридзе[10] (обосновала необходимость проведения диагностических исследований перед принятием градостроительных решений). Системные подходы к изучению городских структур были также сформированы в рамках социальной географии А.Б. Гутновым[11] (автором модели каркасной организации) и Г.М. Лаппо[12]. Теоретические и методологические подходы к исследованию пространственного зонирования и городской сегрегации в России были проанализированы в работах А.Ф. Чешковой, В.В. Вагина, С.Ю. Барсуковой[13].

Методология использования социального картирования и ментальных карт при анализе городского пространства обосновывается в работах О.И. Вендиной, Н.Н. Веселковой, К.П. Глазкова, Н.Д. Вавилиной, И.А. Скалабан, К. Линча, С. Милграма[14].

---

cago. Chicago: University of Chicago press, 1927; Suttles, G.D. The Social Order of the Slum: Ethnicity and Territory in the Inner City. Chicago: University Of Chicago Press, 1892.

[8] См.: Высоковский А.А. Визуальные образы городской среды. – М.: Локус Станди, 2008.

[9] См.: Коган Л.Б. Урбанология и городская политика: от осознания к знанию. Москва, 2010. URL: http://emsu.ru/kogan/; Коган Л. Урбанология: от городского сознания к знанию // Городское управление. 2010. № 11. С. 2–4.

[10] См.: Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градоустройстве // // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 94-98.

[11] См.: Гутнов А.Б. Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984. 256 с.; Гутнов А.Б. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 211-232.

[12] См.: Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997; Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012.

[13] См.: Чешкова А.Ф. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 13-38; Барсукова С.Ю. Тенденции социального зонирования российских городов сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 39-57.

[14] См.: Вендина О.Н. Социальный атлас Москвы //Проект Россия: приложение к журналу, 2012. № 4 (66); Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 2-29; Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии, 2013. № 3 (68). С. 101-

Второе направление связано с исследованием глобальных процессов, оказывающих влияние на социально-территориальную структуру городов. Проблематика глобализации и ее воздействия на трансформации пространственной организации города, а также специфика глобальных городов в целом являются предметом интереса С. Сассен[15] (разработано понятие глобального города, его отличие от мирового города, выделены основные функции глобальных городов), М. Кастельса[16] (понятие городского пространства рассматривается в связи со становлением сетевого общества, город исследуется через отношение пространства потоков с пространством мест), Р. Сеннета[17] (особый интерес для исследователя представляют публичные места и их роль в городском пространстве), П. Холла, Дж. Фридмана[18] (разработана концепция мирового города).

Социологи Лос-анджелесской школы (Э. Сойя, А. Скотт, М. Дэвис. М. Дир, Дж. Гарро) акцентируют свое внимание на современных трансформациях городского пространства, вызванных переходом к постиндустриальному обществу, глобальными процессами и экономическими изменениями[19].

111; Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39-56; Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Издательство Сибпринт, 2015; Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982; Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2000.

[15] См: *Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис, 2005. №4. URL: http://les-urbanistes.blogspot.ru/2009/01/blog-post.html; Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007. С. 9-27; Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2011.*

[16] См.:Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios, 2002. № 5. Pp. 9-19; Castells, M., The Rise of the Network Society, 2nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell, 2009; Castells, M., Cardoso, G., eds., The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005.

[17] См.: Sennett, R. The Public Realm // Richard Sennett's Official Website. URL: https://www.richardsennett.com/site/senn/templates/general2.aspx?pageid=16&cc=gb

[18] См.: Friedman, J. The world city hypothesis // Development and Change, 1986. №2. P. 69–83; Hall, P. The World's Cities. London: Heinemann, 1966.

[19] См.: Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства // Логос, 2008. № 3 (66). С. 130-140; Soja, E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2000; Soja, E.W. Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography // Environment and Planning D: Society and Space, 1986. Vol. 4, Issue 3. Pp. 255–272; Davis, M. City of Quartz: Excavating the Future in

Представители новой городской социологии (А. Лефевр, Д. Харви) изучают современные городские пространства и их трансформации, используя методологию неомарксизма[20].

Связь социальной структуры, социальной стратификации и неравенства с городским пространством исследуется в работах М. Бонджа, Дж. Бурдака, Э. Глейзера, К. Коуча, И.А. Вершининой[21].

Анализ трансформационных процессов, характерных для постсоветских городов, проводится в работах А. Берто, Дж. Майерса, С. Хирт, Л. Сикора, С. Ценковой[22]. Становление Москвы как глобального города рассматривается в работах О.Н. Вендиной, И.А. Вершининой и Л.Н. Поляковой[23].

Los Angeles. London, NY: Verso Books, 2006; Dear, M. The Los Angeles School of Urbanism: An Intellectual History // Urban Geography, 2003. №24 (6). Pp. 493–509; Garreau, J. Edge City: Life on the New Frontier. NY: Knopf Doubleday Publishing Group, 1991.

[20] См.: Harvey, D. Social Justice and the City. Georgia: University of Georgia Press, 2010; Lefebvre, H. State, Space, World: Selected Essays. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009; Харви Д. Право на город // Логос, 2008. № 3. С. 80-94; Лефевр А. Производство пространства. М.:Strelka Press, 2015.

[21] См.: Bontje, M., Burdack, J. Edge Cities, European-style: Examples from Paris and the Randstad // Cities, 2005. Vol. 22, No. 4, p. 317–330; Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014; Couch, C., Petschel-Held, G., Leontidou, L. Urban Sprawl in Europe: Landscape, Land-Use Change and Policy. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2007; Вершинина И.А. Город: различные измерения неравенства // Socioloska Luca. 2013. № 7-2. С. 85-96; Вершинина И.А. Формирование культуры участия в современных городах: проблемы и перспективы // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: сборник материалов II-ой Международной научно-методической конференции. М.: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2017. С. 127-131.

[22] См.:Bertaud A. The Spatial Structures of Central and Eastern European Cities: More European than Socialist? // Remaking Post-communist Cities. Symposium proceedings, University of Illinois, Urbana-Champaign, June 17–19, 2004; Bertaud A. The Spatial Structures of Central and Eastern European Cities // The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy / Ed.: Tsenkova S., Nedovic-Budic Z. Heidelberg: Physica–Verlag, 2006. Pp. 91–110; Tsenkova S. Beyond Transitions: Understanding Urban Change in Post-socialist Cities // The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy / Ed.: Tsenkova S., Nedovic-Budic Z. Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. Pp. 21–50; Tsenkova S. Post-socialist Cities in a Globalizing World // PLANUM, 2003. URL: www.planum.net/download/tsenkova-pdf; Sýkora, L., Bouzarovski, S. Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies, 2011. Vol. 49. № 1. Pp. 43–60; Myers, J. C. Traces of Utopia: Socialist Values and Soviet Urban Planning // Cultural Logic: An Electronic Journal of Marxist Theory & Practice, 2008. Vol. 11; Hirt, S.A. Planning the Post-Communist City: Experiences from Sofia // International Planning Studies, 2005. Vol. 10. N 3–4, Pp. 219–240.

[23] См.: Вендина О.Н. Архипелаг Москвы // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 33-49; Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2014. № 4. С. 122-137.

Третье направление исследований, представляющее особый интерес для данной работы, связано с анализом социально-территориальной структуры Москвы. Исследование О.Е. Трущенко[24] связано с понятием престижности центра; О.Н. Вендина[25] разработала социальный атлас Москвы; В.Л. Глазычев[26] внес значимый вклад в изучение градостроительной политики Москвы; проблематика городского роста и развития Московской агломерации анализируются следующими исследователями: П.М. Полян, Н.А. Слука, Г.М. Лаппо, А.Г. Махрова, Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш[27]. Место Москвы среди других регионов России и их взаимоотношения являются предметом научного интереса Н.В. Зубаревич[28].

Несмотря на большой объем научных работ по проблемам городского пространства и развития городской среды, актуальной представляется разработка методологии исследования социально-территориальной структуры города, основанная на анализе конкретных статистических и социологических данных.

Объект исследования – социально-территориальная структура современного российского города.

---

[24] См.: Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.

[25] См.: Вендина О.Н. Социальный атлас Москвы // Проект Россия: приложение к журналу, 2012. № 4 (66).

[26] См.: Глазычев В.Л. Московская стратагема // Отечественные записки, 2012. № 3 (48). С. 127-144; Глазычев В.Л. Большая Москва // Прямые инвестиции, 2011. №8. С. 36-39.

[27] См.: Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Откуда есть пошли агломерации // Демоскоп, 2010. № 407 – 408; Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселении: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014; Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Современные особенности территориальной структуры // Демоскоп, 2012. № 517 – 518. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema03.php (дата обращения: 16.04.2017); Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 19-32; Алешковский И.А., Болатов М.О., Слука Н.А. Горизонты городского роста в условиях глобализации // Век глобализации, 2017. № 1 (21). С. 33-45; Слука Н.А. Эволюция концепции "мировых городов" // Демоскоп Weekly, 2008. № 343-344. http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit01.php (дата обращения: 16.04.2017).

[28] См.: Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность, 2010. № № 5. С. 5-19; Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010; Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового российского кризиса. Вопросы экономики, 2015. № 4. С. 37-52.

Предмет исследования – теоретико-методологические подходы к исследованию социально-территориальной структуры города.

Цель работы: разработать методологию исследования распределения различных видов капитала между административно-территориальными единицами города и на ее основе эмпирически выявить и описать территориальные единицы в городском пространстве Москвы, различающиеся по объему накопленного капитала.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

1. Систематизировать существующие социологические подходы к исследованию социально-территориальной структуры города и изучить их возможности для анализа социально-территориальной структуры современной Москвы.

2. Обосновать валидность применения теории капитала П. Бурдье для разработки методологии исследования изменяющейся социально-территориальной структуры Москвы.

3. Обосновать выбор системы показателей для проведения эмпирического анализа распределения различных видов капиталов в пространстве российского города.

4. Обосновать применение метода социального картирования для визуализации результатов исследования и метода ментальных карт для изучения социально-территориальной структуры города в представлении его жителей.

5. Раскрыть социально-исторический контекст формирования современной социально-территориальной структуры Москвы, а также ее трансформации связанные с ростом города, развитием Московской агломерации и процессами глобализации, информатизации и перехода постиндустриальному обществу.

6. На основе предложенной методологии раскрыть специфику распределения различных типов капитала в московском городском пространстве, выявить и описать кластеры, объединяющие городские районы, схожие по типу и объему накопленного капитала.

Основная гипотеза: на основе теории капитала П. Бурдье возможна разработка методологии и инструментария исследования изменяющейся социально-территориальной структуры российского города, позволяющей выявить и описать кластеры районов в городском пространстве, отличающиеся по объему и типу накопленного капитала.

Теоретико-методологической основой исследования явились труды по социальной теории городского пространства, методологии исследования морфологии городов, социальной географии.

Основой для разработки методологии изучения социально-территориальной структуры стал подход П. Бурдье, основанный на предпосылке укорененности физического пространства в социальном, и его теория капитала. Избранная методология предполагает анализ распределения различных типов капитала в городском пространстве Москвы. Для решения этой задачи были описаны основные виды капитала городской территории и на основе их операционализации предложены показатели для измерения их объема и состояния в каждом районе города. Для визуализации распределения капитала был предложен метод социального картирования. Обоснованием для применения методологии социального картирования стали как классические работы по урбанистике и социологии города, в первую очередь, работы социологов Чикагской школы, так и современные работы российских ученых (О.И. Вендина, Н.Н. Веселкова, К.П. Глазков). В данном исследовании были использованы два подхода к социальному картированию: социально-статистический и социально-антропологический.

Первый подход предполагает, что исследователь наносит некоторые отобранные им статистические данные на географическую карту населенного пункта, региона, страны. Построение карты целиком опирается на использование количественных данных: официальной статистики или первичной информации, собранной в результате социологического исследования. В нашем случае на карту были нанесены статистические данные, измеряемые по выделенным показателям.

Второй подход был использован для оценки объема и состояния символического капитала городской территории. В качестве методики исследования были использованы ментальные карты города. Они позволили оценить распределение символического капитала в городском пространстве; оценить, насколько образ города структурирован в представлении его жителей, и выявить «белые пятна» в городском пространстве, относительно которых представления горожан размыты; визуализировать представления жителей о социально-территориальной структуре города; выявить устойчивые стереотипные представления горожан о различных районах и округах города.

Эмпирическую базу исследования составили:

- *статистические данные* Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по городу Москве за 2015 год, данные переписи населения 2010 года, данные Института Генплана Москвы;

- *результаты социологических исследований*: Социального атласа, составленного в 2013 году О.И. Вендиной для Московского урбанистического форума, а также исследования Московского института социально-культурных программ «Механика Москвы» 2016 года;

- *результаты авторского качественного социологического исследования* образа города в представлении его жителей были использованы для анализа распределения символического капитала в городском пространстве. В исследовании, проводившемся с использованием метода ментальных карт, приняли участие 34 информанта.

Научная новизна исследования:

1. Предложена методология исследования социально-территориальной структуры современного российского города, учитывающая экономические и социокультурные факторы развития городского пространства. В качестве теоретико-методологической основы использована теория капиталов П. Бурдье.

2. Разработана система показателей, позволяющая описать распределение капитала разного вида в городском пространстве.

3. Обоснован метод применения социального картирования, в том числе и техника использования ментальных карт, к социологическому изучения социально-территориальной структуры города.

4. Проанализирована специфика социально-территориальной структуры Москвы, связанная с социально-историческими условиями ее развития, формированием Московской агломерации и трансформациями под влиянием глобализационных процессов.

5. На основе проведенного анализа в структуре Москвы выделено шесть кластеров районов, различающихся по типу и объему накопленного капитала. Выявлены новые тенденции дифференциации городского пространства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Предложенная в диссертации методология исследования социально-территориальной структуры города основана на теории капитала, а также социального и физического пространства П. Бурдье. Обосновано положение, согласно которому обладать капиталом могут как социальные агенты (индивиды, социальные группы или организации), так и различные территории. Формирование капитала территории – это амбивалентный процесс: с одной стороны, социальные агенты, обладающие капиталом, реализуют его на конкретной территории и таким образом способствуют развитию капитала этой территории; с другой, самим наличием некоторого объема капитала территория привлекает новых социальных агентов, стремящихся к увеличению объема имеющегося у них капитала или к его приобретению. В условиях характерной для российских городов слабой дифференциации городского пространства и отсутствия сформированных социально-территориальных общностей, актуальным является именно анализ капитала территории.

2. Разработанная на основании использованного теоретического подхода система объективных статистических показателей позволяет оценить тип и объем накопленного капитала в каждом административном районе города. При анализе учитываются следующие виды капитала городской территории: экономический,

культурный, административный, природно-экологический, жилищный, социальный, символический.

3. Использование метода социального картирования при исследовании социально-пространственной структуры города позволяет визуализировать и наглядно представить территориальное распределение различного вида капиталов в городском пространстве. Социально-статистический подход к социальному картированию, дополненный техникой использования ментальных карт, дает дополнительные возможности для проведения анализа, учитывающего не только объективные характеристики социально-территориальной структуры, но и субъективные представления горожан о городском пространстве как месте повседневной практики. Полученные в результате применения метода карты распределения капитала могут служить основой для дальнейшего углубленного изучения проблемных зон города, наглядно представляя места наивысшей концентрации исследуемых феноменов.

4. Исследование динамки социально-территориальной структуры города с использованием социально-исторического анализа позволяет раскрыть преемственность пространственных структур, их генезис, а также учесть их специфику в конкретном историческом контексте. Обосновывается, что Москва обладает смешанной социально-территориальной структурой, сочетающей в себе элементы, возникшие в ходе последовательного прохождения трех периодов развития города: досоветского, советского и постсоветского. На современном этапе одним из основных факторов изменения социально-территориальной структуры Москвы является рост Московской агломерации. Предложенная методология учитывает также изменения городских форм, связанные с процессами глобализации, информатизации, реиндустриализации, децентрализации, джентрификации и др. Специфика новых городских форм в Москве состоит в усиливающейся фрагментации городского пространства, росте окраинных городов, формировании Москвы как глобального города, появлении фьюжн-пространств (многофункциональных территорий).

5. Социально-территориальная структура Москвы представлена шестью кластерами. *Постиндустриальный* кластер образуют центральные районы, аккумулирующие капитал всех видов и обладающие постиндустриальным характером за счет развитых сервисного и финансового секторов экономики. *Сервисный* кластер отличается научно-образовательной направленностью и представляются основой для развития экономики постиндустриального типа и инновационной деятельности. *Периферийный* кластер включает районы, расположенные, преимущественно, на границах Москвы, и обладает малым объемом капитала всех видов. Близкий к периферийному *спальный* кластер отличается более высокой стоимостью жилья, а также характером его экономики с преобладающей торговой сферой. *Промышленный* кластер составляют районы с высокой долей рабочих мест в промышленности. Именно здесь расположена большая часть промышленных зон Москвы, которые рассматриваются в качестве основного земельного резерва города. *Кластер Новой Москвы* представляет собой слабо урбанизированную территорию с крайне низкой плотностью населения, характерной, скорее, для сельской местности, что кардинально отличает его от других кластеров.

6. Кластерные различия отражают усиление дифференциации городского и социального пространства. Районы постиндустриального и сервисного кластеров рассматриваются как основа развития четвертичного сектора экономики и становления постиндустриального общества, а также связываются со становлением Москвы как глобального города. Различия между постиндустриальным и сервисным кластером, с одной стороны, и периферийным и спальным, с другой стороны, имеют тенденцию к усилению, что может привести к увеличению пространственного неравенства и появлению сегрегированных территорий. При отсутствии достаточных инвестиций в кластер Новой Москвы эти территории также окажутся исключены из городского пространства и сохранят сельский тип поселения.

Теоретическая и практическая значимость работы

Диссертация обогащает сферу научных подходов к исследованию городского пространства и городской среды. Разработанная автором методология исследования социально-территориальной структуры города может быть использована для пространственного анализа других российских городов.

Полученные знания могут быть использованы при принятии управленческих решений в области городского развития и городского планирования, а также при подготовке учебных курсов по социологии города, урбанистике, теории пространственной организации и социальной географии.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Основные положения, сформулированные в настоящем диссертационном исследовании, нашли отражение в научных публикациях автора в журналах, включённых в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по социологическим наукам.

Ряд положений данной работы был представлен на всероссийских социологических конференциях: Международная научная конференция «Ломоносов-2014» (Москва, 2014), Международная научная конференция «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (К 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского)» (Санкт-Петербург, 2016), Дни науки МГИМО (Москва, 2017).

Материалы исследования также были использованы при проведении занятий по курсам «Эмпирическая социология» и «Прикладная социология».

Глава 1. Теоретические аспекты изучения социально-территориальной структуры города

Термином «социально-территориальная структура города» в данной работе обозначается совокупность устойчивых социальных общностей, формирующихся на основе социальной неоднородности условий жизнедеятельности в различных городских районах[29]. Неравноценность условий жизнедеятельности приводит к формированию территориальной неоднородности. Принадлежность людей к территориям с разным уровнем развития способствует становлению социально-территориальных общностей как особых социальных образований. В связи с тем, что российские города находятся на пути перехода от более или менее однородного расселения, характерного для советского периода, к дифференцированной социально-территориальной структуре, наиболее актуальным является не исследование уже сложившихся социальных общностей, а изучение условий жизнедеятельности в городских районах, так как оно позволяет выявить зарождающиеся тренды в формировании социально-территориальных общностей и спрогнозировать возможные варианты развития той или иной территории.

В первой главе диссертационного исследования рассматриваются зарубежные и отечественные социологические подходы к изучению социально-территориальной структуры городов: от ставших классическими концепций социологов Чикагской школы до теорий постмодернистского характера.

Предлагается методологический подход, основанный на теории капитала П. Бурдье, позволяющий исследовать социально-территориальную структуру современной Москвы на основе комплексной оценки городских районов. Предложен-

---

[29] См.: Структура социально-территориальная // Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М. 1999. URL: http://sociologicheskaya.academic.ru/

ный подход использует методику социального картирования для наглядного представления результатов исследования.

В первой главе диссертационного исследования также рассматриваются современные процессы, оказывающие влияние на динамику социально-территориальной структуры города. В частности, исследуются проблемы, связанные с городским ростом и формированием агломераций, реиндустриализацией, джентрификацией, влиянием глобализации на пространственные структуры городов и др.

§ 1. Социально-территориальная структура города как объект социологического исследования

Город становится объектом социологического исследования с момента выделения социологии в самостоятельную науку. В рамках классических социологических теорий город рассматривался в контексте общей теории развития капиталистических обществ. Так, Макс Вебер исследует город как социологическую, экономическую и политическую категории в их совокупности. С его точки зрения, город – это большое поселение с высокой плотностью застройки, где отсутствует взаимное личное знакомство жителей, т.е. соседская связь. Как экономическое явление город представляет собой рыночное поселение: именно существование рынка в форме постоянного товарообмена является ключевой характеристикой города с позиции экономики. По М. Веберу, можно лишь тогда говорить о городе, когда «местное население удовлетворяет существенную часть своего ежедневного экономического спроса на местном рынке, притом в значительной части предметами, произведенными или приобретенными для сбыта на-

селением местным же или ближайшей округи»[30]. Основной характеристикой города как политической категории М. Вебер считал наличие особой городской территории. В прошлом западный город представлял собой крепость или место пребывания гарнизона. Наличие этих качеств делало город автономным поселением и приводило к развитию административно-правого аппарата. Исследование города интересовало М. Вебера, прежде всего, как фактора развития капитализма и современного государства, а не в качестве самостоятельного предмета изучения.

Георг Зиммель обращается к проблеме города с философско-психологической точки зрения, исследуя влияние города на психику человека. В работе «Большие города и духовная жизнь» он отмечает повышенную нервность жизни, доминирование интеллектуального характера душевной жизни в больших городах по сравнению с малыми, деловое отношение к людям и вещам[31]. Г. Зиммель полагает, что специфика городской жизни и городских взаимодействий требует от людей пунктуальности, точности, расчета. Отношения между жителями городов характеризуются замкнутостью, обособленностью, равнодушием. Однако эта взаимная замкнутость наравне с обширностью городской территории является основанием для большой личной свободы, которую предоставляет индивиду город.

С точки зрения диалектико-материалистического подхода, город является одной из сущностных черт капитализма. Это место наивысшей концентрации населения, производительных сил и капитала, а также основная арена борьбы между классами буржуазии и пролетариата. Ф. Энгельс предпринял масштабное исследование городских условий существования в работе «Положение рабочего класса в Англии». Эта работа содержит предпосылки к формированию научного аппарата и методологии социальной географии и является одним из первых исследова-

---

[30] Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Кучково поле, Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 336.
[31] См.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, 2002. № 3 (34). С. 23-34.

ний по морфологии города[32]. Автор стратифицирует городские районы в соответствии с социальным статусом проживающего там населения. Описывая пространство крупных английских городов, Ф. Энгельс основывается, прежде всего, на собственных наблюдениях и статистическом анализе. Кроме того, он привлекает обширные описания городской среды, содержащиеся в различных официальных документах. В частности, автор использует материалы отчета о санитарных условиях жизни рабочего класса, отчета правительственной комиссии по обследованию положения ручных ткачей, отчета избранной горожанами комиссии для обследования города, докладов инспекторов работных домов (благотворительных учреждений, предоставляющих оплачиваемую работу нуждающимся при условии проживания в таком доме и соблюдения его внутреннего распорядка). Ф. Энгельс также обращается к публицистическим изданиям и описаниям пасторов о состоянии своих приходов.

Анализируя собранные им данные, автор подвергает критике свойственную большим городам систему застройки. По его мнению, основной задачей застройщиков является извлечение максимальной прибыли. Большие города созданы промышленностью и заселены главным образом рабочими, о которых общество совершенно не заботится в силу специфического характера больших городов, выражающегося в отчужденности людей друг от друга, атомарности их бытия, равнодушной обособленности в условиях колоссальной централизации населения. С точки зрения Ф. Энгельса, жилища рабочих плохо распланированы, плохо вентилируются и лишены минимального комфорта и удобств. Основная причина состоит в том, что в погоне за прибылью землевладельцы застраивают рабочие кварталы, пренебрегая здоровьем и удобством жителей, так как знают, что «как ни плоха лачуга, всегда найдется бедняк, который не может заплатить за луч-

[32] См.: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 231-517.

шую»[33]. Таким образом, рабочие районы превращаются в сегрегированные гетто, которые зачастую расположены вблизи аристократических районов, но отделены от них символическими границами, препятствующими попаданию нищих на глаза богачей. Рассматривая феномен геттоизации, Ф. Энгельс описывает переселение наиболее обеспеченной части горожан в лучше застроенные части города и перепланировку старых кварталов, основной задачей которой является извлечение прибыли и которая в связи с этим представляет беспорядочную плотную застройку домами, прилепленными друг к другу, плохо спланированными и плохо содержащимися.

В целом, проведенный Ф. Энгельсом анализ позволяет рассматривать городское пространство в терминах классовой борьбы. Фактически оно становится инструментом эксплуатации пролетариата, который высшие классы сосредотачивают на ограниченном пространстве города ради своей выгоды. Гетто и сегрегированные рабочие районы являются, по мнению Ф. Энгельса, механизмом угнетения рабочего класса с целью обогащения буржуазии. Таким образом, высшие классы превращают городское пространство в капитал, зарабатывая на централизации населения и эксплуатации нищеты рабочих. Городское пространство для Ф. Энгельса отражает структуру общества. Оно поделено на две антагонистические зоны: места проживания пролетариата и буржуазии. Несмотря на то, что в физическом пространстве эти зоны соседствуют и пересекаются, они отделены друг от друга символическими границами, которые не позволяют обитателям этих двух пространств регулярно сталкиваться. Такими границами могут быть, например, аккуратные и ухоженные фасады магазинов, за которыми расположены неблагоустроенные и запущенные улицы рабочих районов. Занимаемое двумя классами городское пространство отражает статус его жителей. Нищий пролетариат поживает в густо заселенных трущобах. Рабочих «загоняют в части города,

---

[33] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 291.

которые вследствие своей планировки хуже вентилируются, чем все остальные. Их лишают всех средств содержать себя в чистоте, их лишают воды…их заставляют выкидывать на улицу все отбросы и сор… они вынуждены сами заражать кварталы, в которых живут»[34]. В то же время богачи проживают в «дворцах», в «прекрасных домах», «великолепных аристократических кварталах».

В рамках диалектического материализма анализ городского пространства осуществляется, в первую очередь, на экономической основе. Морфология города рассматривается в терминах классовой борьбы и конфликта. Критерий зонирования городского пространства определяется не его функциональным значением, а экономико-социальным фактором принадлежности его обитателей к тому или иному классу.

Другое исследование социальной структуры Лондона с ее территориальной привязкой было проведено в 1886-1903 годах Чарльзом Бутом, который собрал обширный эмпирический материал об условиях жизни лондонцев, опубликованный в 17-ти томах[35]. Ч. Бут стремился понять жизнь лондонцев через изучение их места работы и условий труда, их жилищных условий и через исследование религиозной жизни города. Исследователь работал с большим объемом информации, включавшей результаты переписей и официальные статистические данные. Однако основной его исследования стали собственные наблюдения за жизнью горожан. Ч. Бут и его помощники сопровождали школьных инспекторов и полицейских во время их обходов. Они проводили анкетирование и интервью с владельцами фабрик, рабочими, представителями профсоюзов, посещали дома лондонцев, фиксируя условиях их жизни и труда. Одним из самых значимых результатов этой работы стали карты бедности, позволившие описать социально-экономическую и пространственную структуру районов Лондона и наглядно про-

---

[34] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 331.

[35] См. Booth, Ch. Life and Labour of the People in London. In 17 volumes. London: Macmillan and Co, 1902-1903.

демонстрировать пространственное распределение различных социальных групп. Каждая улица на карте Лондона была отмечена цветом, соответствующим одному из семи социальных классов выделенных Ч. Бутом (в своей работе Ч. Бут описывает восемь классов, но при размещении их на карте объединяет два из них в один). Данные карты выявили взаимосвязь между бедностью и пространственной сегрегацией, а метод картирования стал одним из основных методов городских исследований.

В начале XX века основной массив исследований социально-территориальной структуры города сосредоточился в работах представителей Чикагской социологической школы, которые использовали опыт Ч. Бута в формировании социальной экологии. В рамках этого направления теория городского развития получила институциональное закрепление, найдя выражение в множестве конкретных социологических исследований[36]. Программа эмпирических исследований была сформулирована Робертом Парком в работе «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде»[37]. Город воспринимался чикагцами как естественная среда обитания цивилизованного человека. «Город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет… Но если город – это сотворенный человеком мир, то это мир, в котором ему и приходится теперь жить. Таким образом, сотворив город, человек, невольно и не представляя себе отчетливо смысла этой работы, преобразил самого себя»[38]. В этом смысле город представляется некой социальной лабораторией, где все социальные процессы усиливаются и ускоряются. Р. Парк полагал, что город – лучшее место для изучения и исследования социальных проблем, так как «социальные

---

[36] См.: Чикагская школа: сборник переводов. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2015. С. 10-11

[37] См.: Парк Р. Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2011. С. 19-57.

[38] Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение, 2002. Том 2. № 3. С.4.

проблемы в основе своей – проблемы города»[39]. Город стал центром социальных изменений, где обычай оказывается вытеснен общественным мнением и законом, а социальный порядок, ранее покоившийся на традиции и воспринимавшийся как часть естественного порядка вещей, становится искусственным, прагматичным и экспериментальным.

Особое внимание в городских исследованиях чикагцев уделялось пространственной структуре города. Отрицая положение о том, что город – это искусственная конструкция, которую можно разобрать на части и затем заново собрать, Р. Парк выдвинул тезис об укорененности города в привычках и обычаях его обитателей. Город обладает физической и моральной организацией, которые, непрерывно взаимодействуя, модифицируют друг друга. «Структура города поражает нас своей зримой масштабностью и сложностью, но эта структура имеет свою основу в человеческой природе, выражением каковой она является. С другой стороны, эта широкая организация, возникшая в ответ на нужды его обитателей, однажды сформировавшись, навязывается им как грубый внешний факт и формирует их, в свою очередь, в соответствии с замыслом и интересами, которые она в себе воплощает»[40]. Амбивалентность городской структуры порождает проблемы при планировке городского пространства. Несмотря на наличие генеральных планов, город приобретает никем не задуманную и никем не контролируемую организацию. Эта организация является результатом неизбежных процессов человеческой природы: «личные вкусы и личные удобства, профессиональные и экономические интересы, как правило, безошибочно сегрегируют и тем самым классифицируют популяции больших городов»[41]. В результате роста населения города, а также внутренних экономических процессов население перераспределяется между различными кварталами и районами, обуславливая появление город-

---

[39] Там же. С.4.
[40] Парк Р. Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2011. С. 20
[41] Там же. С. 21

ских популяций, соседств, в пределах которых поддерживается преемственность городских процессов. На основе данного теоретического положения Р. Парк делает вывод о необходимости изучения городских популяций, что в дальнейшем становится одним из основных направлений исследований чикагцев[42].

Выдвинутый Р. Парком подход к структуре города предполагал определенный взгляд на процесс городского развития, раскрытый Эрнстом Берджессом. Как правило, рост городов описывался через простое расширение территории и рост численности населения. Э. Берджесс изобразил процесс экспансии города с помощью концентрических кругов, которые представляют собой зоны городского расширения (см. рис. 1).

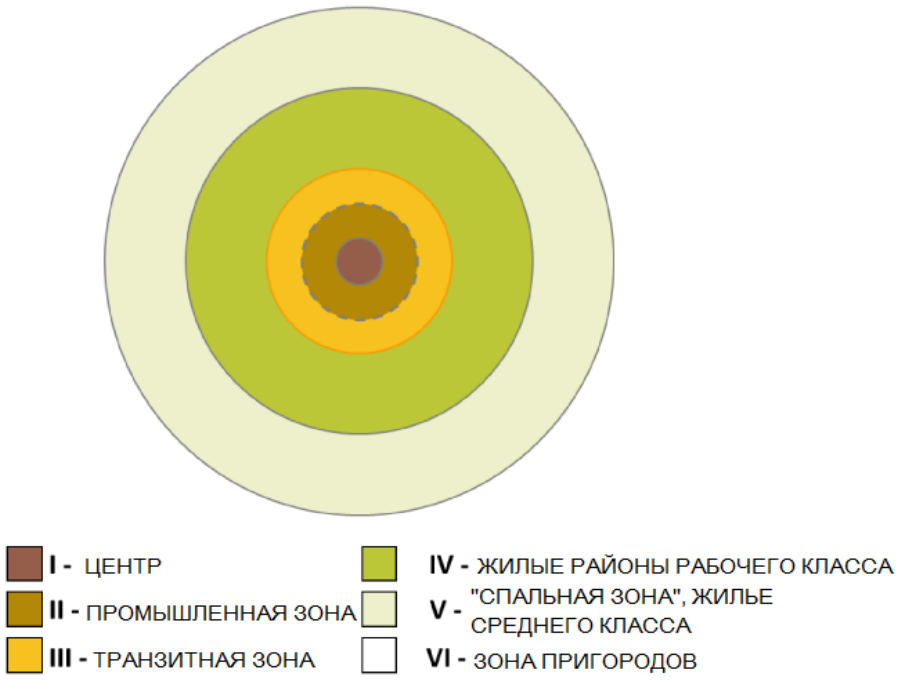

Рисунок 1. Модель концентрических зон Э. Бёржесса

Деловой центр города окружен застроенной ветхим жильем транзитной зоной, в которую уже проникает бизнес и легкая промышленность. В третьей зоне

---

[42] См.: Zorbaugh, H.W. The Gold Cost and the slum. Chicago: University of Chicago press, 1929. 287 p.; Wirth, L. The Ghetto. Chicago: University of Chicago press, 1928. 306 p.; Thrasher, F.M. The Gang: A Study of 1313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago press, 1927. 571 p. и др.

живут рабочие со средним уровнем дохода, которые смогли вырваться из переходной зоны, но которые стремятся жить ближе к месту своей работы. Четвертая, «спальная зона», образуется комфортабельными многоквартирными домами или частными домами высокообеспеченных горожан. Пятую зону образуют пригороды, находящиеся в 30-60 минутах езды от делового центра и населенные наиболее состоятельными группами горожан. Процесс экспансии города предполагает, что каждая зона, расширяясь, проникает в следующую. «В ходе экспансии города совершается процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий»[43]. Выделенные зоны более или менее четко отличимы друг от друга по нескольким критериям, главный из которых – цена на землю. В каждой зоне располагаются так называемые естественные ареалы, для жителей которых характерны особая культура и образ жизни. Следуя идее Р. Парка о необходимости изучения городских популяций, Э. Берждесс совместно с В. Палмер описали 75 естественных ареалов города Чикаго. Созданная ими карта использовалась муниципальными властями города для принятия управленческих решений в сфере городского планирования.

Амбивалентность городской структуры обуславливает и выбор методологии конкретных социологических исследований, в которой чикагские социологи стремились соединить методы качественных монографических обследований и статистический анализ данных. В своих исследованиях они пользовались статистикой, собираемой различными организациями: Бюро переписи населения, полицией, социальными службами, муниципальными организациями. Когда статистические сводки отсутствовали, чикагские социологи собирали необходимые данные самостоятельно. Анализ больших массивов данных требовал применения специальных методов (факторный анализ, корреляционный анализ и т.д.).

---

[43] Бёрджесс Э.У. Рост города // Чикагская школа: сборник переводов. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2015. С. 27

Активно применялись картографические методы, которые наглядно демонстрировали статистические данные и позволяли визуализировать распределение изучаемых феноменов по районам, оценить степень их наивысшей концентрации. Количественные методы, как правило, дополнялись исследованиями «на месте». Полноценное изучение какого-либо явления предполагало необходимость непосредственного знакомства с социальной реальностью. Таким образом, чикагцы активно применяли методы наблюдения, неформализованных интервью, анализа документов и биографических материалов и др. В 1928 году вышла работа Вивьен Палмер «Полевые исследования в социологии». Исследователь предложила трехступенчатую схему социологического исследования городских феноменов[44]. На первом этапе исследователь собирает все возможные данные об исследуемом явлении. Он ищет доступные статистические данные, исторические описания, газетные истории и другие доступные ему материалы. Затем для более глубокого изучения проблемы используется метод кейс-стади, который дополняется историческим методом, позволяющим нарисовать картину традиций и прошлого обследуемой социальной группы. На третьем этапе исследования используются статистические методы для детального анализа изучаемого явления на больших совокупностях и для распространения полученных выводов на другие социальные группы.

Статистические методы крайне активно применялись для исследования городской морфологии в первой половине XX века. В 1939 году Хомер Хойт опубликовал работу «Структура и рост жилых пригородов в американских городах», в которой на основе использования различных статистических данных для 142 американских городов модифицировал модель концентрических кругов Э. Берджесса и предложил собственную секторальную модель городского пространства[45].

---

[44] См. Bulmer, M. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: University of Chicago press, 1986. 285 p.

[45] См.: Hoyt, H. The structure and Growth of Residential Neighborhoods in American Cities. Washington: United States Government printing office, 1939. 178 p.

Х. Хойт выделил две основные задачи своего исследования: 1) предложить методологию, с помощью которой городское пространство может быть картировано, а рост городских частей измерен; 2) разработать схему городского роста, объясняющую причины нынешнего расположения функциональных зон и жилых кварталов в американских городах. Таким образом, в первой части своего исследования автор анализирует внутреннюю структуру городов, а во второй – динамику города и его отдельных частей.

Описывая методологию своего исследования структуры города, Х. Хойт начинает с анализа города как единого целого. Используя топографические карты, он определяет границы города, его пространственную форму, специфику ландшафта и т.д. На следующем этапе исследуются части города с точки зрения способов землепользования: выявляются пространственные отношения между функционально разными зонами (в частности, промышленными и торговыми), а также обозначаются жилые кварталы. При этом Х. Хойт критикует теорию концентрических зон, утверждая, что каждая следующая зона не всегда полностью окружает предыдущую: зачастую она просто примыкает к предыдущей в некоторых местах, но не образовывает круг. В частности, Х. Хойт показывает, что промышленные зоны нередко формируются вдоль основных транспортных артерий (железных дорог, рек или крупных автомобильных трасс) и располагаются, преимущественно, на окраине города, где ниже стоимость аренды земли. Особое внимание автор уделяет исследованию жилых кварталов и их расположению в различных частях города. Используя восемь факторов, Х. Хойт разделяет все жилые кварталы на три типа: высокого, среднего и низкого класса. К таким факторам исследователь относит:

1. Среднюю арендную плату по кварталу;
2. Долю построек возрастом более 35 лет;
3. Долю квартир, находящихся в собственности;
4. Долю построек, которым требуется капитальный ремонт или которые непригодны для проживания;

5. Долю квартир без собственной ванной комнаты;
6. Долю не-белых жильцов;
7. Долю квартир без центрального отопления;
8. Долю перенаселенных квартир.

По каждому из этих факторов строится собственная карта, совокупность которых отражает расположение жилых кварталов каждого типа.

Для своего анализа Х. Хойт использует данные, полученные в результате исследований недвижимости. Однако эти данные были доступны не для всех американских городов. В связи с этим исследователь доказывает, что для тех городов, для которых нужные данные отсутствуют, можно использовать единственный фактор средней арендной платы по кварталу. Подтверждая свои выводы статистическими данными, Х. Хойт показывает репрезентативность данного фактора, отмечая при этом более высокую гибкость и точность многофакторных карт.

Вторая часть исследования Х. Хойта связана с проблемами роста города и изменениями способов землепользования со временем. В первую очередь, необходимо выявить факторы городского роста. Города растут с разной скоростью, но, чем выше эта скорость, тем интенсивнее меняется городская структура. Вторая стадия исследования городского роста связана с созданием карт, отражающих городские изменения в динамике. С их помощью можно визуализировать основные модели городского роста (концентрические зоны, сектора или субцентры) и выявить связи между направлением роста и топографическими особенностями территории. Кроме того, подобное динамическое картирование позволяет оценить, как менялись способы землепользования в разных частях города, и объяснить механизмы роста жилых кварталов.

Применяя предложенный им метод анализа для исследования 142 американских городов, Х. Хойт разрабатывает секторальную теорию (см. рис. 2).

Рисунок 2. Секторальная модель Х. Хойта

Исследователь утверждает, что «различные типы жилых кварталов имеют тенденцию к росту вдоль четко определенных осей» [46]. Таким образом, если один сектор города формируется как зона жилых кварталов низкого класса, то этот характер будет поддерживаться по мере расширения сектора в результате роста города. С другой стороны, если в иной части города формируется зона жилых кварталов высокого класса, она будет также расширяться внутри определенного сектора. Жилые кварталы с высокой арендной платой постепенно отодвигаются к периферии города в пределах того сектора, где они сформировались впервые, а старые кварталы богачей теперь занимают средние слои. Изначально рост сектора часто осуществлялся вдоль транспортных магистралей. В частности, жилые кварталы с высокой арендной платой имели тенденцию расширяться вдоль транспортных путей, соединяющих квартал с финансовым и деловым центром, где работает значительная часть жителей этих кварталов. Однако с развитием сети автомобильных дорог и увеличением числа автомобилей такие кварталы стали грязны-

[46] Hoyt, H. The structure and Growth of Residential Neighborhoods in American Cities. Washington: United States Government printing office, 1939. P. 114

ми, шумными и небезопасными для детей, потеряв привлекательность для богачей. Соответственно, рост сектора становится веерообразным: интенсивность застройки постепенно увеличивается по направлению от центра, где однажды возник данный сектор, к периферии и по сторонам от той магистрали, вдоль которой начинался его рост.

Исследования Чикагской школы на долгое время определили вектор развития городской социологии. В 1945 году американские географы Чонси Гаррис и Эдвард Ульман предложили собственную модель городской структуры[47]. Они обратили внимание на то, что в некоторых городах пространство организовывается не вокруг единого центра, а вокруг нескольких отдельных ядер. В каких-то городах эти ядра существуют с момента основания, а в других возникают в результате роста города, стимулирующего миграцию и специализацию. Например, в Лондоне районы Сити и Вестминстер изначально существовали как два независимых центра, разделенных открытой местностью: исторически Сити являлся финансовым ядром города, а Вестминстер – политическим. В отличие от Лондона, появление субцентров в Чикаго происходило с развитием тяжелой индустрии, когда предприятия, изначально располагавшиеся в центре, перемещались в другие районы, где вокруг них формировалась новая инфраструктура.

Авторы критикуют модель концентрических зон и секторальную модель за то, что они придают слишком большое значение центральному городскому ядру, вокруг которого симметрично располагаются другие земельные участки в форме концентрических кругов или секторов. По мнению авторов, существование сепарирующих факторов определяет появление новых ядер в отличных от центра зонах. Такими сепарирующими факторами являются не только высокие цены на землю в центральном районе, но и преимущества, которые получают конкретные

---

[47] См.: Harris, C., Ullman, E. The Nature of Cities. // Paul K. Hatt, Albert J. Reiss, Jr. Glencoe. Reader in Urban Sociology. Illinois: Free Press, 1951. Pp. 237-247.

типы деятельности, располагаясь вне центра, но вблизи от крупных транспортных узлов, на большой свободной территории и т.д.

Развитие конкретных центров и соответствующая дифференциация городского пространства детерминированы следующими факторами. Во-первых, возможность реализации конкретного вида деятельности зависит от наличия соответствующей инфраструктуры. Торговля располагается в тех кварталах, куда легко добраться из разных точек города; для развития промышленности необходимы большие свободные земельные участки и хорошее железнодорожное или водное сообщение. Во-вторых, похожие типы деятельности концентрируются на одной территории, так как все они выигрывают от развития общей для них инфраструктуры и необходимых им услуг. Так, объединение нескольких торговых кварталов позволяет увеличить поток покупателей. В-третьих, некоторые виды деятельности несовместимы и не могут размещаться на одной территории. Классическим примером является антагонизм между промышленными и жилыми районами: элитное жилье никогда не строится рядом с промышленными корпусами. Аналогично, розничная и оптовая торговля не могут концентрироваться в одном районе, так как поток пешеходов и автомобилей розничных покупателей будет препятствовать движению большегрузов, разгрузке и загрузке товара, и наоборот. В-четвертых, принцип размещения типов деятельности внутри города зависит от цены на землю и аренду. Например, складские помещения или низкобюджетное жилье не располагаются в зонах с высокой арендной платой.

В результате исторического развития города и усиливающейся специализации его районов формируются внутригородские ядра, количество которых со временем растет. Ч. Гаррис и Э. Ульман выделяют несколько субцентров, которые необходимо присутствуют в любом городе (см. рис. 3).

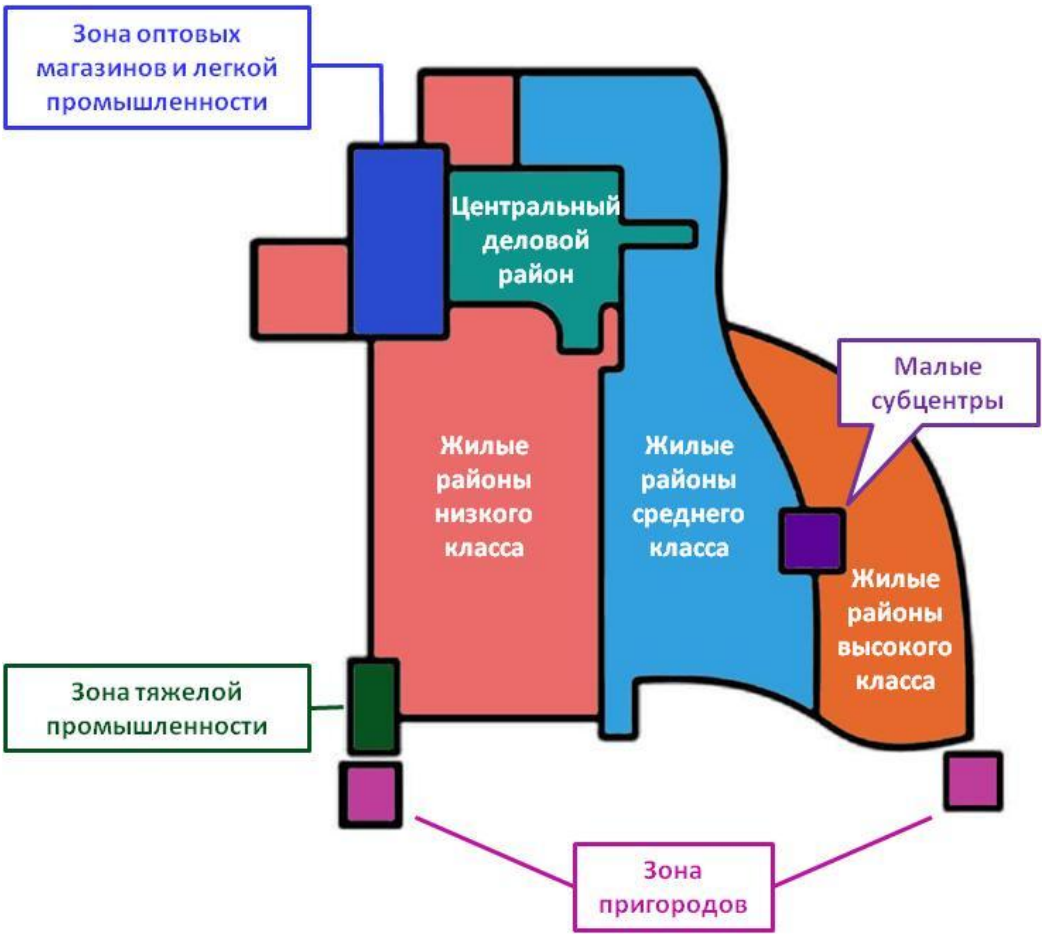

Рисунок 3. Модель субцентров Ч. Гарриса и Э. Ульмана

1. Центральный деловой район. Из-за асимметричности городского роста центральный деловой район редко находится в географическом центре города. В случае, если город имеет выход к морю или реке, центр, как правило, примыкает к ним. Легкий доступ в этот район на личном и общественном транспорте обеспечивается за счет схождения большого количества транспортных линий. Цены на недвижимость и аренду в этом районе крайне высоки. Здесь расположены правительственные здания, финансовые институты, бизнес-центры, а также торговые улицы, которым обеспечен большой поток покупателей.

2. Зона оптовых магазинов и легкой промышленности непосредственно примыкает к центральному деловому району, но не окружает его. Этот район располагается вдоль железнодорожных путей и требует развитой транспортной инфраструктуры.

3. Зона тяжелой промышленности располагается на границе города, так как для нее требуется много свободного пространства и хорошее транспортное сообщение.

4. Зона жилых районов. Элитное жилье и жилые районы высокого класса располагаются вдали от железных дорог, крупных автомобильных дорог и промышленных субцентров. Это районы с хорошей экологией, низким уровнем шума и развитой инфраструктурой. Жилые районы низкого класса зачастую соседствуют рядом с фабриками, железными дорогами, примыкают к деловому центру и районам легкой промышленности. Для жилых районов характерна однородность состава, крайний случай такой однородности представляют этнически сегрегированные группы.

5. Небольшие субцентры, представляющие собой парки, культурные центры, университетские городки.

6. Зона пригородов, жилая или промышленная, существует в большинстве американских городов и связана с появлением автомобиля и улучшением качества железнодорожного сообщения.

Во второй половине XX века представления о городском пространстве и городской структуре формировались, преимущественно, в рамках «новой городской социологии», трактующей городские процессы в русле критической теории и постмарксизма[48]. Исследователи стремились не столько описать морфологию существующих городов, сколько предложить новые теоретические подходы к генезису городского пространства. Определяя пространство как социальный продукт, Анри Лефевр разработал подход, который он сам предложил назвать «спациоанализом» или «спациологией»[49]. Целью своей работы «Производство пространства» А. Ле-

---

[48] См.: Castells, M. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. University of California Press, 1984. 471 p.; Castells, M. The Urban Question: A Marxist Approach. The MIT Press, 1979. 502 p.; Лефевр А. Производство пространства. М.:Strelka Press, 2015. 432 с.; Харви Д. Право на город // Логос, 2008. № 3. С. 80-94.

[49] Лефевр А. Производство пространства. М.:Strelka Press, 2015. С. 394.

февр ставил дать характеристику тому пространству, в котором мы живем, а также «выяснить генезис современного общества через произведенное им пространство и с помощью этого пространства»[50]. Таким образом, в его концепции пространство приобретает диалектический характер. Способ производства создает собственное пространство, проецируя на местность присущие ему социальные отношения. В то же время произведенное пространство само является средством производства, равно как и средством контроля, а значит, господства и власти. Так, капиталистический способ производства, использовав уже существующее пространство (реки, каналы, моря, дороги), создал свое собственное пространство (железные дороги, шоссе, аэродромы), которое само превратилось в средства производства (городская инфраструктура – порты, дороги, вокзалы – является частью капитала). Город и городское пространство не могут быть определены просто как сумма мест потребления и мест производства. Пространственная организация города (равно как и региона, страны, континента) повышают эффективность производительных сил, как оборудование и станки на фабрике, но на более высоком уровне.

Выдвигая идею пространственной триады, А. Лефевр вводит следующие понятия, необходимые для понимания социального и, следовательно, городского пространства:

1. Пространственная практика любого общества производит свое пространство. При неокапитализме пространственная практика связывает повседневную реальность, которую А. Лефевр определяет через повседневные дела, времяпрепровождение, и реальность городскую, понимаемую как маршруты и сети, связывающие места жительства, работы и досуга. Пространственная практика – это воспринимаемое пространство, она показывает, как люди использую пространство в своей повседневности.

---

[50] Там же. С. 13.

2. Репрезентации пространства или задуманное (осмысленное) пространство – это «пространство ученых, планировщиков, урбанистов, «кроящих» и «организующих» технократов, некоторых художников, близких к научным кругам и отождествляющих переживание и восприятие с замыслом (продолжением чего служат ученые рассуждения о числах — золотом сечении, модулях и «канонах»)»[51]. Репрезентации пространства могут принимать физическую форму в виде карт, планов, моделей и схем города.

3. Пространство репрезентации или пространство, переживаемое через некоторые образы и символы, является пространством жителей и пользователей. «Оно покрывает собой физическое пространство, используя его объекты в качестве символов»[52].

Рассмотренные три среза социального пространства зачастую вступают в конфликт. Один из основных тезисов А. Лефера заключается в том, что пространство имеет политический характер[53]. Отсюда следует, что основной метод изучения пространства должен строиться на анализе его конфликтной природы. Государство использует пространство таким образом, чтобы обеспечить гомогенность, фрагментацию и иерархизацию. Гомогенность предполагает производство унифицированного пространства (строительство одинаковых домов, кварталов, трасс, аэропортов), в котором есть сильные центры и слабая периферия. Таким образом, пространство предстает не только как продукт производительных сил, производственных отношений и собственности, но и как продукт административного и репрессивного контроля, результат стратегий доминировании и подчинения, навязываемых государством. Под фрагментацией понимается разбиение единого городского пространства на некоторые отдельные пространства, функциональные зоны: жилые кварталы, промышленные зоны, торговые улицы, цен-

---

[51] Там же. С. 52
[52] Там же. С. 52
[53] См.: Lefebvre, H. State, Space, World: Selected Essays. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. P. 174

тры проведения досуга и др. При этом данное разделение не является естественным, а происходит в силу того, что единое пространство, становясь товаром, дробится на мелкие части, покупается и продается. Гомогенность пространства поддерживается, в частности, через иерархизацию. Разделение города на центр и периферию характерно не только для крупных мегаполисов, но и для так называемых развивающихся регионов. Доминирование центра над периферией позволяет сохранять гомогенность пространства и поддерживать все формы контроля (организационного, административного, финансового, политического и др.). Центры соединяют периферии, координируют их активность, подчиняя общей стратегии государства. Иерархизация выражается также и в том, что городское пространство отражает социальную стратификацию населения города. Сегрегация является неотъемлемой характеристикой городского пространства, а рабочий класс, проживающий в гетто, в глазах А. Лефевра предстает наиболее уязвимым и изолированным.

Представление о городском пространстве как производном от экономико-политических сил было характерно и для социологии Дэвида Харви. Фокус в объяснении пространственной формы города переносится на два основных фактора: накопление капитала и классовую борьбу[54]. С точки зрения Д. Харви, функциональная роль города заключается в процессе накопления: искусственно созданная городская среда (built environment) возникает благодаря географической концентрации прибавочной стоимости. В городских формах воплощаются социальные, экономические, политические, технологические и институциональные возможности концентрации и распределения прибавочной стоимости. Пространственная организация города изменяется под влиянием капитала и при поддержке правительства. Применяя данную теорию к анализу социально-территориальной структуры города, можно сделать вывод о том, что она является результатом

[54] См.: Harvey, D. Social Justice and the City. Georgia: University of Georgia Press, 2010. 356 p.; Gottdiener, M. The Social Production of Urban Space. Austin: University of Texas Press, 1994. 320 p.

распределения инвестиций. Финансовые суперструктуры играют важную роль в организации местных рынков недвижимости и, как результат, являются источником разнообразных городских проблем: расовой и классовой сегрегации, наличии заброшенного и ветхого жилья, неравного доступа к услугам типа образования и здравоохранения, неравенства городских районов. «Нерегулируемый капитализм свободного рынка расширяет классовое разделение, усиливает социальное неравенство и делает так, что богатые регионы становятся богаче, а все остальные все глубже погружаются в болото бедности. Города становятся все более геттоизированными по мере того, как богатые все сильнее стремятся оградить себя от них»[55]. Подобного рода экономико-политический детерминизм переносит акцент на классовую борьбу и городские социальные движения. Отстаивая свое право на город, различные классы стремятся к преобразованию города в соответствии со своими собственными желаниями[56]. Таким образом, изучение социально-территориальной структуры города предполагает: 1) анализ основной структуры инвестиций в городские проекты; 2) классовые интересы горожан, их вовлеченность в городские социальные движения и способы отстаивания права на город.

Роль частных девелоперов зачастую определялась как решающая и представителями Лос-анджелесской школы урбанизма в их исследованиях окраинных городов. Предпосылкой к зарождению Лос-анджелесской школы урбанизма стало представление о Лос-Анджелесе как уникальном, своеобразном городе, который кардинально отличается от других американских городов. Соответственно, исследование его социально-территориальной структуры не может основываться на существующих теориях и концепциях, в частности, на интеллектуальном наследии Чикагской школы. В то же время в противовес Чикаго как типичному городу начала и середины XX века Лос-Анджелес представлялся его исследователям как

---

[55] Харви Д. Право на город // Логос, 2008. № 3 (66). С. 90.
[56] См. Харви Д. Право на город // Логос, 2008. № 3 (66). с. 80-94; Lefebvre, H. Writings on Cities, translated and edited by Eleonore Kofman and Elizabeth Lebas. Oxford: Blackwell, 1996. 250 p.

прототип городов будущего, постмодернистских городов конца XX века[57]. В свей работе «Окраинный город: жизнь на новых рубежах» Джоел Гарро заметил, что «каждый американский город, который растет, растет по образцу Лос-Анджелеса, развивая многочисленные городские центры»[58]. Формулируя концепцию окраинных городов, Дж. Гарро утверждает, что они формируются на месте бывших пригородов и выглядят как центральные деловые районы. Одной из основных черт окраинных городов является то, что, по словам Дж. Гарро, они «содержат больше рабочих мест, чем спален»[59], то есть в них работает больше людей, чем живет (как и в центральном деловом районе), и поток горожан увеличивается в будние дни. Все больше людей ездят на работу и за покупками в окраинные города, где все чаще располагаются офисы и торговые центры. Окраинный город является непрерывно изменяющимся территориальным образованием, зачастую довольно трудно установить его границы и описать его морфологию. Однако появление окраинных городов в значительной степени изменяет социально-территориальную структуру мегаполисов, формируя новые центры, которые перенимают часть функций старого центрального делового района. При этом окраинные города не является типично американским феноменом, их развитие можно наблюдать и в странах Европы, а некоторые исследователи указывают на существование окраинных городов и в странах Азии[60]. Разумеется, европейские окраинные города обладают определенной спецификой, однако, по мнению исследующих эту проблему социологов, основное отличие заключается в схеме финансирования проектов раз-

---

[57] См.: Soja, E.W. Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography // Environment and Planning D: Society and Space, 1986. Vol. 4, Issue 3. Pp. 255–272.
[58] Garreau, J. Edge City: Life on the New Frontier. NY: Knopf Doubleday Publishing Group, 1991. P. 3.
[59] Там же. С. 7
[60] См.: Bontje, M., Burdack, J. Edge Cities, European-style: Examples from Paris and the Randstad // Cities, 2005. Vol. 22, No. 4. Pp. 317–330; Rimmer, P. J., Dick H. The City in Southeast Asia: Patterns, Processes and Policy. Singarope: NUS Press, 2009. 340 p.

вития окраинных городов, нежели в специфике их морфологии и паттернов изменения территории[61].

Противопоставляя себя Чикагской школе, Лос-анджелесская школа урбанизма рассматривала свое развитие как переход от исследования города модерна к анализу города постмодерна. Принадлежащие к этому научному направлению социологи полагали, что концепция чикагцев не отражает реалий современного американского города. С точки зрения подхода к социально-территориальной структуре города, основные различия двух школ видятся в следующем[62]:

1. Теоретические разработки чикагцев предполагали, что центр является организующим ядром города, тогда как в концепции Лос-анджелесской школы периферия зачастую выступает организующим фактором.
2. Парадигма линейного городского развития сменяется нелинейным, хаотичным процессом, который производит патологические городские формы и приводит к экологической деградации городской среды.

Изменения социально-территориальной структуры городов, затрудняющие применение теорий, разработанных Чикагской школой для ее анализа, включают появление: 1) мировых городов, представляющих собой несколько крупных центров управления и контроля в глобализирующейся экономике; 2) дуальных городов, в которых увеличивается социальная поляризация между социальными классами, этническими и религиозными группами; 3) гибридных городов, характеризующихся фрагментированностью, приводящей к разрушению традиционных соседств; 4) кибергородов, в которых пространство мест вытесняется пространством потоков[63]. К изменению предложенной чикагцами морфологической модели

---

[61] См.: Bontje, M., Burdack, J. Edge Cities, European-style: Examples from Paris and the Randstad // Cities, 2005. Vol. 22, No. 4. Pp. 317–330.
[62] См.: Dear, M. The Los Angeles School of Urbanism: An Intellectual History // Urban Geography, 2003. №24 (6). Pp. 493–509.
[63] См.: Castells, M., The Rise of the Network Society, 2nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell. 597 p.

города приводят также и частные инвестиции, которые способствуют неравномерному развитию города. Примером может служить реиндустриализация, в ходе которой осваиваются новые, ранее не индустриализированные городские пространства, располагающиеся, преимущественно, на городской периферии. Их возникновение приводит к пространственной реструктуризации современного метрополиса и созданию намного более полицентричных городских регионов. «Новая городская форма еще больше размыла простой дуализм современного метрополиса — разделение между плотным, гетерогенным и крайней синойкичным* центром города и сонным, гомогенным миром пригородов. На его месте возник более многоцентричный, глобализованный и информационный город-регион»[64]. В то же время наблюдается превращение центра в периферию за счет массовой миграции людей из развивающихся стран, что приводит к появлению крайне гетерогенных в культурном отношении городов и способствует «усилению социальной поляризации и возрастанию неравенства в богатстве и власти, основанного на классовой, расовой, этнической и национальной принадлежности»[65].

Подводя итог анализу рассмотренных в параграфе зарубежных подходов к изучению социально-территориальной структуры города, отметим, что каждый из них с некоторыми оговорками может быть плодотворно применен к исследованию российских городов. Особый интерес представляют методология, предложенная Чикагской школой, и метод социального картирования; обоснование необходимости исследования роли государства и частных инвесторов при анализе специфики развития городского пространства; новые городские процессы, описанные теоретиками Лос-анджелесской школы, которые оказывают влияние на динамику социально-территориальной структуры города. Наиболее значимые, на

---

* Синойкизм, по Э. Сойе, определяется как непрерывный крайне политизированный процесс городского роста и развития.

[64] Сойя Э. как писать о городе с точки зрения пространства // Логос, 2008. № 3 (66). С. 139.

[65] Там же. С. 139

наш взгляд, из этих процессов будут рассмотрены в следующих параграфах диссертационной работы.

В отечественной социальной науке проблематика городского пространства развита в меньшей степени, хотя исследованиями городов, городской культуры, городской среды, проблемами жилища занимались многие российские социологи и урбанисты. Значимый вклад в развитие социологии города в России внесли В.Л. Глазычев, О.Н. Яницкий, Г.З. Каганов, Л.Б. Коган, А.С. Ахиезер, О.С. Пчелинцев и другие[66]. В частности, А.С. Ахиезер, изучая город через призму процесса урбанизации, рассматривал его как урбанизированную территорию, которая «являет собой постоянно усложняющуюся картину территориально закрепленных социокультурных различий»[67]. О.Н. Яницкий предложил метаболическую концепцию современного города[68]. С точки зрения социально-территориальной структуры города, особый интерес в рамках этой теории представляет концепция города как сетевого метаболического организма, являющегося одним из элементов глобального социально-экологического метаболизма. «Город – многостороннее пространство, не ограниченное территорией, равно как движением людей, информации или товаров. Он осуществляет перманентную трансформацию вещества, энергии, отходов и т. д., которые в совокупности изменяют его самого, фор-

---

[66] См.: Глазычев В.Л. Московская стратагема // Отечественные записки, 2012. № 3 (48). С. 127-144; Глазычев В.Л. Большая Москва // Прямые инвестиции, 2011. №8. С. 36-39; Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа; Новая площадь, 2008; Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика, 2013. №3. С. 16-32; Коган Л.Б. Урбанология и городская политика: от осознания к знанию. Москва, 2010. URL: http://emsu.ru/kogan/ (дата обращения: 03.07.2017); Коган Л. Урбанология: от городского сознания к знанию // Городское управление, 2010. № 11. С. 2–4; Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995; Каганов Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства. М.: Индрик, 1995; Каганов Г. З. К поэтике обитаемого пространства // Человек, 1995. № 4. С.37-52; Пчелинцев О.С. Рациональное размещение производства и проблема больших городов. // Вопросы философии, 1961. № 2. С. 56-62.

[67] Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 26.

[68] См.: Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика, 2013. №3. С. 16-32.

мы социальной организации его жизнедеятельности»[69]. Оперируя понятием сетей, которые представляют собой потоки людей, вещества, энергии и информации, О.Н. Яницкий утверждает, что в современном обществе сила и направление движения этих потоков значительно меняются под воздействием экономических и геополитических процессов. Результатом этих изменений становится неустойчивость городской экосистемы, которая препятствует установлению «единого принципа распределения метаболически рискогенных и относительно безопасных зон на его [города] территории»[70]. Нестабильность городской экосистемы поддерживается через рискогенные городские зоны, как, например, участки, заселенные нелегальными мигрантами. Другим фактором рискогенности являются непродуманные планы реконструкции городской территории. В этой связи выстраивание методологии исследования городской среды на основе метаболического подхода видится автору оптимальным решением градостроительной полиполитики.

Т.М. Дридзе обосновала необходимость проведения диагностических исследований перед принятием градостроительных решений. Такое исследование должно носить мультидисциплинарный характер и быть направленным на изучение истории заселения территории, социального состава населения и его динамики, функций, зонировании и характера застройки территории в разные периоды. Таким образом, диагностическое исследование должно быть первым этапом в формировании концепции городского развития, которая должна быть социально ориентирована. Социально-ориентированная градостроительная практика предполагает такой взгляд на город, при котором он мыслится как «особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство-время»[71], которое создается деятельностью людей. Таким образом, она предполагает создание «коммуника-

---

[69] Там же. С. 22.
[70] Там же. С. 27
[71] Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градоустройстве // Социологические исследования, 1998. № 2. С. 96.

тивной» городской среды, которая располагает горожан к общению с другими людьми. Рассматривая коммуникативность как специфическую особенность городского пространства, Т.М. Дридзе утверждает, что бессистемная административная, офисная и частная жилая застройка ведет к ее разрушению. Возможности ее сохранения связаны с грамотными управленческими решениями, основанными на проведении социологического диагностического исследования.

Аналогично, необходимость проведения «урбанологических» исследований, предполагающих широкие обследования различного типа населенных пунктов, отстаивал Л.Б. Коган[72]. С его точки зрения, целостный взгляд на город представляет его как социально-пространственный организм, сформированный процессами урбанизации и агломерирования. Для комплексного исследования города Л.Б. Коган предлагает «средовой подход», который учитывает не только архитектурно-градостроительную, пространственную, но и социально-функциональную составляющую. При таком подходе город понимается не как совокупность материальных структур, но как единство социокультурных процессов. С эмпирической точки зрения, использование средового подхода предполагает проведение социологических опросов горожан относительно их «городского поведения» и восприятия ими своего городского окружения.

Социально-территориальная структура российских городов изначально рассматривалась в проблемном поле архитектуры, градостроительства, географии, экономической географии и социальной географии. Развивая системный подход к изучению города, А.Б. Гутнов предложил модель каркасной организации[73]. Критикуя ортодоксальную градостроительную теорию за ее упрощенный подход к городу как системе четко дифференцированных функциональных зон (зона при-

---

[72] См.: Коган Л.Б. Урбанология и городская политика: от осознания к знанию. Москва, 2010. URL: http://emsu.ru/kogan/ (дата обращения: 03.07.2017); Коган Л. Урбанология: от городского сознания к знанию // Городское управление, 2010. № 11. С. 2–4.

[73] См.: Гутнов А.Б. Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984. 256 с.; Гутнов А.Б. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 211-232.

ложения труда, зона жилья, зона отдыха), ученый обращается к междисциплинарным исследованиям и включает в свою модель знания из области географии, социологии города, методы математического моделирования. Базовым понятием его концепции является понятие градостроительной системы. Она представляет собой «относительно обособленную, функционально связанную область организованной человеком пространственной среды, в пределах которой реализуется комплекс основных видов социальной активности населения»[74]. Ее структурно-функциональная организация определяется элементами, расположенными рядом с главными узлами транспортной сети, так как они осваиваются наиболее интенсивно в силу транспортной доступности. Структурообразующая часть градостроительной системы, получившая название «каркас», наиболее устойчива к изменениям и отличается высокой интенсивностью пространственного освоения. Это наиболее существенные элементы системы, на которые должно быть направлено внимание градостроителя в процессе городского планирования. Остальные компоненты систем представляют собой «ткань», то есть застройку, конкретные сооружения, которые заполняют ячейки каркаса (жилые дома, промышленные объекты, рекреационные комплексы и др.). Соотношение каркаса и ткани выражает динамику развития градостроительной системы. Вводя двоичную модель городской системы, А.Б. Гутнов предлагает отказаться от функционального зонирования городской территории и перейти к зонированию по принципу интенсивности протекания и концентрации различных функциональных процессов.

Понятие каркаса используется и в концепции расселения Г.М. Лаппо. Изучая города с позиций экономической географии, он рассматривает их как узлы опорного каркаса расселения – совокупности основных центров экономической,

---

[74] Гутнов А.Б. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 214.

политической и культурной жизни страны[75]. Узлы соединяются магистралями и полимагистралями (общая трасса для нескольких видов транспорта).

В качестве узлов опорного каркаса города выполняют ряд важных функций:

1. Города являются районообразующими единицами, оказывая влияние на социально-экономическое развитие окружающего района и формирование в нем систем расселения.

2. Города выступают в качестве центров взаимодействия, организовывая связь внутри окружающего района, перерабатывая поступающую к ним продукцию: от сырья до информации.

3. Города помогают осваивать окружающий район, обеспечивая транспортное сообщение, информационное сопровождение, строительное и организационное обслуживание.

В рамках настоящего диссертационного исследования идеи Г.М. Лаппо представляют интерес для изучения городских агломерации в целом и Московской агломерации в частности.

Современное представление о структуре и динамике развития современного российского города связывается, в первую очередь, с работами А.А. Высоковского. Предложенная им неравномерно районированная модель основывается на двух законах: «неравномерности использования территории города и повышения интенсивности ее использования по мере роста города»[76]. Неравномерность предполагает, во-первых, неоднородность городского пространства, а, во-вторых, изменение его метрики по мере движения от центра к периферии. При удалении от центра изменяются размеры кварталов, интенсивность использования территории, распределение объектов обслуживания. Модель предусматривает районирование территории, при котором в пространстве города выделяются локальные неравномерности (концентрации офисов, объектов обслуживания и другой дея-

---

[75] См.: Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.

[76] Материалы по обоснованию проекта Генерального плана Перми. Том 2. URL: http://permgenplan.ru/upload/cheme/tom2_final.pdf (дата обращения: 01.05.2017)

тельности), связанные с монофункциональными территориями (жилье, промышленные зоны, зеленые массивы). Такая связка определяется как единица пространственной системы города.

А.А. Высоковский предлагает классификацию пространственных единиц или узловых районов города. Центральный узловой район – это самая старая и ценная часть города. Она характеризуется высоким уровнем концентрации различных типов активности, перемещений, транспорта, символов. Рядовые узловые районы формируются вокруг одного уникального общегородского объекта и имеют более низкий уровень структурной развитости.

Люди упорядочивают свое поведение в городе с помощью точек отсчета, которые закрепляют систему их ценностей в отношении определенных мест. Точка отсчета – это некоторая совокупность материальных объектов, с помощью которых в пространство города вводится ценностное измерение. При этом необходимо различать публичное и приватное пространство. Так, точкой отсчета публичного пространства будет определенное место в городе, которое хорошо известно всем его жителям и несет в себе важное символическое значение. Как правило, это главная площадь города (например, Красная площадь в Москве). Точкой отсчета приватного пространства является собственное тело индивида и, соответственно, место, где проходит его частная жизнь, его дом. В этой связи в неравномерно районированной модели вводится понятие вернакулярного района, который представляет собой часть территории города, определяемой жителями как место их проживания. Эта территория не совпадает с административными районами города, она соединяет физическое пространство и ментальное представление горожан о нем.

Таким образом, неравномерно районированная модель рассматривает город в двух измерениях: объективном и субъективном. Выявление пространственных единиц города осуществляется как через анализ распределения различных объектов по территории города, так и через изучение вернакулярных районов – ареалов повседневных перемещений горожан и освоенных ими районов проживания.

§2. Обоснование методологии исследования социально-территориальной структуры современного российского города

Рассмотренные теоретические подходы к исследованию городского пространства представляют несомненный интерес, однако применение западных подходов к российским реалиям несколько затруднено, что связано со спецификой исторического развития российских городов и длительным периодом существования в условиях плановой экономики и коммунистической идеологии. Подробнее эта проблематика будет раскрыта во второй главе нашей работы.

В то же время описанные в первом параграфе исследования Ч. Бута, Ф. Энгельса и представителей Чикагской школы представляют особый интерес для анализа территориально-пространственной структуры современного российского города с методологической точки зрения. Все они обосновывают необходимость использования многообразных социологических методов (как количественных, так и качественных) для изучения специфики городской морфологии, а также демонстрируют возможности картографии в социологических исследованиях. Картография позволяет не только визуализировать и наглядно представить территориальное распределение исследуемых феноменов, но и определить проблемные зоны города для последующего углубленного изучения. Рассмотренные в динамике, городские карты помогают оценить направленность и интенсивность изучаемых процессов. Картографический метод уже находит свое применение в российских социологических исследованиях: геоданные все чаще используются для анализа пространственного распространения самых разнообразных процессов, особенно тех, что протекают в городской среде[77]. Несмотря на то, что метод

---

[77] См.: Корнев Н.Р., Коровяковский Ю.П. Социо-пространственное измерение Санкт-Петербурга: жилищная картография // Телескоп, 2008. № 3. С. 17-22; Пыстогова Е.А. Состояние качества жизни

картографии пока еще не получил широкого распространения в российских социологических исследованиях, он уже нашел институциональное закрепление: в рамках Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ создана Лаборатория пространственного анализа городских данных, одним из направлений деятельности которой является пространственный и статистический анализ с использованием геоинформационных систем, а также разработка способов визуализации данных: карт, графики и инфографики.

Термины «социальное картирование» и «социальное картографирование» часто используются как синонимы. Однако мы вслед за И.А. Скалабан будем различать эти понятия[78]. Термин «картографирование» сформировался в рамках научного аппарата географических наук и используется в случаях, когда речь идет о построении карт путем нанесения некоторых данных на заданную систему координат. При картировании (mapping) моделирование может выражаться как в построении пространственной карты, так и в описании или изображении некоторого явления, при котором значимую роль играет расположение объектов относительно друг друга. В рамках данного исследования мы будем пользоваться термином «социальное картирование» как более широким понятием.

Социальное картирование представляет собой группу методов, среди которых можно выделить четыре ключевых подхода: социально-статистический (представление количественных данных на географической карта), социально-антропологический (отображение образа города в представлении горожан), социально-сетевой (отображение социальных связей) и проектный (построению социальных карт в контексте планирования, мониторинга и оценки социальных

населения в регионах России: социальное картирование // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление, 2015. Том 11. № 4 (29). С. 104-115; Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Издательство Сибпринт, 2015. 301 с.; Археология периферии. Сост. Ю.Э. Григорян. М.: Московский урбанистический форум, 2013. 529 с.

[78] См.: Скалабан И.А. Образы поселений: карта как соучастие // Ценности и смыслы, 2015. № 1 (35). С. 38-51.

программ и проектов)[79]. С точки зрения данного исследования особый интерес представляют социально-статистический и социально-антропологический подходы. Социально-сетевой и проектный подходы не отвечают поставленным задачам, так как первый предполагает построение диаграммы сетей, т.е. отношений и связей индивидов без привязки к географическому пространству, а второй является, скорее, не отдельным методом картирования, а технологией, используемой во время планирования и разработки социальных программ и городских проектов.

Социально-статистический подход предполагает, что исследователь наносит некоторые отобранные им статистические данные на географическую карту населенного пункта, региона, страны. Построение карты целиком опирается на использование количественных данных: официальной статистики или первичной информации, собранной в результате социологического исследования. Подобные карты, как правило, предлагают многофакторный анализ исследуемого явления и носят комплексный характер, то есть состоят из нескольких «слоев». Данный подход максимально близок к методикам, используемым в экономической географии, и представляет собой способ пространственной репрезентации полученных данных, который позволяет оценить степень и регионы распространенности того или иного явления или процесса. В рамках настоящего диссертационного исследования использование данного подхода будет опираться на комплексную методологию анализа социально-территориальной структуры.

В российской социологической литературе на сегодняшний день редко встречаются примеры разработки комплексной методологии, позволяющей исследовать все аспекты социально-территориальной городской структуры. Как правило, целью исследования городского пространства является подробное изучение одного или нескольких его аспектов. Тем не менее, есть несколько приме-

---

[79] См.: Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Издательство Сибпринт, 2015. С. 29-51.

ров применения исследований, использующих комплексный подхода к изучению городского пространства.

Одно из таких исследований провела О.И. Вендина при создании Социального атласа Москвы, подготовленного ей для Московского урбанистического форума 2013 года[80]. Атлас, в котором с помощью карт показаны особенности дифференциации социально-экономического пространства города, создан на основе анализа демографической и социально-экономической статистики[81]. Автор нанесла на карты Москвы ряд статистических данных, включающих информацию о численности и плотности населения, распределении рабочих мест, жилом фонде, инвестиционной привлекательности, распределении человеческого капитала, анализ которых позволил ей, во-первых, создать типологию районов Москвы, а, во-вторых, сделать выводы о соответствии Москвы критериям постиндустриального развития.

Другой пример подобного исследования представляет собой проект Московского института социально-культурных программ «Механика Москвы»[82], посвященный изучению качества городской среды. Крупномасштабное исследование включало в себя социологический опрос москвичей, а также анализ статистических данных. В результате исследования были построены карты, визуализирующие качество городской среды во всех районах Москвы на основе семи параметров: безопасность, жилищные условия, здравоохранение, культура, образование, транспорт, экология. По результатам исследования был проведен кластерный анализ и выделено несколько типов городской среды.

В данном диссертационном исследовании также будет применен комплексный подход к исследованию социально-территориальной структуры. Однако в отличие от исследования, проведенного Московским институтом социально-

---

[80] См.: Вендина О.Н. Социальный атлас Москвы //Проект Россия: приложение к журналу, 2012. № 4 (66).
[81] См.: Там же.
[82] См.: Пузанов К., Степанцов П. Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Московский институт социально-культурных программ, 2016. 135 с.

культурных программ, нас будет интересовать не качество городской среды, измеряемое, в первую очередь, через совокупность субъективных показателей удовлетворенности населения, а *специфика расселения устойчивых социальных общностей, обусловленная неоднородностью условий проживания*. Таким образом, с помощью результатов исследования можно будет *оценить потенциал развития каждого городского района на основе объективных статистических данданных*. Объединение полученных в ходе исследования данных с результатами исследований качества городской среды позволит разработать обоснованные рекомендации для принятия решений в области городского развития и планирования.

Главную методологическую задачу настоящего исследования составляет выбор показателей, на основе которых будет проводиться эмпирический анализ. Их выбор обусловлен, в первую очередь, целью и задачами нашего исследования. Для решения поставленных методологических задач мы обратимся к теории капитала Пьера Бурдье. Капитал, по П. Бурдье, выступает в следующих формах: 1) экономический капитал напрямую конвертируется в деньги и институционализируется через право собственности; 2) культурный капитал институционализируется в форме образовательных квалификаций; 3) социальный капитал формируется с помощью социальный связей и ассоциируется с членством в группе[83]. Что касается символического капитала, то он понимается как форма, которую могут принимать другие виды капитала, «воспринимаемые и признаваемые как легитимные»[84]. Это то, что обычно называют престижем, статусом, репутацией. Он понимается как любой из видов капитала, воспринимаемый символически. «Символическим капиталом может быть любое свойство (любой вид капитала: физический, экономический, культурный, социальный), когда оно воспринимает-

---

[83] См.: Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002. Том 3, № 5. С. 60-74.
[84] Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 70

ся социальными агентами, чьи категории восприятия таковы, что они в состоянии узнать (заметить) и признать, придать ценность этому свойству»[85].

В теории П. Бурдье носителем капитала выступает индивид. Отсюда вытекает понятие социального пространства и его связь с физическим пространством, которое представляет собой многомерную конструкцию, являющуюся отражением первого. По П. Бурдье, социальное пространство абстрактно, оно конструируется посредством полей, в структуре которых отражается неравномерное распределение различных видов капитала. Социальное пространство определяется по взаимоположению в нем статусных позиций индивидов. При этом социальное пространство вписано в объективные пространственные структуры и стремится наиболее полно преобразоваться в физическое пространство. Являясь обитаемым, физическое пространство может мыслиться только как социальный конструкт. «Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг»[86]. При этом блага и услуги, соответствующие различным полям, стремятся наложиться друг на друга. В результате наиболее дефицитные и дорогие блага, а также их собственники, концентрируются в одном месте физического пространства, дистанцируясь от наиболее обездоленных групп, что в контексте городской среды приводит к пространственной дифференциации районов и сегрегации.

Исходя из связи между физическим и социальным пространством, можно сделать вывод о том, что, обладая определенным объемом капитала, социальный агент (индивид, социальная группа или организация) может реализовать его в различных локациях, закрепив таким образом некоторую часть капитала за определенной территорией. Обладающая капиталом территория, в свою очередь, привлекает к себе других социальных агентов, в результате чего формируются социально-территориальные общности.

---

[85] Там же. С. 234

[86] Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 54

Таким образом, с точки зрения городского пространства обладать капиталом может как отдельный социальный агент, так и конкретная территория, городской район. В этой связи необходимо уточнить, что вклад в накопление капитала территории вносят как постоянно проживающие на ней горожане, так и те, кто временно посещают ее для работы, учебы или проведения досуга. Формирование капитала территории – это амбивалентный процесс: с одной стороны, социальные агенты, обладающие капиталом, реализуют его на конкретной территории и таким образом способствуют развитию капитала этой территории; с другой, самим наличием некоторого объема капитала территория привлекает новых социальных агентов, стремящихся к увеличению объема имеющегося у них капитала или его приобретению.

Иллюстрируют данный процесс разного рода девелоперские проекты. Так, например, инвестиции в транспортную структуру повышают стоимость недвижимости. Это, в свою очередь, может привести к тому, что менее обеспеченные горожане покинут район, получив возможность улучшить свои жилищные условия за счет продажи ставшей более дорогой квартиры и покупки за ту же сумму жилья большей площади в менее престижном районе. Аналогичным образом из-за роста цен на аренду офисов изменится структура предприятий района. В результате постепенно сформируется более или менее однородная социально-территориальная общность.

Специфика Москвы как постсоветского города заключается в слабой дифференциации городского пространства, что является результатом целенаправленной городской политики в советское время. Соответственно, говорить о существовании сформировавшихся социально-территориальных общностей пока еще преждевременно. В этой связи наиболее актуальным является не исследование уже сложившихся социальных общностей, а анализ капитала городских районов, так как он позволяет выявить зарождающиеся тренды в формировании социально-территориальных общностей и спрогнозировать возможные варианты

развития того или иного района. Таким образом, наше исследование будет основано на анализе капитала территории, а не социальных агентов.

Описывая и операционализируя различные виды капитала, можно выделить многочисленные показатели анализа социально-территориальной структуры города. Главной особенностью предлагаемой нами методологии является ее интегральный характер. Она опирается не только на экономические, но и на социокультурные показатели, тем самым представляя гуманистический подход к исследованию пространственной структуры города.

Используя подход и принципы классификации П. Бурдье, можно выделить и другие формы капитала, которые будут релевантны городскому пространству. Мы предлагаем различать:

1. Экономический капитал
2. Культурный капитал
3. Административный капитал
4. Природно-экологический капитал
5. Жилищный капитал
6. Социальный капитал
7. Символический капитал

Обозначив основные формы капитала, которые, на наш взгляд, наиболее полно описывают социально-территориальную структуру города, выделим эмпирические показатели для оценки состояния каждого типа. Следует отметить наличие некоторых ограничений при построении таких показателей, связанных с доступностью статистических данных.

Экономический капитал напрямую связывается с ценой недвижимости. Соответственно, в качестве первого показателя будет выступать цена продажи 1 кв.м. жилья в рублях. Мы полагаем, что этот показатель во многом будет коррелировать с другими, в том числе и с теми, которые измеряют состояние других видов капитала. Это связано с тем, что ценообразование в сфере недвижимости зависит от множества факторов, в том числе и неэкономических. Экономисты вы-

деляют несколько уровней факторов, влияющих на стоимость объектов недвижимости[87]. Факторы первого уровня – это региональные факторы, которые носят общий характер и не связаны с конкретным объектом недвижимости. К ним относятся:

- социальные факторы: динамика численности населения, его старения или омоложения, динамика рождаемости, размер семьи, плотность населения, стиль и уровень жизни населения, динамика образовательного и культурного уровня, уровня преступности и др.
- экономические факторы: общее состояние мировой экономики, экономики региона, уровень спроса и предложения, уровень занятости, доступность кредитных ресурсов, специфика источников финансирования строительства и реконструкции объектов недвижимости и др.
- физические факторы: климатические условия, экологическая обстановка, природные ресурсы и др.
- политические факторы: особенности строительных норм и правил, политическая стабильность, наличие соответствующего законодательства, доступность риэлторских услуг и их регламентация и др.

Факторы второго уровня связываются с конкретным городом или городским районом. Здесь особую ролью играет местоположение района относительно делового центра, близость к транспортным узлам, зеленым массивам, паркам, объектам культурно-развлекательного назначения и др. К третьему уровню факторов относятся те, которые непосредственно связаны с объектом недвижимости. Они включают его физические параметры (в частности, размеры, год постройки или реконструкции, материал постройки, количество этажей), архитектурно-строительные особенности (стиль постройки, планировка и др.), а также финансо-

---

[87] См.: Виноградов Д.В. Экономика недвижимости. Владимир: Владимирский государственный университет, 2007. 136 с.

во-эксплуатационные факторы (стоимость строительства, эксплуатационные расходы).

Даже краткий анализ факторов, влияющих на стоимость недвижимости, показывает их связь с наличием или отсутствием других видов капитала. Тем не менее, на наш взгляд, использование единственного индикатора стоимости недвижимости не будет достаточным для комплексной оценки специфики социально-территориальной структуры города, так как такой подход огрубляет социальную действительность, сводя ее к экономическим показателям.

В качестве второго экономического показателя мы будем использовать объем инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории муниципального образования. Объем инвестиций свидетельствует о привлекательности того или иного района для бизнеса и отражает размещение площадок наибольшей деловой активности.

Третий экономический показатель – это распределение рабочих мест по районам города. Данный показатель также указывает на места наивысшей деловой активности, а анализ структуры занятости по отраслям производства позволит сделать вывод о развитии экономики постиндустриального типа в каждом районе.

Культурный капитал, по П. Бурдье выступает в трех состояниях: инкорпорированном, объективированном и институционализированном. В инкорпорированном состоянии культурный капитал воплощается в телесных формах, это знания, образование и эрудиция отдельного индивида. В объективированном состоянии он предстает в материальных предметах и средствах. Что касается институционализированного состоянии, то, как было указано выше, это выражение культурного капитала в форме академических квалификаций.

С точки зрения городского пространства наибольший интерес представляет капитал в его объективированном состоянии, однако можно также оценить и инкорпорированную форму. В этом случае показателями будут выступать: 1) удельный вес горожан, имеющих высшее образование; 2) удельный вес горожан, имеющих ученую степень.

Объективированное состояние культурного капитала можно оценить через размещение в городском пространстве различного рода объектов, выполняющих образовательные, научные, культурные функции. К таким объектам относятся: школы, университеты и институты, институты РАН и другие научно-исследовательские центры, театры, выставочные пространства (галереи, музеи, выставочные залы). Рассмотрим возможные показатели. Одним из них будет распределение школ с самым высоким рейтингом по районам Москвы. На наш взгляд, общее количество школ в районе не будет валидным инструментом измерения культурного капитала, так как этот показатель регламентируется органами государственного управления. Вместо этого мы попытаемся оценить качество образования через анализ пространственного распределения школ с высоким рейтингом. Официальный рейтинг школ составляется ежегодно Департаментом образования города Москвы и основывается на данных о результатах деятельности школ, содержащихся в информационных системах Департамента[88]. Критерии рейтинга делятся на несколько блоков:

1. Показатели эффективности работы образовательной организации по обеспечению качественного массового образования. Баллы за этот блок рассчитываются на основе результатов, показанных учениками при сдаче ЕГЭ.

2. Показатели эффективности работы образовательной организации по созданию условий по развитию талантов максимального количества обучающихся. Баллы за этот блок начисляются на основании результатов участия школьников во Всероссийской школьной олимпиаде (на трех этапах: муниципальном, региональном и заключительном).

3. Показатели результативности работы дошкольных групп, которые учитывают количество дошкольников, переведшихся в первый класс этого же образовательного учреждения.

---

[88] См.: Официальный сайт Департамента образования города Москвы. URL: http://dogm.mos.ru/rating/the-development-of-rating.php (дата обращение: 19.04.2017)

4. Показатели эффективности работы образовательной организации по профилактике правонарушений учитывают количество школьников, не совершивших правонарушений в течение учебного года.

5. Показатели эффективности работы образовательной организации по работе с обучающимися, имеющие особые образовательные потребности. При наличии обучающихся с инвалидностью баллы по некоторым другим блокам умножаются на коэффициенты, рассчитываемые по специальной формуле.

6. Показатели результативности работы образовательной организации по использованию социокультурных ресурсов города в обучении. Учитываются результаты участия обучающихся в городских олимпиадах «Музеи. Парки. Усадьбы» и «Не прервется связь поколений».

7. Развитие профессиональных умений и профессионального мастерства. Блок учитывает результаты участия школьников во Всероссийской олимпиаде профессионального мастерства обучающихся по специальностям среднего профессионального образования, а также в соревнованиях по профессиональному мастерству движения WorldSkills Russia и в чемпионате профессионального мастерства для людей с ограниченными возможностями здоровья Абилимпикс.

8. Развитие массового любительского спорта. Баллы за этот блок начисляются на основе результатов участия школьников в различных спортивных состязаниях: Президентские состязания, Президентские спортивные игры, Чемпионат г. Москвы по баскетболу «Победный мяч», Открытые Всероссийские соревнования по шахматам «Белая Ладья».

На 2014 год в Москве было 1143 школы, в рейтинг попали 500 лучших из них. В данном исследовании мы оценим пространственное распределение школ, входящих в первые 300 позиций рейтинга.

Помимо общеобразовательных школ следует также оценить пространственное распределение музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств. Наличие такого рода образовательных учреждений в районе отражает потребности его жителей в приобретении культурного капитала. Таким

образом, выделим третий и четвертый показатели: количество общеобразовательных школ, входящих в топ-300 рейтинга Департамента образования Москвы, и количество музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств.

Анализ по показателям, связанных со школьным образованием, в большей степени отражает культурный капитал горожан, проживающих в соответствующих районах. По данным Департамента образования Москвы 88% школьников посещают школу, расположенную в районе их проживания. Другая ситуация наблюдается в области университетского образования. Выбор вуза определяется не столько его местоположением, сколько другими факторами. Исследование, проведенное научным коллективом под руководством автора в 2015 году среди студентов МГИМО, выявило четыре основных мотива поступления в МГИМО: перспектива найти хорошую работу по окончании Университета (63%), престиж Университета (58%), желание изучать редкие иностранные языки (50%) и интерес к профессии (42%). Пятая часть опрошенных студентов при выборе вуза руководствовалась также желанием родителей или родственников и возможностью обзавестись полезными знакомствами или связями. Фактор близости к дому не играл ключевой роли при выборе места обучения.

Вслед за Джейн Джейкобс мы утверждаем, что развитие территории зависит не только от тех людей, которые на ней проживают, но и от тех, кто ей пользуется[89]. Таким образом, введение в наш анализ показателей, связанных с университетским образованием, позволит оценить тот объем культурного капитала территории, который напрямую не связан с культурным капиталом проживающих на ней горожан, но является потенциалом для дальнейшего развития территории. Наличие университетского кампуса на территории района может служить стимулом для развития инфраструктуры, направленной на студенческую аудиторию и

---

[89] См.: Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

обладающую инновационным потенциалом, особенно в свете полицентричной концепции развития Москвы. Таким образом, представляется целесообразным использование такого показателя как пространственное распределение высших учебных заведений, входящих в рейтинг топ-100 российских вузов.

Используемый нами рейтинг составлен рейтинговым агентством RAEX (Эксперт РА)[90]. Его выбор обусловлен тем, что в начале 2016 года RAEX (Эксперт РА) стал первой в России и четвертой в мире организацией, чьи рейтинги вузов успешно прошли аудит Международной ассоциации по ранжированию организаций и университетов (IREG Observatory on Academic Ranking and Excellence). Международная экспертная группа по ранжированию (IREG) была создана в 2004 году Европейским центром по высшему образованию ЮНЕСКО и Институтом политики в области высшего образования. Ее основной целью является «создание основной схемы разработки и распространения рейтингов независимо от того, являются ли они национальными, региональными или глобальными, что в конечном счете должно привести к созданию системы непрерывного совершенствования методологии проведения ранжирования»[91]. Таким образом, рейтинг, составленный по методологии, одобренной этой организацией, можно считать валидным, надежным и точным. Это дает нам право опираться в своей оценке на рейтинг агентства RAEX.

С учетом вышесказанного введем новый показатель для оценки культурного капитала территории: количество вузов, входящих в топ-100 рейтинга вузов по данным рейтингового агентства RAEX (Эксперт РА).

Следующий показатель оценки культурного капитала связан с научным потенциалом территории. Крупнейшим и наиболее авторитетным российским центром фундаментальных исследований является Российская академия наук. В

---

[90] См.: Официальный сайт рейтингового агентства RAEX (Эксперт РА) URL: http://raexpert.ru/ (дата обращение: 19.04.2017)

[91] См.: Официальный сайт Международной ассоциации по ранжированию организаций и университетов. URL: http://ireg-observatory.org/en/ (дата обращения: 19.04.2017)

число подведомственных ей учреждении входят 653 научные организации, многие из которых расположены в Москве. Располагаясь в конкретных районах города, эти научные организации являются частью их объективированного культурного капитала. Это позволяет нам ввести следующий показатель: количество научных организаций, подведомственных Российской академии наук.

Так как культурный капитал территории не ограничивается ее научным и образовательным потенциалом, мы полагаем целесообразным ввести ряд показателей, связанных с искусством и культурой в узком смысле этого слова. Предлагается использовать следующие показатели: 1) количество кинотеатров; 2) количество музеев и выставочных залов; 3) количество профессиональных театров. Среди всех видов культурно-досуговых учреждений для исследования были отобраны эти три в связи с тем, что по данным социологических опросов они являются наиболее популярными местами проведения досуга[92].

Административный капитал связан с властными отношениями и в своем объективированном состоянии может выражаться в расположении органов государственной власти, в первую очередь, федеральной и региональной. Столичный статус Москвы отражается в специфике ее социально-территориальной структуры. Однако, на наш взгляд, не все московские районы несут на себе отпечаток столичности. Анализ пространственного распределения административного капитала позволит точнее дифференцировать районы по данному параметру. К наиболее значимым органам государственной власти отнесем следующие: Государственная дума и Совет Федерации, Московская городская дума; Правительство РФ и федеральные министерства, Правительство Москвы и его департаменты; основные органы судебной власти: Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, Генеральная прокуратура РФ, Конституционный Суд РФ.

---

[92] См.: Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики // Фонд Общественное мнение, 2016. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103 (дата обращение: 14.05.2017); Досуг россиян: развлечения и увлечения // Фонд Общественное мнение, 2013. URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/10846 (дата обращение: 14.05.2017).

Природно-экологический капитал городской территории выражается в низких уровнях загрязненности атмосферы, почвы, водных объектов, а также в наличии на территории района лесопарковых зон, зеленых насаждений и пр. По данным Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, основными источниками загрязняющих веществ в атмосферу являются выбросы автотранспорта и стационарных источников, т.е. предприятий[93]. Соответственно, для оценки природно-экологического капитала территории следует оценить: 1) интенсивность дорожного движения; 2) количество промышленных предприятий; 3) количество лесопарков, зеленых массивов, охраняемых природных территорий, национальных парков. Для оценки первого показателя будут использованы данные портала Яндекс.Пробки.

Жилищный капитал предлагается оценивать с помощью двух показателей: 1) общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя; 2) общая площадь жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах, приходящаяся в среднем на одного жителя. По данным О.И. Вендиной, в Москве наблюдается слабая связь между размером квартиры и показателями обеспеченности индивида[94]. Однако показатели жилищной обеспеченности косвенно свидетельствуют об инвестиционной привлекательности района.

Социальный капитал, по П. Бурдье, «представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»[95]. Объем капитала, которым обладает конкретный индивид, зависит от размера сети его связей и объема капитала, которым обладает каждый элемент этой сети. Эти связи приобретают институционализированные формы и непре-

---

[93] См.: Доклад Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы «О состоянии окружающей среды в городе Москве в 2015 году». URL: http://www.dpioos.ru/eco/ru/report_result/o_442335 (дата обращения: 19.04.2017)

[94] См.: Вендина О.Н. Социальный атлас Москвы //Проект Россия: приложение к журналу, 2012. № 4 (66).

[95] Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002. Том 3, № 5. С. 66.

рывно воспроизводятся посредством материального или символического обмена между членами группы. Развитие концепции социального капитала и связанного с ним феномена доверия нашло свое отражение в работах Дж. Коулмана, Р. Патнема, П. Штомпки, Ф. Фукуямы и ряда других исследователей[96]. Социальный капитал играет важную роль в экономическом развитии общества, а также является одним из ключевых элементов эффективного управления.

С точки зрения городского пространства уместно рассмотреть несколько моментов, связанных с социальным капиталом. В первую очередь, социальный капитал опирается на доверие. Уровень обобщенного доверия в различных районах Москвы был измерен в рамках упоминавшегося выше исследования «Механика Москвы», и мы будем основываться на данных этого исследования.

Социальный капитал опирается на разделяемые в обществе нормы и ценности и отражает уровень гражданской культуры, которая предполагает осознание ответственности за состояние дел в городе и участие в демократическом процессе. Р. Патнэм выделяет две разновидности капитала – закрытый (bonding social capital) и открытый (bridging social capital)[97]. Применяя его определения к развитию города, Л.И. Полищук отмечает, что открытый капитал способствует образованию общественных коалиций и предполагает высокий уровень доверия не только ограниченному круг лиц (близким и знакомым), но и обществу в целом[98]. Он основан на разделении общих ценностей, норм и морали. Закрытый тип капитала связывается с доверием небольшому кругу родных, друзей и знакомых. В

---

[96] См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3. С. 121-139; Штомпка П.Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.; Putnam, R. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // The American Prospect, 1993. URL: http://prospect.org/article/prosperous-community-social-capital-and-public-life (дата обращения: 19.04.2017); Putnam, R. Social Capital: Measurement and Consequences // Canadian Journal of Policy Research, 2001. № 2. Pp. 41-51.

[97] См.: Putnam, R. Social Capital: Measurement and Consequences // Canadian Journal of Policy Research, 2001. № 2. Pp. 41-51.

[98] См.: Полищук Л.И. Порознь или сообща. Социальный капитал в развитии городов. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014. 35 с.

пространственном выражении закрытый социальный капитал обнаруживает себя в формировании закрытых кварталов и жилых комплексов, доступ на территорию которых имеют только те люди, которые там живут. Городское управление становится более эффективным в местах с открытым капиталом, когда горожане объединяются в движения, целью которых является давление на власть и отстаивание своих интересов. Группы с закрытым капиталом в меньшей степени принимают участие в жизни города и мобилизуются для защиты от различного рода негативных явлений или для того, чтобы компенсировать низкое качество или отсутствие социальных услуг (например, за свой счет облагораживают свой двор, делают ремонт в подъезде и пр.).

Оценить уровень закрытого социального капитала можно через взаимоотношение «мы-группы» и «они-группы». Можно выдвинуть гипотезу о том, что уровень социального капитала будет ниже в тех районах, где количество представителей «они-группы» выше. В первую очередь, необходимо выяснить, кого москвичи относят к «они-группе». Для этого обратимся к методике Всемирного исследования ценностей[99]. Для оценки развития социального капитала в этом исследовании используется ряд вопросов, среди которых особый интерес для нас представляет следующий:

«На карточке перечислены различные группы людей. Назовите группы, с представителями которых Вы бы не хотели жить по соседству?

V36. Наркоманы

V37. Люди другой расы

V38. Люди, больные СПИДом

V39. Иммигранты/иностранные рабочие

V40. Гомосексуалисты

V41. Люди другой религии

---

[99] См.: Официальный сайт Всемирного исследования ценностей (World Value Survey). URL: http://www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 19.04.2017)

V42. Алкоголики

V43. Живущие вместе пары, не состоящие в браке

V44. Люди, говорящие на другом, не вашем языке»

В России наибольше число упоминаний получили следующие категории: наркоманы, алкоголики, больные СПИДом, гомосексуалисты и, в меньшей степени, иммигранты[100]. В связи с отсутствием статистики по некоторым категориям на уровне районов и даже административных округов Москвы мы будем использовать показатели, связанные с уровнем наркомании и миграции. Такими показателями станут: 1) количество наркопреступлений; 2) количество мигрантов, прибывших из стран СНГ и других зарубежных стран. В то же время не следует ограничивать анализ уровня преступности только одним ее видом. На наш взгляд, социальный капитал связывается также и с понятием безопасности в целом, что приводит к необходимости введения показателя «количество преступлений». Следует, однако, отметить, что исследователи из Московского института социально-культурных программ обнаружили несоответствие между объективным и субъективным уровнями безопасности. По их данным, наиболее опасные районы (в частности, центр), где зафиксировано наибольшее количество преступлений, зачастую воспринимаются москвичами как самые безопасные, и наоборот. Однако для нашего исследования более важен объективный уровень, так как он отражает потенциал района и задает направление для грамотного территориального планирования с точки зрения создания имиджа района в соответствии с реальным положением дел.

Как было отмечено выше, социальный капитал отражает уровень гражданской культуры горожан. Гражданская культура – это многогранное понятие, полноценное изучение которого может представлять собой отдельное социологическое исследование. В рамках нашей работы будет сделана попытка оценить ее с точки зрения городского пространства, поэтому мы будем использо-

---

[100] См.: Там же.

вать следующие показатели: 1) явка на выборах мэра города Москвы в 2013 году по районам; 2) количество голосов горожан на сайте «Активный гражданин». Участие в политической жизни общества является одним из основных индикаторов гражданской культуры, а участие в голосованиях на сайте «Активный гражданин» показывает стремление жителей к участию в принятии решений в области развития своего района. «Проект «Активный гражданин» создан по инициативе Правительства Москвы в 2014 году в качестве площадки для проведения открытых референдумов в электронной форме. Проект позволяет проводить общегородские и локальные голосования по широкому спектру тем»[101]. Участие в данном проекте представляет собой один из способов современного отстаивания своего права на город.

Еще одним проявлением гражданской культуры, на наш взгляд, является стремление горожан участвовать в благоустройстве своих домой. В исследовании «Механика Москвы» приводятся данные о неформальной вовлеченности горожан (самостоятельная уборка лестничных клеток, участие в субботниках и др.). Эти данные отражают наличие социального капитала закрытого типа. Чтобы оценить открытый тип социального капитала, следует обратиться к институционализированным практикам управления многоквартирными домами. Одной из таких практик является создание товариществ собственников жилья (ТСЖ), основной задачей которых является управление помещениями и землями, находящимися в совместном владении и пользовании. Институционализация подобного рода практик свидетельствует о развитости гражданской культуры, так как члены ТСЖ сознательно и активно вовлекаются в управление своим домом. Соответственно, следующим показателем для оценки социального капитала будет «количество ТСЖ в районе».

---

[101] Официальный сайт проекта «Активный гражданин». URL: https://ag.mos.ru/site/index (дата обращения: 22.04.2017)

Формирование социального капитала зависит и от особенностей планировки городской среды, в частности, от наличия и доступности публичных пространств. Идея публичного пространства восходит еще к древнегреческой агоре и древнеримскому форуму, площадям, являвшимся местом собраний горожан. Публичные пространства – это один из источников гражданского участия и демократического развития. Для Джейн Джейкобс главными публичными местами города были улицы и тротуары, чья основная задача – это поддержка безопасности и общественного спокойствия[102]. Эта поддержка обеспечивается за счет интенсивного использования улиц: горожане, проходящие по улице, живущие и работающие в домах, распложенных на этой улице, невольно превращаются в наблюдателей и осуществляют контроль за происходящим. Функции улиц в крупных городах связаны с самоуправлением: формирование ткани повседневной жизни, основанной на социальном контроле и доверии, общественный надзор, защищающий местных жителей и посторонних.

С точки зрения Ричарда Сеннета, город – это место, где встречаются различия[103]. Разница между частной и публичной жизнью заключается в объеме того знания об окружающих людях, которым мы обладаем. Мы довольно хорошо знаем своих родных и друзей, но не знаем ничего о тех незнакомцах, которые окружают нас на улицах, площадях, в театрах, кафе, государственных учреждениях и других публичных местах. Публичные места – это те пространства, где индивиды узнают о людях, которые не похожи на них самих, и определенным образом на них реагируют. На важность публичных пространств для городской среды указывали М. Кастельс, Р. Сеннет, Х. Арендт, Я. Гейл, А. Маданипур, В.Л. Глазычев и другие социологи и урбанисты.

---

[102] См.: Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

[103] См.: Sennett, R. The Public Realm // Richard Sennett's Official Website. URL: https://www.richardsennett.com/site/senn/templates/general2.aspx?pageid=16&cc=gb (дата обращения: 07.05.2017)

М. Кастельс исследует значение публичных мест через отношение между *«пространством потоков»* и *«пространством мест»*. По М. Кастельсу, «пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени»[104]. Пространство потоков соединяет людей, отделенных друг от друга расстоянием, через электронные сети. Пространство мест организует социальные практики в границах физической близости. Города одновременно построены вокруг потоков, мест и отношения между ними. Установление связи между пространством мест и пространством потоков – это основная задача городского дизайна, которая осуществляется именно через создание публичных мест, играющих важную роль в жизни города. По М. Кастельсу, они являются источниками культуры, социальности, систем коммуникации и демократии, осуществляемой через гражданское участие. А. Джейкобс полагает, что структура города должна поддерживать общественную жизнь не только посредством социальных институтов, но и непосредственно через публичные места[105] как открытые пространства, используемые всеми жителями города и стимулирующие различные проявления уличной жизни. Именно через публичные места город побуждает жителей к участию в жизни локального сообщества и города в целом. По А. Джейкобсу, публичность является основной ценностью городской жизни. Соответственно, городское пространство должно быть организовано так, чтобы обеспечивать социальную интеракцию индивидов.

Таким образом, социальная значимость публичных мест заключается в том, что они стимулируют социальную активность и социальное взаимодействие[106], это инклюзивные, совместно проживаемые пространства, в которых люди обмениваются символами и создают новые смыслы[107]. Именно публичные пространст-

---

[104] Castells, M. The Rise of the Network Society, 2-nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell, 2009. P. 385.

[105] См.: Jacobs, A., Appleyard, D. Toward an Urban Design Manifesto // The City Reader. Fifth edition / Ed. by Richerd T. LeGates, Frederic Stout. NY: Routledge, 2011. P. 525

[106] См.: Gehl, J. Life Between Buildings: Using Public Space. Washington: Island Press, 2011. 216 p.

[107] См.: Madanipour, A. Public and Private Spaces of the City. NY: Psychology Press, 2003. 264 p.

ва способствуют формированию городской культуры, социальности, систем коммуникации и через практики гражданского участия поддерживают развитие демократии[108]. Эти качества публичных пространств дают нам основание считать их одними из важнейших источников формирования социального капитала в городской среде. Исследователи относят к публичным пространствам довольно широкий круг мест: от площадей и парков до улиц и пространств между домами. В качестве показателя, измеряющего объем социального капитала, мы будем использовать количество парков с развитой досуговой инфраструктурой, городских садов, пешеходных улиц и площадей. При этом будут учитываться не все площади, а только те, на которых возможно скопление людей. Например, Лубянская площадь не будет учтена в нашем анализе, так как она, в сущности, является проезжей частью, а не местом, где горожане могут собираться с той или иной целью.

Следует отметить ограниченность данного показателя, так как в нем не учтены некоторые пространства, которые могут способствовать накоплению социального капитала. К таким пространствам относятся и тротуары, и дворы, и пространства между домами.

Для обоснования предлагаемого подхода обратимся к концепции Я. Гейла, датского архитектора, который выделял три типа активности горожан: необходимая активность, опциональная активность, социальная активность. Необходимая активность связана с обязательными перемещениями и использованием городского пространства. Это необходимость ходить на работу, в школу, в магазин, поликлинику, стоять на остановке, ожидая автобуса и т.д. Опциональная активность связана с использованием городского пространства по желанию самого индивида. Это может быть прогулка в парке или по городским улицам, посещение разного рода культурно-досуговых учреждений. Социальная активность зависит от двух описанных типов и предполагает взаимодействие с другими людьми. По Я. Гейлу,

---

[108] См.: Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios, 2002. № 5. Pp. 9-19.

необходимая активность в меньшей степени зависит от городской среды, чем опциональная. На наш взгляд, отобранные для анализа публичные пространства (парки, городские сады, пешеходные улицы и площади) в большей степени соотносятся с опциональной активностью горожан, тогда как использование тротуаров, дворов и пространств между домами связывается, в первую очередь, с необходимой активностью. Несмотря на то, что все типы активности способствуют накоплению и развитию социального капитала, опциональная активность и соотносимые с ней пространства представляют больший интерес, так как демонстрируют большую вовлеченность граждан в городское пространство и указывают на качество этого пространства с точки зрения стимулирования социального взаимодействия.

Обобщая представленную методологию, приведем полный список показателей (*таблица 1*).

Таблица 1. Показатели эмпирического исследования социально-территориальной структуры города Москвы

Переменная (тип капитала)	**Показатели**
Экономический капитал	Стоимость 1 кв.м. жилья в рублях
	Объем инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории района (тыс. руб.)
	Количество рабочих мест по отраслям производства
Административный капитал	Наличие учреждений, относящихся к органам государственной власти федерального и регионального уровней
Культурный капитал	Удельный вес горожан, имеющих высшее образование
	Удельный вес горожан, имеющих ученую степень
	Количество школ, входящих в топ-300 рейтинга Департамента образования города Москвы
	Количество музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств

	Количество вузов, входящих к топ-100 рейтинга вузов по данным рейтингового агентства RAEX (Эксперт РА)
	Количество научных организаций, подведомственных Российской академии наук
	Количество кинотеатров
	Количество музеев
	Количество профессиональных театров
Природно-экологический капитал	Интенсивность дорожного движения
	Количество промышленных предприятия
	Количество лесопарков, зеленых массивов, охраняемых природных территорий, национальных парков
Жилищный капитал	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя
	Общая площадь жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах, приходящаяся в среднем на одного жителя
Социальный капитал	Уровень обобщенного доверия
	Количество наркопреступлений
	Количество преступлений
	Количество мигрантов, прибывших из стран СНГ и других зарубежных стран
	Явка на выборах мэра города Москвы в 2013 году
	Количество голосов горожан на сайте «Активный гражданин»
	Количество ТСЖ в районе
	Количество парков с развитой досуговой инфраструктурой, городских садов, площадей, пешеходных улиц

Для анализа объема символического капитала будет использован социально-антроплогический подход к социальному картированию. По П. Бурдье, символический капитал – это любой вид капитала, воспринимаемый символически в связи с неким узнаванием[109]. С точки зрения городской территории символический капитал выражается в некоторых элементах городского пространства, кото-

[109] См.: Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002. Том 3, № 5. С. 60-74.

рые обладают символическим значением для горожан и являются основой узнавания и идентификации города. Для М. Кастельса особую роль в символическом капитале города играет архитектура. Ролью архитектуры является восстановление символического значения в метропольном регионе, так как пространство потоков размывает значимое отношение между архитектурой и обществом. Архитектура является пространственным выражением господствующих в обществе ценностей. Архитектурные формы, по мнению М. Кастельса, отражают тенденции, характерные для протекающих в конкретном обществе процессов. Постмодернистская архитектура выражает идеологию вытеснения пространства мест пространством потоков, являясь внеисторичной и внекультурной архитектурой, так как она теряет символическую связь с конкретным местом и не выражает значение конкретной культуры. Архитектура пространства потоков связана, в первую очередь, с узлами сетевого общества: музеи как культурные узлы, вокзалы, аэропорты как коммуникационные узлы, бизнес-центры как экономические узлы.

Социально-антропологический подход к социальному картированию основан на восприятии города как места повседневной практики и опирается на принципы феноменологической традиции, этнографии, герменевтики и семиотики. Рассматривая город как место повседневной практики, данный подход предполагает исследование особенностей восприятия городской среды, субъективности горожан, их отношения с городской средой. Свое выражение данный подход получил в технологии построения ментальных карт, одним из первых разработчиков которых был Кевин Линч. Утверждая, что одним из ключевых качеств города является читаемость, К. Линч стремился «понять город не просто как «вещь в себе», но как город, воспринимаемый его обитателями»[110]. Чтобы понять общественный образ города, который создаётся путем наложения друг на друга множества индивидуальных образов, К. Линч провел исследования в трех американских городах, попросив респондентов в рамках глубинного интервью нарисо-

[110] Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. С. 16

вать план города. Собранные карты получили название ментальных. В самом общем виде их можно определить как «изображени местности, выполненное информантом по просьбе исследователя»[111].

Специфика ментальных карт как метода социального картирования может быть определена с помощью четырех критериев[112]. Во-первых, ментальные карты являются самодостаточным эмпирическим материалом, где центральное место занимает визуальное, что относит их к широкой области визуальных социологических исследований, в которых для изучения социальных процессов и явлений используются фотографии, рисунки, видеоматериалы[113]. Во-вторых, ментальные карты отражают визуальные образы местности: в своих зарисовках респонденты отражают свое собственное ви́дение местности. В-третьих, создателем социальной карты является информат, что выделяет данный метод среди других методов социального картирования. Так, например, социально-статистический подход к социальному картированию предполагает доминирование «исследовательской рамки референции»[114] , когда социолог сам решает, что будет нанесено на карту и каким способом. В-четвертых, целью создания ментальных карт является исследование, что позволяет отделить их от так называемых интеллект-карт (MindMaps), которые используются в технике индивидуального саморазвития. Ментальные карты позволяют раскрыть проблемы воспринимаемого жизненного пространства, охарактеризовать качество городской среды, оценить ясность прочтения городского окружения.

---

[111] Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 6.
[112] См.: Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 5-29.
[113] См.: Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007. 168 с.
[114] Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М. 2010. № 31. С 10.

Анализ ментальных карт строится на классическом подходе К. Линча, который выделил в образе города ряд аспектов, составляющих рамку восприятия окружающей среды. К таким аспектам он отнес:

1. Пути – коммуникации, вдоль которых перемещается наблюдатель (улицы, тротуары, автобусные маршруты, линии метро и т.д.).

2. Границы, или края, — это линейные элементы окружения: берега, края жилых районов, стены. Они представляют собой некоторые барьеры, которые могут быть как легко, так и трудно преодолимы.

3. Районы – относительно крупные части города, в которые можно мысленно войти. Большинство людей упорядочивает свой город именно по районам.

4. Узлы – стратегические точки города, фокусирующие пункты, роль которых могут выполнять перекрёстки путей, площади, места максимальной концентрации некоторых функций.

5. Ориентиры – материальные элементы, обладающие каким-то уникальным свойством, выделяющимся в общем контексте (памятники, необычные дома, знаки и пр.)

Обработка данных заключается «в пространственном размещении и разложении по типам всех изображаемых объектов с целью подсчета частоты упоминания тех или иных элементов, выявления основных и вспомогательных, оценки взаимной соотнесенности»[115]. Существуют и другие технологии анализа: оценка стиля выполнения карты, анализ ее структуры с точки зрения совпадения с географической картой, изучение последовательности отображения элементов городской среды.

В рамах данного исследования была сделана попытка применения метода ментальных карт к исследованию социально-территориальной структуры города. С нашей точки зрения, эта техника позволяет исследовать социально-

---

[115] Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 42.

территориальную структуру города в представлении его обитателей. В своем классическом исследовании с использованием ментальных карт Стэнли Милграм показал наличие разделяемого большинством образа одних районов как бедных и неблагополучных, других – как богатых и престижных, третьих – как криминальных и опасных[116]. Использование метода ментальных карт для изучения социально-территориальной структуры современного российского города позволяет решить несколько задач. Во-первых, использование ментальных карт позволит оценить распределение символического капитала в городском пространстве, что невозможно сделать, применяя только социально-статистический подход. Во-вторых, с помощью ментальных карт можно оценить, насколько образ города структурирован в представлении его жителей, и выявить «белые пятна» в городском пространстве, относительно которых представления горожан размыты. В-третьих, ментальные карты позволяют визуализировать представления жителей о социально-территориальной структуре города, определить, какие районы считаются престижными-непрестижными, благополучными-неблагополучными, богатыми-бедными. В дальнейшем эти представления можно сравнить с моделью, разработанной на основе статистических данных. В-четвертых, используя ментальные карты, можно выявить устойчивые стереотипные представления горожан о различных районах и округах города. Ментальные карты позволяют обратиться к субъективности горожан, а полученный общественный образ города может быть использован городским властями в целях городского планирования или развития имиджа города в целом и отдельных городских районов.

Опишем используемую методику применения ментальных карт. Исследование проводилось среди студентов МГИМО, всего было собрано 34 ментальные карты. Выбор студенческой аудитории в качестве выборочной совокупности обоснован прежде всего тем, что основной задачей исследования являлась апробация инструментария и доказательство возможности применения методики мен-

---

[116] См.: Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 336 с.

тальных карт к исследованию социально-территориальной структуры города. С этой точки зрения исследование только студенческой аудитории будет достаточным и позволит сделать вывод о достоинствах и недостатках метода. Кроме того, мы полагаем, что образ города каждого индивида формируется в течение всего времени его проживания на конкретной территории. Соответственно, у людей старшего поколения образ города дуален. Он был сформирован еще в советское время и скорректирован в постперестроечный период. У студентов, которые находятся в возрасте 18-22 лет, этот образ конструируется только на основании той картины, которая сформировалась в постсоветское время, и предстает в более «чистом» виде. Разумеется, нельзя исключать влияние знания истории города и его развития, однако мы полагаем, что теоретические знания в меньшей степени отражаются на образе современного города, чем непосредственный повседневный опыт проживания, имеющийся у старшего поколения. Наконец, с нашей точки зрения студенческая аудитория является наиболее мобильной. Они в большей степени включены в городскую среду, соответственно, общественный образ города, сформированный на основе анализа их индивидуальных образов, будет наиболее гетерогенным и разнообразным. Тем не менее, мы полагаем, что дальнейшее исследование среди других социальных групп необходимо для анализа общественного образа города и не считаем возможным экстраполирование полученных результатов на всех жителей города.

Сбор данных проходил в два этапа. На первом этапе информантам был выдан лист белой бумаги формата А4, на котором им предлагалось нарисовать Москву такой, какой они себе ее представляют, нарисовать свой город. Также была высказана просьба не пользоваться схемами, картами, рисовать по памяти и не совещаться во время выполнения задания. Затем последовало короткое групповое обсуждение, связанное с созданными рисунками, общим представлением о Москве как городе для жизни, работы и досуга. Таким образом, на первом этапе фиксировались спонтанные представления о Москве, субъективные представления информантов, не загнанные в рамки мышления исследователя. На втором этапе

информантам был выдан новый лист бумаги формата А4 с нанесенными на него указаниями на стороны света (верх листа – север, низ – юг, правая сторона – восток, левая – запад). На этом листе мы попросили респондентов обозначить границы Москвы, нарисовать ее контур. Затем информантам было задано 14 вопросов относительно распределения различных видов капитала в городском пространстве. На каждый вопрос информанты должны были ответить, отметив внутри нарисованных ими границ соответствующий район или районы. Список вопросов был следующим:

1. Где, на Ваш взгляд, проживают люди с самыми высокими доходами?

2. Где, на Ваш взгляд, проживают люди с самыми низкими доходами?

3. Где, на Ваш взгляд, проживают наиболее образованные люди?

4. Где, на Ваш взгляд, проживают наименее образованные люди?

5. Какой или какие районы являются наиболее чистыми с точки зрения экологии?

6. Какой или какие районы являются наименее чистыми с точки зрения экологии?

7. В каком или каких районах наблюдается самый высокий уровень преступности?

8. В каком или каких районах наблюдается самый низкий уровень преступности?

9. В каком или каких районах располагаются промышленные предприятия?

10. В каком или каких районах больше возможностей для проведения досуга?

11. Где, на Ваш взгляд, располагается самое комфортабельное жилье?

12. Где, на Ваш взгляд, находится самое ветхое и некомфортабельное жилье?

13. Какой или какие районы наиболее удобны с точки зрения проживания с детьми (т.е. оборудованы детскими площадками, безопасными дворами, детскими садами)?

14. Где бы Вы лично хотели жить?

После выполнения этого задания последовала новая групповая дискуссия, в ходе которой участники называли места, отмеченные ими на карте, и объясняли свою позицию. Второй этап, таким образом, вынуждал информантов думать о городском пространстве в мыслительной парадигме исследователя. Подобного рода задание достаточно условно можно отнести к созданию ментальной карты города, однако, как было отмечено выше, данная методика позволяет визуализировать имеющиеся у горожан представления о социально-территориальной структуре, выявив определенные стереотипы и устойчивые коллективные образы. Полученные на втором этапе карты предлагается назвать *ментальными картами распределения капитала*.

Таким образом, социально-антропологический подход направлен на изучение символического капитала городского пространства, а также на анализ того, насколько субъективные представления горожан соответствуют объективному распределению капитала в пространстве города.

Совмещение социально-статистического и социально-антропологического подходов к социальному картированию позволяет рассмотреть исследуемый феномен на двух уровнях: объективном и субъективном. Социально-статистический подход предполагает нанесение статистической информации на географическую карту города в соответствии с выделенными показателями и комплексный анализ распределения экономического, культурного, административного, природно-экологического, жилищного и социального капитала в городком пространстве. Для оценки символического капитала применяется социально-антропологический подход, так как только он позволяет изучить восприятие городской среды в сознании горожан. Таким образом, интеграция двух рассмотренных подходов к социальному картированию позволяет дать наиболее целостную оценку социально-территориальной структуре Москвы.

Мы также утверждаем необходимость исследования городской динамики в историческом контексте. Сложившаяся социально-территориальная структура го-

рода является продуктом многовековых процессов, сформировавших облик города и форму расселения его жителей. Соответственно, исследование современной социально-территориальной структуры Москвы следует начать с исторического анализа городской морфологии.

§ 3. Современные социальные процессы как фактор трансформации социально-территориальной структуры городов

Несмотря на то, что социально-территориальная структура города – это достаточно устойчивое во времени образование, она подвержена влиянию множества социальных процессов. М. Кастельс полагает, что существующие теории городской социологии более не могут быть применимы к исследованию современных городов. Он отрицает возможность использования разработок социологов Чикагской школы, аргументируя это тем, что их концепции являлись ответом на вызовы конкретной исторической эпохи, а именно – общества индустриального модерна. В современном же обществе используемый социологами экологический подход, трактующий городские процессы в терминах конкуренции и социального отбора, не является адекватным. Человеческая экология, понимаемая как «исследование пространственных и временных отношений между людьми, складывающимися под воздействием сил среды, связанных с отбором, распределением и аккомодацией»[117], отвечала требованиям американского общества первой половины XX века, но, по мнению М. Кастельса, утратила актуальность в современном

[117] Чикагская социология: Сборник переводов / Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 36.

сетевом обществе. Аналогичным образом не могут быть более использованы разработки теоретиков «новой городской социологии», второй волны городских исследований, характерной для 1960-70-х годов[118]. С точки зрения М. Кастельса, социологическая наука сегодня не может представить удовлетворительную объяснительную рамку, раскрывающую сущность и содержание современных городских трансформаций.

Основу этих изменений, по мнению М. Кастельса, составляет процесс формирования сетевого общества, в котором сети электронных коммуникаций становятся фактором формирования ключевых социальных структур и социальных практик индивидов. Оно основано вокруг потоков капитала, информации, технологий, символов. В этом пространстве потоков роль городов меняется, они превращаются в узловые пункты и центры власти новой пространственной формы. Это приводит к изменениям в пространственных структурах городов и процессах урбанизации и дезурбанизации.

В результате усложняющейся социокультурной динамики современного общества происходят значительные изменения в пространственных структурах городов по всему миру.[119] Обобщая социологическое знание о современных городских трансформациях, Эдвард Сойя, один из основателей Лос-анджелесской школы, предлагает рассмотреть понятие *постметрополиса*, выражающее сущность современных городов. Он формулирует шесть дискурсов, в рамках которых, по его мнению, осуществляется исследование постметрополиса[120]. Опираясь на его положения, можно выделить наиболее существенные с точки зрения пространственной структуры процессы, влияющие на динамику российских городов.

---

[118] См.: Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios, 2002. № 5. Pp. 9-19.
[119] См.: Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
[120] См.: Soja, E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2000. 440 p.

Значимые изменения в социально-пространственной структуре города связаны с процессами реиндустриализации в результате трансформации постфордистского индустриального метрополиса и изменения роли индустриального производства и влияния индустриальной реструктуризации на городскую жизнь. Переход к постиндустриальному обществу означает не только развитие сервисной экономики, но и глубокие трансформации городского пространства, связанные с процессом реиндустриализации, появлением новых индустриальных пространств, технополисов и изменением структуры занятости горожан.

Понятие фордизма, представляющего собой не только систему организации производства, но и особую социально-экономическую систему, неразрывно связано с понятием крупного города. Особенностями фордистской системы, помимо всего прочего, являются массовое промышленное производство и массовое потребление. Фордистский город – это, прежде всего, индустриальный город, так как массовый характер производства предполагает концентрацию на единой территории не только многочисленной рабочей силы и потребителей производимых товаров, но также компаний и организаций, поддерживающих это производство: юридические фирмы, школы и университеты, банки и другие финансовые организации, управленческие и административные организации, конторы, оказывающие частные услуги горожанам и др.

Переход к постфордизму связан с реиндустриализацией и изменением структуры занятости горожан, обусловленных усилением роли сервисного сектора экономики. Значительная часть инвестиций направляется теперь в отрасли экономики, связанные с инновациями, знанием и технологией, что отражается и на структуре занятости, и на пространственной структуре города. М.К. Горшков выделяет следующие особенности социально-профессиональной структуры российского общества в зависимости от типа населенного пункта[121]. В частности,

---

[121] См.: Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М.: Издательство Весь Мир, 2015. 432 с.

концентрация представителей наиболее квалифицированной группы «белых воротничков» с высшим образованием максимальная в мегаполисах (37%) и падает по мере уменьшения размера населенного пункта. В то же время доля средне- и низкоквалифицированных рабочих в мегаполисах минимальна, что свидетельствует о постиндустриальном характере их экономики. Экономическое развитие мегаполисов все больше связывается с финансирование инновационных отраслей, исследований и разработок, что отражается и в городском ландшафте. Возникает необходимость развития и перепланировки бывших промышленных зон. Часть этих зон отводится под жилую застройку, запуская процесс джентрификации и кардинальной реконструкции городских районов. В классической интерпретации (сам термин предложен в 1964 году британским социологом Рут Гласс) джентрификация понимается как процесс реконструкции жилых районов, при котором средний и высший классы переселяются в кварталы, ранее занимаемые представителями низших классов, которые из-за растущих цен на недвижимость вынуждены покинуть их[122]. Помимо классической джентрификации исследователи выделяют также сельскую джентрификацию (rural gentrification), джентрификацию нового строительства (new-build gentrification), супер-джентрификацию (super gentrification).

В связи с процессами джентрификации особое внимание стоит уделить усиливающейся *фрагментации* городского пространства, являющейся отражением растущего социального неравенства и усиливающейся социальной поляризации и стратификации. Э. Сойя вводит понятие метрополяризации, представляя город как реструктурированную социальную мозаику, репрезентирующую переход от традиционной стратификации, отражающей различия между категориями низшего, среднего и высшего класса, к новой стратификации, порожденной новыми неравенствами.

---

[122] См. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification. London: Routledge, 2008. 310 p.

Результатом такой фрагментации становится появление *тюремного архипелага* как новой формы социальной и пространственной регуляции[123]. В постметрополисе усиливается социальный и пространственный контроль, который обеспечивается за счет увеличивающейся приватизации, распространенности видеонаблюдения, создания закрытых кварталов (gated communities). В работе «Город кварца» Майк Дэвис, еще один представитель Лос-анджелесской школы, обращает внимание на феномен приватизации публичного пространства[124]. С его точки зрения, объем инвестиций в публичные пространства города уменьшается, в то время как происходит активное развитие приватизированных пространств. Строительство торгового центра на месте площади или парка может служить примером этого процесса. М. Дэвис рассматривает такие девелоперские проекты как «пространственный апартеид». Особое внимание уделяется созданию закрытых кварталов (gated communities), богатые жители которых добровольно заключают себя в некоторое подобие клетки, стремясь отгородиться от менее обеспеченных и благополучных слоев населения.

Созданию закрытых кварталов способствует и усиливающаяся полиэтничность и полукультурность городского пространства. Из двух основных причин роста городов – естественный прирост населения и миграция (как внешняя, так и внутренняя) – вторая становится все более значимой, особенно в развитых странах. Это неизбежно приводит к распространению мультикультурализма и связанным с ним проблемами интеграции и ассимиляции жителей города, принадлежащих к разным этническим и социально-культурным группам.

Растущая полиэтничность городского населения является одним из примеров влияния глобализации на социально-пространственную структуру современных городов. Другим примером является образование и развитие мировых

---

[123] См.: Soja, E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2000. 440 p.

[124] См.: Davis, M. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. London, NY: Verso Books, 2006. 462 p.

городов, которые представляют собой экономические, культурные и политические центры мировой системы. Кроме того, у них появляются новые функции[125]. Во-первых, они становятся управляющими пунктами в мировой экономической системе. Во-вторых, города являются штаб-квартирами финансовых фирм и организаций сервисного сектора, который занимает лидирующее положение в экономике постиндустриального общества. В-третьих, города – это центры производства инноваций и, в-четвертых, основные потребители инноваций. Выполняя новые функции, мировые города становятся глобальными и превращаются в узлы в пространстве потоков.

Первым теоретиком, концептуализировавшим понятие мирового города, стал Джон Фридман, предложив следующие семь тезисов[126]:

1.Форма и степень интеграции города в мировую экономику, а также функции, приписанные городу в результате глобального разделения труда, являются решающим фактором его структурных изменений. Изменения физической формы города можно объяснить с помощью мировых процессов, которые изменяют направление и объем потоков капитала, пространственное разделение финансовых и управленческих функций, структуру занятости горожан.

2. Ряд городов используется мировым капиталом в качестве «узловых пунктов» пространственной организации, что приводит к формированию иерархии мировых городов.

3. Мировые города осуществляют контрольные функции.

4. Мировые города являются основными площадками концентрации и накопления мирового капитала.

5. Мировые города являются местом притяжения большого количества внутренних и внешних мигрантов.

---

[125] См.: Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2001. 447 p.
[126] См.: Friedman J. The world city hypothesis // Development and Change, 1986. №2. P. 69–83.

6. Формирование мировых городов акцентирует внимание на двух противоречиях индустриального капитализма – пространственной и классовой поляризации. При этом пространственная поляризация проявляется на трех уровнях: международном, региональном и метропольном. Последний означает становление и развитие сегрегированных городских районов, гетто и этнических анклавов.

7. Мировой город создает социальные издержки, превышающие возможности государственного бюджета.

Сформулированная Дж. Фридманом теоретическая рамка исследования мировых городов побудила интерес к этой проблематике в современной урбанистике и социологии[127]. Кратко суммируем основные взгляды на специфику и динамику мировых городов. Мировые города видятся как политические, экономические и культурные центры, то есть выполняют конкретные функции в глобальной системе разделения труда. Они также являются транспортными узлами, коммуникационными и информационными центрами. В них располагаются штаб-квартиры транснациональных корпораций и международных организаций. Мировые города становятся источником притяжения капитала и долгосрочных иностранных инвестиций. Эти особенности мировых городов неизбежно отражаются на их пространственной структуре, которая также трансформируется в результате влияния процессов миграции, изменений в структуре занятости, реиндустриализации и др.

Рассмотренный подход отождествляет понятия «мировой город» и «глобальный город». Однако Саския Сассен, одна из ведущих социологов, занимающихся проблематикой глобализации и ее влияния на города, различает эти понятия. С ее точки зрения, мировой город существовал на протяжении многих веков, тогда как глобальный город является уникальной чертой современности и

---

[127] См.: Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.; Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2013. № 4. С. 60–84.

напрямую связан с такой ее характеристикой как глобальность[128]. «Глобальные города по всему миру – это пространство, где многосложный процесс глобализации приобретает конкретные, локализованные формы. Эти локализованные формы в значительной степени и есть то, что мы называем глобализацией»[129]. Глобальные города, таким образом, становятся пространством, в котором глобальные процессы протекают на территории национального государства. С. Сассен отмечает также специализацию глобальных городов: каждый из них связан только с некоторой частью множества сетей глобальной экономики. Так, например, глобальный оборот золота проходит через совокупность городов, отличную от той, что обеспечивает глобальный оборот нефти или валютной торговли[130].

Рассмотрим те основные черты глобального города, описанные С. Сассен, которые, на наш взгляд, оказывают наибольшее влияние на его социально-территориальную структуру. В глобальных городах меняется понятие центральности. С. Сассен предлагает выделять три формы центральности. Первая связана с ключевой ролью центрального делового района в городском пространстве. Однако в современных городах центральный район подвергается реконструкции и лишается ряда своих функций. Мы описывали этот процесс в терминах окраинного города с позиции представителей Лос-анджелесской школы. Второй формой центральности является идентификация центра как сети «узлов интенсивной деловой активности в пределах метрополитенского ареала»[131]. Третья форма центральности, воплощающаяся в глобальных городах, представляет собой формирование нетерриториального «центра» с помощью использования информационных и коммуникативных технологий. С. Сассен полагает, что такой центр образуют

---

[128] См.: Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007. С. 9-27

[129] Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007. http://demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit02.php (дата обращения: 12.04.2017).

[130] См.: Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис, 2005. №4. http://les-urbanistes.blogspot.ru/2009/01/blog-post.html (дата обращения: 12.04.2017).

[131] Там же.

«тесно связанные между собой международные финансовые и деловые городские центры: Нью-Йорк, Лондон, Токио, Париж, Франкфурт-на-Майне, Цюрих, Амстердам, Лос-Анджелес, Сидней, Сянган и т.д.»[132] Новые информационные технологии существенно изменяют пространственную централизацию городов и могут усиливать неравенство как между внутригородскими районами, там и между отдельными городами. Новая форма центральности способствует появлению новой политической географии. Новая транснациональная политика локализуется именно в глобальных городах. Политическое поле глобального города становится ареной борьбы между глобальным капиталом и трудовыми ресурсами, источником которых выступают, в первую очередь, мигранты. Рассматривая глобальный город с методологических позиций А. Лефевра и Д. Харви, С. Сассен видит его как пространство, на которое свои права предъявляют как глобальный капитал, так и «обделенные» слои городского населения. Происходит «денационализация» городского пространства с появлением новых притязаний на него транснациональных акторов.

Схожим образом трансформационные процессы в современных городах предстают в концепции сетевого общества Мануэля Кастельса, который вводит в научный дискурс понятие информационального города[133]. Эволюция взглядов М. Кастельса на проблемы города отражается в целом ряде его работ. В 1977 году выходит его монография «Городской вопрос: марксистский подход» [134] (на французском языке работа впервые опубликована в 1972 году), трактующая проблемы урбанистики с позиции марксистской концепции. М. Кастельс исследует проблемы города в терминах коллективного воспроизводства рабочей силы и коллективного потребления. Питание, здравоохранение, жилье, городская инфраструктура и система образования (то есть продукты коллективного потребления) необходимы

---

[132] Там же.

[133] См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

[134] См.: Castells, M. The Urban Question: A Marxist Approach. - The MIT Press, 1979.

для воспроизводства рабочей силы. Для частного капитала инвестирование в эти сферы представляется крайне невыгодным, соответственно, забота о них ложится на плечи государства. Однако в результате интенсивной урбанизации и необходимости обеспечения граждан этими продуктами в условиях города государство оказывается не в состоянии покрывать расходы на коллективное потребление. Это приводит к появлению новых социальных движений, генезис и динамику которых М. Кастельс рассмотрел в работе «Город и его обыватели»[135]. В более поздних работах М. Кастельс исследует проблемы социальных изменений, связанных с возникновением глобального сетевого общества и информациональной революцией. Эти концепции впервые появились в работах «Информациональный город» (1989) и «Информационная эпоха» (1996-1998) и были развиты М. Кастельсом в более поздних трудах и ряде лекций.

Появление сетевого предпринимательства как новой формы экономической деятельности привело к функциональному размытию границ между местом работы и местом жительства. Это, в свою очередь, способствовало появлению «фьюжн-пространств» (fusion space)[136] – архитектурных пространств, в которых цифровые технологии сделали возможным появление новых и социально значимых комбинаций индивидов и типов деятельности. Современные информационные технологии позволяют работать не только в офисах, но и в самолетах, поездах, кафе, парках, отельных номерах. Цифровая революция привела к снижению спроса на специализированные, «приписанные» пространства (частные офисы, рабочие кабинеты и т.п.) и востребованности «неприписанных» публичных и полупубличных фьюжн-пространств, которые могут быть использованы в различных целях.

---

[135]См.: Castells, M. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. - University of California Press, 1984.

[136] См.: Castells, M., Cardoso, G. (Eds.). The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. 434 p.

В современных городах имеет место амбивалентный процесс инклюзии и эксклюзии. По М. Кастельсу, «отличительная черта глобальной "включенности" и локальной "исключенности", физической и социальной, делает мегаполисы новой городской формой»[137]. Вовне мегаполисы связаны с глобальными сетями, тогда так внутри они исключают из них местные функционально ненужные популяции. Архитектура глобальных сетей соединяет места выборочно, в зависимости от их ценности для сети. «Глобальный город – это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»[138]. «Исключенные» из городских процессов, сегрегированные социальные группы легко оказываются втянуты в нелегальную экономику, которая также глобализируется и получает больше возможностей для развития в сетевом обществе благодаря информационным технологиям. Криминальная культура в значительной степени влияет на низкодоходные группы городского населения. Растущая преступность и коммуникационные разрывы между социальными группами (в частности, связанные с полиэтничностью и поликультуральностью) приводят к появлению новых «защитных» форм расселения[139], становится причиной появления закрытых кварталов (gated communities).

Изменения претерпевают городские социальные движения, формируясь вокруг двух основных направлений: локальные и энвайронментальные движения. Первые нацелены на сохранение местного сообщества, утверждения своего права на город, обеспечение качественных жилищных условий и городских услуг. Вто-

---

[137] Castells, M., The Rise of the Network Society, 2nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell. P. 379.
[138] Там же. - P. 363.
[139] См.: Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios, 2002. – № 5. – pp. 9-19.

рые направлены на достижение более широкой цели – улучшение качества жизни. Свою задачу они видят в том, чтобы изменить городскую среду в целом.

Рост городов связывается с появлением новых городских форм, которые описываются в терминах мегагорода[140], метроплекса, постпригородов, внешнего города, окраинного города и др.[141] Все эти понятия связаны с попыткой переосмысления городской формы и описания трансформационных процессов, связанных с пространственной структурой города. Объединяя эти термины в понятии «экзополис», Э. Сойя отмечает основные его черты. Приставка «экзо» (внешний) есть прямое указание на рост «внешних», окраинных городов, природа которых была кратко рассмотрена в предыдущем параграфе в рамках анализа основных концепций Лос-анджелесской школы урбанизма. Помимо этого, «экзо» также намекает на влияние внешних, обусловленных глобальными процессами, сил, трансформирующих городское пространство. Экзополис – это город, формируемый зачастую противоположными процессами: децентрализацией и рецентрализацией, ростом территории и формированием новых плотных субцентров, возрастающей гомогенностью и гетерогенностью, растущей социально-пространственной интеграцией и дезинтеграцией. По мнению Э. Сойи, именно процессы, связанные с генезисом экзополиса дали толчок развитию нового урбанизма – градостроительного движения, выступающего за возрождение компактного города в противовес «расползанию» (sprawl).

Оценить силу и направленность описанных процессов предлагается с помощью ряда выделенных во втором параграфе показателей. В частности, для оценки изменений, связанных с реиндустриализацией и джентрификацией, предлагается использовать показатели, измеряющие объем инвестиций в основной капитал организаций, находящихся на территории района, количество рабо-

---

[140] См.: Castells, M., The Rise of the Network Society, 2nd Edition with a New Preface. Vol. 1. Information age. UK: Blackwell, 2010. 597 p.
[141] См.: Soja, E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2000. 440 p.

чих мест по отраслям производства, а также количество промышленных предприятий. Анализ данных по этим показателям позволит сделать вывод о том, какой сектор преобладает в экономике района, насколько профиль района соответствует понятию глобального города, а также оценить интенсивность процессов джентрификации территории. В соответствии с теорией С. Сассен, глобальные города – это мировые финансовые центры. Соответственно, объем инвестиций в капитал фирм, находящихся на определенной территории, косвенно позволяет оценить и степень включенности этой территории в глобальное пространство.

Показатели, связанные с количеством вузов и научных учреждений, также фиксируют, в какой степени город можно определить как глобальный в терминах С. Сассен. На наш взгляд, научные центры – это основные производители инноваций, а по мнению С. Сассен, производство и потребление инноваций – это одна из основных функций глобальных городов.

Предложенная методология позволит также исследовать процессы фрагментации городского пространства через выявление территорий, обладающих одинаковым объемом капитала разных видов. Особую роль здесь будут играть показатели, связанные с исследованием социального капитала, так как они позволят рассмотреть проблемы, связанные с полиэтничностью городского пространства, формированием закрытых кварталов, возможность становления рассмотренного в третьем параграфе явления тюремного архипелага.

В целом, предложенный подход к исследованию социально-территориальной структуры отличается от принятых ранее тем, что позволяет учесть множество экономических и социокультурных факторов формирования городского пространства, не выделяя их как более или менее приоритетные. Кроме того, данная методология позволяет учесть специфику изучаемого города и может быть адаптирована к исследованию других российских городов через уточнение системы показателей.

Выводы по первой главе

1. Исследования социально-территориальной структуры города имеют длительную историю. Предпосылки исследования были заложены еще в конце XIX – начале XX века, а начало собственно социологическому изучению было положено социологами Чикагской школы. Дальнейшие исследования социально-территориальной структуры города формировались в рамках более широких исследований городского и социального пространства с позиций неомарксизма (А. Лефевр, Д. Харви) и теорий постмодерна (Лос-анджелесская школа, М. Кастельс, С. Сассен и др.).

2. Усложняющая социокультурная динамика и глобализационные процессы приводят к трансформациям социально-территориальной структуры городов. Глобальные города становятся пространством, в котором глобальные процессы приобретают локальное значение. Информатизация и появление сетевого общества не ведут к «концу города», а становятся стимулом для интенсивных городских преобразований. Города меняются под действиями процессов реиндустриализации, децентрализации, джентрификации и их последствий.

3. В этой связи старые теоретико-методологические подходы оказываются недостаточными для эффективного исследования социально-территориальной городской структуры. Предлагаемый в диссертационном исследовании подход основывается на теории капитала П. Бурдье и предполагает анализ распределения различных видов капитала в городском пространстве. Преимущество данной методологии нам видится в использовании многофакторной модели анализа, которая позволяет учесть целый ряд экономических и социокультурных показателей развития территории и адаптировать их к специфике исследуемого пространства.

4. Использование метода социального картирования при исследовании социально-пространственной структуры города позволяет как визуализировать и наглядно представить территориальное распределение исследуемых феноменов, так и определить проблемные зоны города для последующего углубленного изучения. Социально-статистический подход к социальному картированию, допол-

ненный техникой использования ментальных карт, дает возможности для проведения комплексного многофакторного анализа, учитывающего не только объективные характеристики социально-территориальной структуры, но и субъективные представления горожан о городском пространстве как месте повседневной практики.

Глава 2. Особенности социально-территориальной структуры Москвы

Предложенная в первой главе методология исследования социально-территориальной структуры города применяется для изучения городского пространства Москвы. В результате анализа выделяются шесть кластеров, отличающихся спецификой распределения видов капитала.

Раскрытие специфики современной социально-территориальной структуры Москвы невозможно без исторического анализа. Во второй главе рассматривается динамика социально-территориальной структуры города и выделяются основные особенности, сохраняющиеся и по сей день.

Особое внимание уделяется анализу агломерационных процессов в России в целом и формированию Московской агломерации в частности. В этой связи исследуются возможные изменения социально-территориальной структуры Москвы, связанные с присоединением к городу в 2012 году новых территорий и объявленном в Генеральном плане курсом на полицентричность.

§ 1. Историческая динамика социально-территориальной структуры города Москвы

Необходимость изучения социальных явлений в исторической перспективе была выражена еще классиками социологической науки. Преемственность социальных структур предполагает, что их современное состояние – результат дли-

тельного развития в конкретном историческом контексте. Социально-территориальные структуры городов значительно изменяются под воздействием внешних экономических, культурных, политических и социальных процессов, однако они сохраняют свою многослойность: новая структура формируется на основе элементов предыдущей. Соответственно, исторический метод становится необходимой частью социологического исследования. Особое значение он приобретает в исследованиях постсоветских обществ, для которых характерно не постепенное эволюционное развитие, а довольно резкие социальные трансформации.

Современная социально-территориальная структура Москвы сформировалась в ходе исторического развития города, который впервые был упомянут в летописях в 1147 году, а к середине XIV века превратился в центр Великого Московского княжества. Рост Москвы был обусловлен ее географическим положением. По мнению историка П.В. Сытина[142], помимо того, что город выгодно располагался у реки, Москва находилась на пересечении двух крупных дорог: первая шла из Нижнего Новгорода через Волоколамск к Рязани и селениям на берегах Оки, а вторая – из Киева во Владимир и Суздаль. Значимым было также и то, что Москва располагалась в отдалении от монголо-татарских земель и реже подвергалась разрушительным набегам орды. По мнению О.Н. Трущенко, уже в этот период в пространственной структуре города выделяются две тенденции, которые сохраняются и на последующих этапах его развития[143]. Во-первых, это престижность центра, а во-вторых, противопоставление западных районов как более престижных восточным как менее престижным.

Изначальная социальная противоположность запада востоку связана с противопоставленностью Кремля Китай-городу. Около основанной на Кремлевском

---

[142] См.: Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 1 (1147 - 1762). М.: Московский рабочий, 1950. 416 с.
[143] См.: Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. 112 с.

холме крепости сразу же появился посад с рынком. При Иване Калите Москва стала фактической столицей Владимиро-Суздальского княжества, а с переводом в нее из Владимира митрополита с духовенством – культурным и духовным центром. С ростом города и увеличением территории Кремля посад также расширялся, отодвигаясь на восток, и уже к XIV веку превратился в торгово-ремесленный центр, тогда как Кремль стал центром боярства и духовенства, правящих сословий. В дальнейшем бояре, дворяне и духовенство, которым не хватало места на территории Кремля, строили свои дворы на территории посада, вытесняя купцов и ремесленников, которые были вынуждены перенести свои дворы в Замоскворечье и Зарядье. В XVI веке посад был обнесен стеной и получил название Китай-города. Построив в Китай-городе гостиный двор, Иван Грозный выселил отсюда многих дворян и бояр, велев купцам снова заселить Китай-город. Однако после смерти царя прежние владельцы вернулись в свои дворы, а купцам пришлось вновь покинуть Китай-город. Несмотря на то, что к концу XVII века Китай-город был преимущественно населен дворянами и духовенством, он сохранил свою торговую функцию: купцы приходили на посад утром, торговали, а вечером возвращались в свои дома; в гостиных дворах, рядах и лавках Китай-города сосредоточивалась почти вся торговля Москвы.

По мере роста города противопоставленность запада востоку проявилась и в полукольце Белого города, территории между Кремлем и Китай-городом, с одной стороны, и современным Бульварным кольцом, с другой стороны. Западная часть Белого города, Занеглименье, была заселена раньше и плотнее, чем восточная часть[144]. Занеглименье было ближе к Кремлю, чем территории к востоку от Китай-города. При этом оно находилось на пересечении больших дорог, тогда как в восточной части дорог практически не было. Уже в XIV веке там стояли слободки выходцев из Ржева, Великого Устюга, Новгорода, Твери и Дмитрова, а в начале XV века в Занеглименье уже располагалось несколько дворов, в том числе и двор

[144] См.: Сытин П.В. Из истории московских улиц. М.: Московский рабочий, 1958. 844 с.

великой княгини, и сел, принадлежащих боярам. Восточную часть Белого города в XIV веке все еще покрывал густой лес, который был вырублен к XV веку, а на его месте разбиты великокняжеские сады. Таким образом, в XIII-XV веках Занеглименье было заселено плотнее, чем восточная часть Белого города между реками Неглинной и Яузой. В XV веке западная часть Белого города интенсивно застраивалась «загородными» дворами бояр, церквями и монастырями. Только когда в западной части стало тесно, строительство переместилось в восточную часть города. В XVI веке процесс разрастания Белого города усилился, когда Иван Грозный построил в его западной части свой Опричный двор и заселил опричниками местность между современными улицами Моховая, Большая Никитская и Воздвиженка. Застройка западной части Белого города была крайне плотная, здесь находилось множество монастырей, церквей, боярских и дворянских дворов, а также дворцовых слобод, обслуживающих государственное хозяйство. Однако в восточной части Белого города строительство шло медленнее. Бóльшую часть территории на месте вырубленного леса занимали не боярские дворы, а черные слободы торговцев и ремесленников (например, Панкратьевская и Сретенская слободы, где жили, в основном, скорняки – мастера по производству меховых изделий, Мясницкая слобода, Покровская слобода и др.). Более слабую развитость восточной части Белого города подтверждают и сведения о пожарах Москвы. «Из числа пожаров, территориальное распространение которых известно, более всего было в Кремле, затем в Китай-городе и в западной части Белого города. В восточной части последнего указаны, главным образом, пожары, охватившие весь город. Это характеризует, известным образом, и застройку и заселенность указанных районов Москвы в XII-XVI веках»[145].

Что касается Земляного города (Скородома), то, так как в нем жил, преимущественно, простой народ (мелкие торговцы, ремесленники, крестьяне), противо-

---

[145] Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 1 (1147 - 1762). М.: Московский рабочий, 1950. С. 53.

поставленность западной и восточной части здесь менее очевидна. В то же время разделение Иваном IV Москвы на «Опричную» и «Земскую» привело к тому, что Земляной город оказался разделен по линии современной Большой Никитской улицы, что привело к выселению многих людей из западной части Земляного города и поселению в ней опричников. Впоследствии в западной части были размещены дворцовые слободы (Конюшенная, Иконная, Плотничья, Поварская, Хлебенная, Сторожевая, Бронная, Воротническая), а в восточной – «черные» торговые (Сретенская, Панкратьевская, Мясницкая, Покровская). В Замоскворечье же была образована Стрелецкая слобода, населенная солдатами (стрельцами).

С расширением территории Москвы в морфологии города появилось не только противопоставление запада востоку, но и центра периферии[146]. Так, во второй половине XVII века центр города в пределах нынешнего Бульварного кольца был довольно плотно застроен. При этом слободы вытеснялись дворами купцов и знати в Земляной город. В то же время Китай-город становится не только торговым, но и административным центром, так как в него перемещаются некоторые приказы, выведенные из Кремля. Купечество тем временем переселяется в Замоскворечье. К концу XVII века главное население Кремля составляли царская семья и патриарх с обслуживающим их персоналом. Большая часть дворов в Китай-городе принадлежала духовенству, дворянам и дьякам. В Белом городе дворянству принадлежало около трети всех дворов, остальные распределялись примерно в равных долях между духовенством, дьяками и посадским людьми (торгово-ремесленным населением). В Земляном городе, уже 40% дворов принадлежало посадским людям, пятая часть – дворянам, а остальные – дьякам, дворцовым чиновникам и духовенству. Ближе к границам Москвы, за Земляным городом посадские люди занимали уже 45% дворов, дворянские дворы в этой части Москвы составляли уже менее 10%. Таким образом, с ростом города наиболее бедное и

---

[146] См.: Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. 112 с.

непривилегированное население отодвигалось к его границам, тогда как знать, дворяне и духовенство селились в центре.

С приходом к власти Петра I царская резиденция была перенесена из Кремля в Преображенское, что способствовало переселению приближенного к нему дворянства к северо-востоку от Кремля. На берегах Яузы Петр расположил Преображенский и Семеновский полки, которые образовали целые слободы. Перемещение политического центра на Яузу способствовало тому, что на ее берегах появились новые дворцы, сады и дома знати. В то же время П.В. Сытин отмечает, что именно на берегах Яузы или около нее при Петре располагалось большое количество московских мануфактур, хотя нельзя утверждать, что промышленность при Петре и его преемниках была сосредоточена в определенной части города, скорее, она была разбросана по всей территории Москвы. Когда в 1713-1714 годах столица была перенесена из Москвы в Санкт-Петербург, дворянство, высшая знать и купечество были вынуждены переселиться в новую столицу. Однако «после указа Петра III о дворянских вольностях (1762) и жалованной грамоты дворянству Екатерины II (1785), окончательно освободившей самое привилегированное сословие от обязательной государственной службы, дворянство стало возвращаться обратно в старую столицу»[147]. В результате был расширен пояс жилой дворянской застройки в северо-западных частях Земляного города. Усиленное строительство именно на западе было связано с особым статусом Тверской улицы, которая стала главной улицей Москвы, поскольку через неё шло сообщение с Петербургом. К концу XVIII века дворянское население проживало, преимущественно, внутри Белого города, а также в западной части Земляного города, в том числе и на западе Замоскворечья[148]. Такая социальная дифференциация городского пространства сохраняла устойчивость на протяжении всего XIX века.

---

[147] Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. С. 24

[148] См.: Там же.

Изменение социальной структуры общества в результате революций 1917 года нашло отражение в изменении пространственной организации города. В бывших кварталах богатой аристократии стала селиться высшая прослойка партийного и государственного аппарата. Рабочий класс занял районы на востоке и юго-востоке Москвы. Тенденции социального деления пространства на запад–восток (юго-запад–юго-восток) и центр–окраины сохранялись до распада СССР.

В то же время целью советских градостроителей стало устроение идеального социалистического города. Эту идею они стремились воплотить в генеральных планах Москвы. В 1923-1925 годах под руководством А.В. Щусева был разработан план «Новая Москва», предполагавший развитие города в пределах Окружной железной дороги[149]. Север и северо-запад города отводились под жилищное строительство, тогда как промышленное строительство предполагалось вести на юго-востоке и юге. План предполагал сохранение исторического центра города, усовершенствование радиально-кольцевой системы улиц, а также строительство городов-садов, предназначенных для рабочих, вокруг Москвы. Важная роль отводилась озеленению города: А.В. Щусев предложил сформировать зеленые зоны, клиньями проникавшие в пространство города.

В 1925 году Планировочным институтом при Моссовете был одобрен проект «Большая Москва» С.С. Шестакова[150]. Проектировщик исходил из предпосылки, что к 1945 году население Москвы достигнет 4 млн. человек. Соответственно, план предполагал расширение территории города, которая будет постепенно заполняться жителями. При этом центральную часть города предполагалось застраивать по обычному городскому типу, а окраины – по типу городов-садов. План предусматривал структурное разделение Москвы на пять концентрических зон. Центральная городская зона располагалась в пределах Ок-

---

[149] См.: Сетевая версия энциклопедии «Москва» издания 1980 года. URL: http://www.mos80.ru/ (дата обращения: 02.05.2017)

[150] См.: Большая Москва. Составил С.С. Шестаков. Под ред. Ф.Я. Лаврова. М.: Издание М.К.Х., 1925. 41 с.

ружной железной дороги и предназначалась для обслуживания административно-деловой и торговой жизни города. Парково-промышленная зона разделялась на четыре сектора, из которых два, юго-восточный и северо-западный, отводились под промышленные предприятия, а юго-западный и северо-восточный, покрытые крупными насаждениями, должны были сохраниться как лесопарковые зоны. Садовая зона должна была быть застроена по принципу городов-садов: с просторной территорией, малоэтажной застройкой и правильной планировкой. Эта зона была разрезана четырьмя лесными массивами, которые рассматривались как источник чистого воздуха для внутренних зон. Функция лесной оградительной зоны состояла в создании границы, за которую город не должен расширяться. Она должна была сливаться с парками второй зоны и служить местом прогулок горожан. Железнодорожная зона предполагала строительство железной дороги по внешнему краю лесной зоны. Вокруг этой дороги предусматривалось строительство железнодорожных поселков, которые должны были находиться в ведении города, так как они связывались с его санитарно-технической инфраструктурой. Чтобы оградить Москву от перенаселения, С.С. Шестов предложил не только оградить ее лесом, но и создать благоприятные условия жизни в окрестных районах. С этой целью в план «Большая Москва» включено предложение перестроить окружающие город спутники (Дмитров, Сергиев Посад, Звенигород, Бронницы и другие) в города-сады. Таким образом, они должны были принять на себя излишки населения и предотвратить возможную «перегрузку» Москвы. План предполагал перестройку 26 городов-спутников, которые могли принять более 3 млн. человек.

Оба рассмотренных плана активно используют концепцию города-сада, предложенную в 1898 Эбенизером Говардом[151]. Автор рассматривает городскую жизнь и сельскую жизнь как два магнита, каждый из которых притягивает к себе людей. С одной стороны, жизнь в городе предлагает множество вариантов для трудоустройства, высокие зарплаты, разнообразие досуговых практик, развитую

[151] См.: Howard, E. Garden Cities of Tomorrow. London: Swan Sonnenschein & Co., Ltd, 1902. 167 p.

инфраструктуру. В то же время для города характерны высокие цены на недвижимость и аренду, удаленность места работы от места проживания, плохая экология, одиночество и отчужденность. Сельская жизнь притягательна близостью природы, низкими ценами на землю и аренду. Но у нее есть ряд значительных недостатков: низкие заработные платы, однообразный досуг, единственно возможной сферой деятельности является сельское хозяйство.

Э. Говард утверждает, что существует и третий вариант, сочетающий в себе достоинства активной городской жизни и прелести жизни за городом. Этот вариант видится ему как некий город-сад, который он описывает следующим образом. Общая площадь города-сада, имеющего форму круга, составляет 6000 акров (2430 га), из них 1000 акров (405 га) занимает город, а 5000 акров (2025 га) – сельскохозяйственный пояс. Город делится на шесть секторов шестью бульварами, которые сходятся в центре, где находится парк, вокруг которого располагаются основные учреждения города: мэрия, концертный и лекционный зал, театр, библиотека, музей, картинная галерея и больница. Центральный парк окружает крытая стеклянная торговая галерея, за которой концентрическими зонами располагаются улицы с малоэтажной застройкой. Одна из этих улиц – Гранд-авеню, на которой располагаются школы, муниципальные учреждения, церкви. Фабрики, заводы, склады и другие промышленные предприятия вынесены на периферию города, который окружает железная дорога. За ней находится сельскохозяйственный пояс, для фермеров которого город – это естественный рынок сбыта.

Таким образом, Э. Говард попытался объединить город и деревню в едином поселении[152]. С одной стороны, он представил компактное поселение, где большинство жителей занимается несельским трудом. С другой стороны, их жизнь (работа, быт, досуг) проходит в природном ландшафте. Идеи Э. Говарда были близки советским градостроителям. В работе «Соцгород» Н.А. Милютин утвер-

---

[152] См.: Глазычев В.Л., Гутнов А.Э. Мир архитектуры: Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.

ждал, что их основной задачей является «уничтожение противоположности между городом и деревней»[153].

Принятый в 1935 году Генеральный план реконструкции Москвы предполагал создание «подлинно социалистического города»[154]. План критиковал сложившуюся застройку Москвы за узость ее улиц, кривые кварталы, неравномерность застройки центра и периферии, беспорядочность расположения жилых и промышленных зон, скученность домов, их ветхость и низкоэтажность. Таким образом, Генеральный план предполагал коренную перепланировку города «путем решительного упорядочения сети городских улиц и площадей» с сохранением при «этом основ исторически сложившегося города»[155]. План предусматривал увеличение численности населения Москвы до 5 млн. человек и, соответственно, расширение ее территории примерно в два раза, в первую очередь, за счет присоединения территорий на юго-западе.

С точки зрения социально-территориальной структуры города в плане имеются предпосылки к децентрализации, так как при сохранении радиально-кольцевой системы улиц он предлагал дополнить ее новыми транспортными путями, разгружающими центр и соединяющими районы между собой без обязательного проезда через центр города. Отчасти это достигалось через развитие транспортной системы, в том числе, и строительство метрополитена. Стремление к децентрализации прослеживается также и в плане по реорганизации жилых кварталов. Их перепланировка предполагала строительство вместо небольших кварталов (1,5-2 га), застроенных малоэтажными домами, строительство крупных кварталов (9-15 га) с домами высотой не менее шести этажей. Такая застройка была направлена на выравнивание плотности населения во всем городе и доведения ее до 400 человек на 1 га жилого квартала. Лишь в некоторых, наиболее удоб-

---

[153] Милютин Н.А. Соцгород. М.; Л.: ГИЗ, 1930. 84 с.
[154] Генеральный план реконструкции города Москвы, 1935 год. URL: http://www.landscape-design.ru/articlex.php?c=Moscow-reconstruction-1935&p=2 (дата обращения: 03.05.2017)
[155] Там же.

ных и привлекательных районах (например, на набережных), допускалось превышение этой плотности до 500 человек на 1 га жилого квартала за счет повышения этажности домов. В центре каждого квартала должны были помещаться учреждения культурно-бытового обслуживания (ясли, школы, больницы, театры, кино, клубы, столовые, стадионы и др.), рассчитанные на обслуживание населения нескольких домов.

В соответствии с планом предполагалось также ограничить промышленное строительство на территории города. В перспективе промышленные предприятия должны были выводиться за границы города, что позволило бы улучшить его экологическое состояние. В пределах города сохранялись только предприятия, непосредственно обслуживающие городские нужды (хлебозаводы, холодильники и т.д.). Эта идея также близка взглядам Э. Говарда, который расположил промышленные предприятия своего города-сада на его внешних границах.

Принятый план изменялся и перерабатывался в последующие годы в соответствии с реальными изменениями в городской структуре. Так, в 1957 году Институт Генпана подготовил так называемый «технический» генеральный план, а в 1961 году были разработаны технико-экономические основы нового Генерального плана Москвы. Второй крупный Генеральный план был принят в 1971 году. С точки зрения городской морфологии он продолжал намеченные в плане 1935 года тенденции. Так, новый план предполагал дальнейшую специализацию промышленности, вывод из города некоторых промышленных предприятий и ликвидацию мелких, технически отсталых производств. Данный план также стремился реализовать полицентрическую структуру и однородное распределение населения в границах города. Для этого город был поделен на восемь зон, в каждой из которых предусматривалось развитие инфраструктуры, которое позволило бы горожанам жить, работать и проводить свой досуг в пределах одного района.

Рассмотренные генеральные планы в полной мере характеризуют развитие Москвы как социалистического города. В этом смысле социально-территориальная структура Москвы демонстрирует сходство с восточно-

европейскими городами. Одной из общих черт является распределение плотности населения. Ален Берто, урбанист и специалист в области пространственной организации города, провёл сравнительное статистическое исследование городов Центральной и Восточной Европы с городами Западной Европы[156]. Его исследование показало, что плотность населения в городах Западной Европы понижается по мере движения от центра к периферии. В Москве, равно как и в других постсоциалистических городах, плотность населения, наоборот, увеличивается по мере движения к окраине. В некоторых странах Восточной Европы наблюдается также и высокая плотность населения в центральных районах. По мнению А. Берто, это связано с их гибридной структурой и длительным периодом развития в условиях капитализма. Выявленная А. Берто особенность распределения плотности населения Москвы отражает идеи об однородном расселении, заложенные в советских генеральных планах. Нехарактерный для западноевропейских городов рисунок плотности населения является результатом того, что распределение земли в социалистическом городе осуществлялось на основе административных решений, а не регулировалось рынком, отражающим реальные спрос и предложение. Находившаяся в собственности государства земля, предоставлялась в бесплатное пользование. Закон СССР «Об утверждении основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1968 года указывал, что «все земли в пределах городской черты находятся в ведении городских Советов депутатов трудящихся»[157], которые распределяли их в соответствии с генеральными планами и установленными градостроительными нормами.

---

[156]См.: Bertaud A. The Spatial Structures of Central and Eastern European Cities: More European than Socialist? // Remaking Post-communist Cities. Symposium proceedings, University of Illinois, Urbana-Champaign, June 17–19, 2004. Pp. 45–64. Режим доступа: http://alainbertaud.com/wp-content/uploads/2013/08/AB_Central-European-Spatial-Structure_Figures_2.pdf (дата обращения: 03 мая 2017); Bertaud A. The Spatial Structures of Central and Eastern European Cities // The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy / Ed.: Tsenkova S., Nedovic-Budic Z. – Heidelberg: Physica–Verlag, 2006. Pp. 91–110.

[157] Закон СССР «Об утверждении основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13.12.1968. URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/6067 (дата обращения: 03 мая 2017)

С административным распределением земельных участков связана еще одна особенность постсоциалистических городов. По А. Берто, в городах с рыночной экономикой большая часть промышленных зон внутри города была реорганизована и передана под другие способы землепользования. Эта реорганизация явилась результатом рыночных сил, а не целенаправленных управленческих решений в области городского развития. Из-за высокой стоимости земли располагать промышленные предприятия в границах города представляется крайне невыгодным. Однако в городах Восточной Европы законы рынка не работали. Результатом стало то, что промышленные зоны занимают значительные участки земли в постсоветских городах. Так, на территории Москвы расположено более тысячи только крупных и средних предприятий промышленности[158], более половины находятся в срединной части города – на бывших промышленных окраинах. Отсутствие рыночных механизмов в советское время препятствовало переносу этих предприятий за границы города, несмотря на то, что такая задача ставилась в генеральных планах.

В настоящее время площадь производственных территорий составляет около 19 тыс. га, при этом значительная их часть занята не объектами промышленности, а объектами строительного комплекса, складами, оптовыми базами, транспортными объектами и др. В актуальном генеральном плане эти зоны рассматриваются как внутренний резерв развития города.

Другой характерной особенностью советского города вообще и Москвы в частности было наличие в его структуре элементарных территориальных единиц – микрорайонов. Авторами теории микрорайона считаются британский теоретик градостроительного дела Томас Адамс и американский планировщик Кларенс Перри, который под руководством Адамса развил концепцию жилого микрорай-

---

[158] См.: Обоснование выбранного варианта размещения объектов федерального, регионального значения города Москвы с оценкой их влияния на комплексное развитие территории города [Электронный ресурс]: М.: Институт Генплана, 2017.
URL: http://genplanmos.ru/project/generalnyy_plan_moskvy_do_2035_goda/

она применительно к городу Нью-Йорк и его окрестностям[159]. К. Перри исходил из того, что рост городов и распространение автомобиля негативно скажутся на качестве городской среды отдельных соседств (neighborhoods). Чтобы избежать этого, он предложил концепцию микрорайона (neighborhood unit), который, являясь частью города, в то же время представлял собой самодостаточную территориальную единицу[160]. С точки зрения управления, обеспечения пожарной и полицейской безопасности микрорайон полностью полагается на город, жители микрорайона, как правило, работают за его пределами. В то же время часть функций, или аспектов, микрорайона являются строго локальными и привязаны к соседству. К таким аспектам К. Перри относил начальную школу, небольшие парки и игровые площадки, местные магазины, жилую среду. С учетом этого архитектор предлагает следующие параметры микрорайона. Центральный элемент микрорайона – это школа, так как в основу пространственной организации были положены интересы семьи и желание избавить детей от необходимости каждый день переходить дорогу по пути в школу. Кроме того, школе предписывались важные общественные функции: в ней располагались избирательные участки, проводились политические собрания, читались лекции для взрослых. Соответственно, размер микрорайона определялся таким образом, чтобы одной начальной школы было достаточно для его обслуживания. Транспортная система микрорайона организована таким образом, чтобы исключить пересечение пешеходных улиц с магистралями и связать жилые дома с общественными зданиями. Со всех сторон район должен быть окружен транспортными артериями, обеспечивающими связь с другими частями города. Магазины и предприятия бытового обслуживания должны располагаться вдоль внешних магистралей и на оживлённых перекрестках внутри микрорайона.

---

[159] См.: Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства в 2-х тт. Т. 2: Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1979. 415 с.
[160] См.: Perry, C. The Neighborhood Unit // The City Reader. 5th edition / Ed. by R.T. LeGates, F. Stout. London, New York: Routledge, 2011. Pp. 486-498.

Концепция микрорайона появилась уже в сталинском генплане и активно использовалась советскими градостроителями, особенно при застройке окраинных районов Москвы[161]. Эта концепция соответствовала идеям устройства социалистического города, который является «последней ступенью обобществления индивидуального хозяйства» с созданием фабрик-кухонь, яслей, детских садов, интернатов для школьников[162]. Концепция микрорайона отвечает идеям Э. Говарда о децентрализации населения и привнесении принципа «соседских отношений», характерных для деревни, в городскую среду. При разработке модели микрорайона советские архитекторы опирались также на принципы строительства рабочих поселков в Западной Европе[163]. При определении размеров микрорайона и численности его населения градостроители пользовались следующим принципом[164]. Все учреждения культурно-бытового обслуживания делились на четыре типа в зависимости от периодичности пользования. К первому типу относились учреждения ежедневного пользования: детские сады, школы, магазины, аптеки и т.п. По мысли советских градостроителей, эти учреждения должны располагаться в радиусе 300–500 м от жилого дома. Второй тип – это кинотеатры, библиотеки, торговые центры, поликлиники, больницы, спортивные центры и другие учреждения, которые жители района посещают регулярно, но не ежедневно. Радиус обслуживания принимался в пределах 1000–1200 м, что позволяет подойти к этим заведениям пешком за 10–15 минут, не прибегая к услугам общественного транспорта. Третий тип учреждений – это музеи, театры, стадионы, то есть места, кото-

---

[161] См.: Бутягин В.А. Планировка и благоустройство городов. М.: Стройиздат, 1979. 381 с.; Lehmann S.G., Ruble B.A. From `Soviet' to `European' Yaroslavl: Changing Neighbourhood Structure in Post-Soviet Russian Cities // Urban Studies, 1997. Vol. 34, № 7. Pp. 1085–1107.

[162] См.: Милютин Н.А. Соцгород. М.; Л.: ГИЗ, 1930. 84 с.; Струмилин С.Г. Проблемы социалистических городов // Плановое хозяйство, 1930. № 5. С. 87-126.

[163] См.: Злобин В.В. Принципы развития планировки и застройки микрорайонов Москвы 1965-1985-х годов // Международный электронный научно-образовательный журнал «Архитектура и современные информационные технологии», 2013, № 1 (22). URL: http://www.marhi.ru/AMIT/2013/1kvart13/index.php 6067 (дата обращения: 03 мая 2017).

[164] См.: Бутягин В.А. Планировка и благоустройство городов. М.: Стройиздат, 1979. 381 с.; Шерстнева Д.Т. Обзоры по проблемам больших городов. Ансамблевая застройка новых микрорайонов Москвы. М.: ГОСИНТИ, 1974. 47 с.

рые зачастую имеют общегородское или областное значение. Наконец, четвёртый тип – это крайне редко посещаемые учреждения, такие как туристические базы, дома отдыха, санатории, отели и т.п. В микрорайонах располагаются учреждения первого типа с соблюдением требуемого радиуса обслуживания. Соответственно, предполагалось, что оптимальное количество населения в микрорайоне при пятиэтажной застройке – это 6–9 тыс. человек или 16–18 тыс. при преимущественно девятиэтажной застройке. В зависимости от численности и плотности населения, этажности застройки размеры микрорайона колебались в пределах 17–25 га.

Таким образом, микрорайон как принцип застройки жилых районов стал уникальной чертой городов СССР и социалистических стран восточной Европы.

Отличительной особенностью советских городов была также гетерогенность социального состава его районов. Еще социологи Чикагской школы отмечали гомогенность социального состава отдельных районов американских городов, которая и стала одной из предпосылок изучения городских популяций. Районы в американских городах, преимущественно, объединяют людей со схожим уровнем дохода и социальным статусом. Но в советских городах место жительства определялось не столько доходом, сколько местом работы. Крупные предприятия зачастую предоставляли квартиры и общежития своим работникам в тех же районах, где располагались сами. В результате такого расселения время от времени появлялись жилые комплексы, в которых проживали все сотрудники такого предприятия вне зависимости от их должности и дохода. Выбор места жительства, таким образом, был детерминирован не личными предпочтениями, а приоритетами государства и его институтов. В отсутствие рынка недвижимости горожанин имел мало возможностей самостоятельно выбрать или изменить район проживания. Это заметно отличает советский город от западного, где всегда существовали районы с низкой стоимостью аренды жилья, заселённые преимущественно молодыми людьми, которые по мере продвижения по карьерной лестнице и роста дохода перебирались в более престижные районы.

Гетерогенность социального состава районов была также одной из задач градостроителей в СССР. Предполагалось, что все районы будут равны между собой с точки зрения престижа, удобства проживания и инфраструктуры, тогда как внутри районов будут проживать разные профессиональные и социальные группы. Таким образом, городское планирование становилось один из шагов к формированию бесклассового общества. Создание идеального коммунистического города означало, что где бы человек ни жил, «он будет иметь одинаковую благоприятную общественную и материальную среду для своего развития и творчества»[165]. Достижение социального равенства как одна из декларируемых целей советского государства предполагало его выражение в физическом пространстве города. Формирование городской среды, обеспечивающей равные жилищные условия и равный доступ к общественным благам, стало одной из основных задач советских градостроителей.

Несмотря на стремление к гетерогенности внутри одного квартала и к обеспечению одинаковости кварталов с точки зрения престижности, в городском пространстве Москвы в советское время существовали районы, которые рассматривались как более престижные и благополучные. Выявить эти районы можно по расположению так называемых «*цековских домов*»[166]. К ним относятся многоквартирные дома, построенные по индивидуальным проектам для партийной и советской элиты. Квартиры в этих домах были просторнее, а качество и уровень комфорта намного выше, чем в муниципальных домах. Цековские дома располагались в центральных районах (в районе Арбата, Кропоткинской, Белорусской, около Бронной, Чистых и Патриарших прудов), а также за пределами ЦАО, где кварталы, в которых строились эти дома, в народе называли «царскими селами». Преимущественно, они располагались на западе и юго-западе города:

---

[165] Бабуров А.В., Гутнов А.Э., Дюментон Г.Г., Лежава И.Г., Садовский С.А., Харитонова З.В. Новый элемент расселения. М.: Стройиздат, 1966. С. 22.

[166] См.: Капустина Н. Элита прошлого века // Коммерсант. Приложение «Дом», 2007. № 121. URL: https://www.kommersant.ru/doc/780041 (дата обращения: 06 мая 2017).

рядом с Ленинским проспектом, в Кунцево, в районе Новых Черемушек, на улице Косыгина, в Крылатском, на Речном вокзале. В тоже время такие дома нельзя рассматривать как закрытые кварталы (аналог того, что в зарубежной литературе обозначается как gated communities), так как они возводились в окружении муниципальных жилых домов, в которых проживали горожане из всех социальных классов.

Процессы, связанные с распадом СССР и переходом к рыночной экономике, нашли своё отражение и в изменении городской структуры. Значительное влияние оказала проходившая в 1990-х годах масштабная приватизация, затронувшая Москву, другие города бывшего СССР, равно как и бывшие социалистические страны Восточной Европы. В связи с тем, что она не была подкреплена строгими законодательными мерами и методами регулирования, развитие города происходило хаотично, а не в соответствии с чёткой и перспективной градостроительной политикой[167]. Отсутствие единого плана развития города и бессистемная передача земельных участков в частные руки привели к тому, что новые собственники застраивали приобретённые земельные участки, руководствуясь стремлением к извлечению максимальной экономической выгоды, без учёта интересов гармоничного развития городской территории. Подобный подход к городской застройке породил ряд проблем.

В результате перехода к рыночной экономике в городе стали появляться частные предприятия, предоставляющие услуги, часть которых в принципе не существовала при плановой экономике. Это привело к тому, что в постсоциалистических городах появилась проблема нехватки пространства, отве-

---

[167] См.: Sýkora L., Bouzarovski S. Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies, 2011, Vol. 49, № 1. Pp. 43–60; Tsenkova S. Beyond Transitions: Understanding Urban Change in Post-socialist Cities // The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy / Ed.: Tsenkova S., Nedovic-Budic Z. – Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. Pp. 21–50; Tsenkova S. Post-socialist Cities in a Globalizing World // PLANUM, 2003. URL: www.planum.net/download/tsenkova-pdf (дата обращения: 03 мая 2017).

дённого под предприятия сервисной экономики[168]. Офисы открывались в помещениях, функционально для них не предназначенных: киосках, подвалах жилых домов, квартирах.

Новые экономические условия и дефицит пространства привели к возникновению так называемой *точечной или уплотнительной застройки*, которая представляет собой строительство новых объектов на территории уже существующей застройки. При этом нарушается целостная пространственная структура квартала или района. Во-первых, зачастую возведение новых объектов происходит за счёт сокращения зелёных территорий или сноса исторических зданий. Во-вторых, растёт нагрузка на транспортную инфраструктуру. В-третьих, увеличивается нагрузка на коммуникации, что может привести к перебоям с водо- или электроснабжением. В-четвёртых, строительство новых объектов на территории уже существующей застройки негативно сказывается на качестве жизни местных жителей. Запрет на точечную застройку в Москве был введён в 2008 году, однако проблема гармоничного включения объектов точечной застройки в существующую городскую среду остаётся актуальной.

Переход к рынку также усилил неоднородность расселения в Москве. Кратко опишем возникшие тенденции, подробный анализ которых будет проведен в заключительном параграфе диссертационного исследования.

Влияние рыночных механизмов привело к изменению социального состава центральных районов Москвы, в первую очередь, за счёт оттока менее состоятельных слоев населения в другие районы. Кроме того, наблюдается усиление тенденции к противопоставлению западных районов восточным. «Формирование новых элитных районов наблюдается и в более удалённых от центра частях столицы, прежде всего на западе и в меньшей степени на севере, которые становятся районами проживания среднего класса. Как правило, ядрами таких районов явля-

---

[168] См.: Brade, I., Rudolph, R. Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas // Area,2004. Volume 36, Issue 1. Pp. 69–80.

ются старые престижные кварталы, вокруг которых возводится новое жильё с повышенными потребительскими характеристиками, офисно-деловые и торговые центры»[169]. Восточные и южные округа рассматриваются как менее привлекательные и престижные, в частности, из-за увеличения количества мигрантов. При этом следует отметить, что крупные этнически гомогенные кварталы, характерные для большинства крупных европейских городов, в Москве отсутствуют. Эксперты отмечают, что «скорее, имеет смысл говорить о районах “притяжения” наибольшего количества мигрантов, причём вне зависимости от их национальной принадлежности»[170]. Повышенная концентрация мигрантов наблюдается в окраинных районах Юго-Восточного, Южного и отчасти Северо-Восточного округов Москвы, что связано с низкой стоимостью аренды жилья.

Дальнейшее расслоение населения по экономическому признаку может привести к тому, что средний класс будет покидать районы с плохой репутацией, тогда как малообеспеченные слои населения и мигранты будут эти районы наполнять. В результате в городе могут сформироваться проблемные районы, аккумулирующие социально неблагополучные группы населения. Таким образом, этническая сегрегация – это, скорее, результат имущественного и социального расслоения, борьба с которым поможет сдержать отток среднего класса из неблагополучных районов, улучшить жилищный фонд и инфраструктуру районов[171].

Как показано в первой главе, для современных городов характерны процессы джентрификации, которая понимается как процесс реконструкции городской среды, характеризующейся переселением в центральные районы средних и высших классов и оттоком оттуда жителей, относящихся к нижнему слою. В то же

---

[169] Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Сер. 5 «География», 2012. №2. С. 27

[170] Заблудовская М. Гетто в Москве: этнические, рабочие, «золотые» и интеллигентские // Информационно-аналитическое агентство «РИА Новости», 20.01.2015.
URL: http://ria.ru/moscow/20140120/990195999.html#ixzz3QOiEPP3p (дата обращения: 03 мая 2017).

[171] См.: Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, Институт географии РАН, 2005. 88 с.

время джентрификация в российских городах обладает своей спецификой. Во-первых, «данный процесс не имеет предшествующей стадии в виде очень сильной деградации центра, присущей многим западным городам»[172]. Во-вторых, значительную роль играют не столько рыночные механизмы, сколько государственные программы реорганизации городского пространства. Это и снос морально устаревшего жилья, и реиндустриализация, связанная с закрытием промышленных предприятий и выводом их за пределы города. Наиболее известный пример джентрификации в Москве – это реконструкция улицы Остоженка[173], где влияние городских властей на процессы реновации было решающим. В-третьих, подвергшиеся джентрификации территории зачастую превращаются в закрытые кварталы. По мнению О.Н. Яницкого, одним из трендов развития российских городов является усиление социально-пространственной дифференциации: «сообщества состоятельных и богатых граждан стремятся обособиться, отгородиться от «рядовой» застройки»[174], а вместо микрорайонов девелоперы создают «закрытые сообщества для определенных имущественных категорий граждан»[175]. С. Львоский отмечает интенсификацию процесса приватизации общественного пространства в российских городах и городах Восточной Европы[176]. Наконец, происходит коммерциализация районов, подвергшихся джентрификации, что выражается в интенсивном строительстве бизнес-центров, торговых центров и других построек, функции которых не связаны с проживанием.

Разнородность социального состава московских районов связана, в частности, и с низкой доступностью жилья. С 2000 г. фонд «Институт экономики горо-

---

[172] Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. №3 (9), 2006. С. 29.
[173] См. Badyina, A., Golubchikov, O. Gentrification in central Moscow – a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka // Geografiska Annaler, 2005. Vol. 87, № 2. P. 113–129.
[174] Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования, 2016. № 8. С. 125.
[175] Там же. С. 125
[176] См.: Львоский С. Внутренние границы в пространстве потоков // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 67-87.

да» рассчитывает показатели доступности жилья в России. В 2015 г. в Москве доля семей, имеющих возможность приобрести с помощью собственных и заемных средств жильё, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, составила 16%, что почти в два раза ниже, чем в среднем по России[177]. Столь невысокий показатель свидетельствует о низкой мобильности населения вследствие того, что большинство москвичей не имеют дохода, позволяющего купить жилье и сменить место жительства.

Подводя итог исторической динамике социально-территориальной структуры Москвы, следует отметить, что эта структура гибридна. В ее эволюции можно выделить три отдельных этапа: досоветский, советский и постсоветский. При этом уже на самых ранних стадиях ее развития начали формироваться тенденции, сохраняющие актуальность и сегодня. Во-первых, это противопоставление западных и восточных районов, а, во-вторых, престижность центра. Эти тенденции, хотя и в меньшей степени, определяли морфологию городского пространства Москвы и в советское время, несмотря на стремление градостроителей создать максимально однородную социальную среду. Тем не менее, усилия градостроителей способствовали выравниванию социального пространства и созданию гетерогенных районов, в которых проживали люди разных социальных статусов. На сегодняшний день в пространстве города все еще нет четко выраженных сегрегированных территорий. Исследование, проведенное М.К. Горшковым и Н.Е, Тихоновой в 2004 году показало «незавершенность процесса формирования жестких границ между различными социальными слоями»[178]. Однако за последние 13 лет, на наш взгляд, ситуация несколько изменилась в сторону усиления дифференциации, которая особенно четко проявляется в распределении экономического капи-

---

[177] См.: Показатели доступности жилья в России (проект Института экономики города) // Институт экономики города. Официальный сайт. URL: http://www.urbaneconomics.ru/research/analytics/pokazateli-dostupnosti-zhilya-v-subektah-rf-s-1998-goda-po-i-kv-2016-goda (дата обращения: 03 мая 2017).

[178] Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004. № 3. С. 21

тала, выраженного через стоимость недвижимости. Дифференциация районов по другим факторам выражена менее отчётливо, ее изучение составляет основу третьего параграфа.

§ 2. Москва как городская агломерация: специфика территориального развития

Социологи и урбанисты не раз предсказывали, что информационная революция приведет к «концу города». Так, например, О. Тоффлер[179] полагал, что в супериндустриальном обществе большие города исчезнут в процессе децентрализации. Ф. Ферраротти предположил смерть крупных городов в двух из пяти своих сценариев будущего[180]: в полицентрическом обществе на смену индустриальному городу придут мелкие центры, специализирующиеся на предоставлении услуг, а дифференцированный гигантизм приведет к децентрализации и появлению «глобальной деревни» в силу того, что люди будут выполнять работу дома с помощью компьютеров и телекоммуникаций.

Другой точки зрения придерживается М.Кастельс. Он показывает, что мы переживаем самую крупную волну урбанизации. По данным ООН, на сегодняшний день 54% населения Земли проживают в городах, а к середине века две трети населения планеты будет городским[181]. Становление сетевого общества не означает упадок городов. По мнению американского экономиста Э. Глейзера, информационные технологии увеличивают ценность личных связей, «создают мир,

[179] См.: Тоффлер О. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.
[180] См.: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. 384 с.
[181] См.: Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам. https://esa.un.org/unpd/wpp/

насыщенный отношениями»[182]. Они создают больше возможностей для обмена информацией, что, в свою очередь, приводит к необходимости более тесных контактов, как на личном уровне, так и через средства электронной коммуникации. Все это усиливает ценность городов. Мегаполисы будут расти, так как они являются центрами экономического, технологического, политического и культурного развития, а также узлами в глобальных сетях.

Информационная революция не означает «смерти» города, но приводит к появлению новых городских форм – метропольных регионов – городских скоплений, разбросанных по огромной территории вокруг полицентричных структур. Метропольный регион – это качественно новая городская форма, так как он включает в себя урбанизированные и сельскохозяйственные территории, открытое пространство и плотно населенные жилые зоны. Он включает в себя несколько центров, различающихся по размеру и функциям, из которых в некоторых случаях ни один не является доминантным. Его образование связано с двумя взаимосвязанными процессами: во-первых, это децентрализация и передача ряда функций из города-центра прилегающим территориям; во-вторых, усиление взаимосвязи населенных пунктов различного размера, связанное с развитием коммуникаций. К метропольным регионам можно отнести современные агломерации, возникшие вследствие интеграции нескольких городов и прилегающих к ним территорий: Токио – Йокогама, Гуанчжоу – Фошань, Осака – Кобе – Киото. Кроме того, метропольные регионы возникают за счет усиления интенсивности связей мегаполиса с окружающими его городами и сельскими территориями. Такие мегаполисы как Лондон, Нью-Йорк, Дели, Сан-Паулу, Москва и другие непрерывно расширяются, захватывая все новые территории. Количество и интенсивность связей с соседними городами увеличиваются за счет транспортной инфраструктуры и информационных технологий. Границы мегаполиса размыва-

---

[182] Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче. умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Институт Гайдара, 2014. С. 66

ются, для управления городом требуется тесная кооперация муниципальных властей всех включающихся в агломерацию территорий. В результате создаются новые административные единицы: Национальный столичный регион в Индии, включающий в себя Дели и ряд округов; Большой Лондон; Большой Нью-Йорк или Нью-Йоркская агломерация, помимо самого Нью-Йорка включающая ряд городов штатов Нью-Джерси и Коннектикут; Москва – Новая Москва. Подобные процессы характерны для всех регионов земного шара.

Метропольные регионы не объединены общим именем или культурой, что затрудняет процесс управления ими, а также участие граждан в политике региона. Метропольные регионы образовываются из самостоятельных городских систем. Их интеграция в единое городское пространство представляет собой сложный и продолжительный процесс. Размер территории, численность населения, диверсификация и полифункциональность включенных в метропольный регион территорий усложняют процесс муниципального управления. В то же время жители метропольного региона не обладают общей идентичностью, в том числе и потому, что метропольный регион объединяет городские и сельскохозяйственные территории.

Московская агломерация, сформировавшаяся в ходе многовекового развития Москвы и окружающих ее территорий, имеет некоторые черты описанной М. Кастельсом городской формы. Предпосылки к формированию агломераций в России начали формироваться в XIX веке и связаны с процессами индустриализации, интенсификацией урбанизации и активным дорожным строительством[183]. Однако становление российских агломераций относится к XX веку, в начале которого в ходе индустриального роста на границах российских городов стали возникать промышленные предприятия, вокруг которых формировались рабочие поселки и городки. Развиваясь и увеличиваясь в размерах, они превратились в города-

---

[183] См.: Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Откуда есть пошли агломерации // Демоскоп, 2010. № 407 – 408. URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php (дата обращения: 16.04.2017).

спутники. Особое ускорение процесс городского агломерирования получил в середине 1920-х и в течение 1930-х годов, когда трансформации экономических и социальных отношений привели к притоку граждан в города. Рост агломераций снизился во время Второй мировой войны, но снова усилился в послевоенное время, особенно в тыловых районах, куда были эвакуированы промышленные предприятия (в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, а также в Средней Азии). К концу 1970-х годов количество городских агломераций в СССР удвоилось по сравнению с началом 1960-х, а численность проживающего в них населения превысила 50% от общей численности городского населения[184]. Процесс формирования новых агломераций практически прекращается в 1980-е, но при этом численность старых агломераций продолжает расти.

Прежде чем охарактеризовать Московскую агломерацию и раскрыть ее специфические черты, следует раскрыть сущность исходного понятии «городская агломерация». Данным термином обозначается «компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную локальную систему многообразными интенсивными связями: производственными, деловыми, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и прочими, а также совместным использованием ресурсов агломерационного ареала. Говоря короче и проще, агломерация – это созвездие городов»[185]. В агломерации выделяются центральное ядро и города-спутники, которые объединены симбиотическими связями: центральный город передает спутникам часть обременительных видов деятельности, а города-спутники, в свою очередь, получают выгоды от близости к центру (например, доступность крупного рынка труда, развитой досуговой и культурной сферы, а также сферы обслуживания).

Процесс формирования агломерации начинается с роста центрального города. По достижении определенного предела для города становится более целесооб-

---

[184] См.: Там же.
[185] Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012. С. 92.

разным обзавестись спутниками, нежели расширять свои границы. Г.М. Лаппо выделяет три группы городов-спутников[186]. Первая группа развивается на базе объектов, обслуживающих центральный город. К ним относятся, в первую очередь, транспортные, коммуникационный и логистические узлы (аэропорты, складские комплексы, сортировочные станции), а также электростанции, станции водоснабжения и пр. Вторая группа спутников состоит из городов, которые дополняют промышленный комплекс центрального города. Они поставляют городу продукцию, для производства которой необходимы крупные промышленные предприятия, но размещение их в пределах города экономически невыгодно, поэтому они выносятся за границы города и становятся стимулом формирования городских поселений. В третью группу Г.М. Лаппо выносит наукограды, центры интеллектуальной, проектной, образовательной, конструкторской деятельности, зачастую связанные с высокотехнологичным производством. Именно эта группа в ее связи с городом-центром определяет инновационный потенциал агломерации. Города-спутники служат и жилым дополнение к городу-центру. Вместе они образуют структуру расселения, для которой характерны маятниковые поездки с разной степенью периодичности – суточные, недельные, сезонные. Агломерации свойственная повышенная подвижность населения (как дневного, так и недельного цикла), а также соответствующее развитие транспортной инфраструктуры, которая делает культурный, информационно-образовательный и торгово-промышленный потенциал агломерационного центра доступным для жителей внешней зоны[187]. Развитие городской агломерации нивелирует различия между городским и сельским населением, что позволяет рассматривать население спутниковой зоны городской агломерации как некую смешанную совокупность с особым образом жизни, отличным и от городского, и от сельского[188].

---

[186] См.: Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012. 504 с.
[187] См.: Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселении: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. 788 с.
[188] См.: Там же.

Формирование агломерации связано с появление ряда благоприятных условий. У города-центра должна возникнуть потребность в спутниках, в дополнительных территориях, перенимающих часть его функций. При этом окружающая территория должна благоприятствовать созданию агломерации с точки зрения ресурсов. У российских агломераций есть некоторые особенности, отличающие их от западных. В частности, для них характерно образование спутников «к городу», а не «от города»[189]. Это значит, что развитие городов-спутников было обусловлено не столько потребностями города-центра, сколько интересами различных отраслей хозяйства, то есть шло «от страны». Различные министерства и ведомства, промышленные компании стремились разместить подведомственные им предприятия вблизи крупного центра. Зачастую к этому времени городские ядра еще не достигали размера, вынуждающего их передавать часть своих функций спутникам, что привело к параллельному развитию городов-центров и городов-спутников. Увеличиваясь, центры поглощали те спутники, которые располагались близко к их периферии. В результате население агломераций не перераспределялось между центрами и спутниками, концентрируясь, преимущественно, в ядрах агломераций. Что касается роста населения в городах-спутниках, то он обеспечивался за счет миграционного притока из других районов страны. Эта специфика российских агломераций отличает их от зарубежных, где рост населения в городах-спутниках был результатом перемещения людей из центра.

Агломерационный эффект имеет как позитивное, так и негативное влияние[190]. За счет концентрации функций на одной территории обеспечивается экономия на масштабе. Разнообразие экономических агентов способствует усилению конкуренции и более интенсивному производству инноваций. В то же время агломерационный эффект негативно сказывается на транспортной инфраструктуре и экологии города.

---

[189] См.: Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012. 504 с.
[190] См.: Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 6-18.

Московская агломерация выделяется среди других агломерационных образований России. Численность ее населения в несколько раз превышает численность населения других агломераций. Это, равно как и ее столичный статус делает Московскую агломерацию крупнейшим административным, финансовым и культурным центром страны. Рассмотрим современные особенности социально-территориальной структуры Московской агломерации.

Агломерационное скопление может быть моноцентрическим, когда центральный город значительно превышает города в своем окружении, и полицентрическим. Московская агломерации относится к первому типу, так как численность ее населения в десятки раз превосходит самые крупные города-спутники. При этом спутниковая зона Московский агломерации полицентрична: составляющие ее города представляют собой равнозначные экономические центры. Московская агломерация обладает радиально-концентрическим и секторно-поясным устройством[191]. Города, входящие в состав Московской агломерации, формируют спутниковые пояса. Определение количества и границ этих поясов – задача, до сих требующая методологического разрешения. Так, В.Г. Глушкова предлагает следующее разделение[192]. Первый пояс располагается на границах города, примыкая к МКАД. Его образуют такие города как Химки, Мытищи, Долгопрудный, Королёв, Реутов, Балашиха, Люберцы, Видное, Подольск, Одинцово, Красногорск. Для первого пояса характерна суточная маятниковая миграция, так как многие жители этих городов-спутников работают и проводят свой досуг в Москве. При этом исследователи отмечают тенденцию слияния ближнего пояса подмосковных районов с Москвой[193]. В результате формируется зона сплошной

---

[191] См.: Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Современные особенности территориальной структуры // Демоскоп, 2012. № 517 – 518. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema03.php (дата обращения: 16.04.2017).

[192] См.: Глушкова В.Г. Московская агломерация // Москва (энцикопедия). М.: Большая Российская Энциклопедия. 1992. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/1916/ (дата обращения: 16.04.2017).

[193] См.: Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra, 2012. №6 (57). С. 19-31.

застройки, так называемый реальный город, где трудно четко определить границу между Москвой и областью. Второй спутниковый пояс располагается на большем удалении от Москвы. К нему относятся, в частности, такие города как Щелково, Жуковский, Ногинск, Электросталь. Роль центра ослабевает во внешнем поясе, где начинают преобладать другие города, выполняющие роль районоорганизующих центров.

Более дробная классификацию включает разделение Московской агломерации на четыре пояса и четыре географических сектора[194]. Первый пояс включает районы и самостоятельные города, которые граничат с Москвой. Второй пояс, состоящий из районов «второго порядка» (т.е. непосредственно граничащих с районами первого пояса) удален от Москвы на 20-60 км, третий – на 60-100 км. Самый дальний, четвертый пояс образуется окраинными областями Московской области, при этом он даже не составляет сплошного кольца из-за конфигурации области. Разделение Московской агломерации на сектора связано с их функциональными особенностями. «Для востока и юга приоритетны агропромышленные функции; для севера – рекреационная, лесохозяйственная и аграрная; для запада, северо-запада – рекреационная, общественно-деловая и селитебная»[195].

Первый пояс городов-спутников, используя терминологию Лос-анджелесской школы урбанистики, можно отнести к «окраинным городам». Химки, Мытищи, Одинцово и ряд других городов приобретают новые функции, в том числе офисно-деловые, досуговые и торговые, ориентированные на спрос всей агломерации, а не только местных жителей. Ряд городов из второго, третьего и четвертого пояса также наращивают новые функции и становятся самодостаточными центрами, где возникают новые промышленные комплексы, работающие на рынок всей Московской агломерации, включая Москву. На их основе формиру-

---

[194] См.: Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Современные особенности территориальной структуры // Демоскоп, 2012. № 517 – 518. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema03.php (дата обращения: 16.04.2017).
[195] Там же.

ются агломерации второго порядка, которые «разгружают» Москву и могут стать опорными элементами при развитии региона.

Помимо рассмотрения городской агломерации через концентрические зоны, необходимо отметить также и ее *лучевую структуру*. Вся связи между городом-ядром и спутниками осуществляются по линиям транспортной системы (железным дорогам, автомагистралям, судоходным путям). Эти линии с находящимися вокруг них поселениями образую лучи, которые являются стержневыми элементами, соединяющими агломерации и города между собой. В Московской агломерации насчитывается 12 полимагистральных лучей с разной плотностью заселенности.

В последние несколько лет социально-территориальная структура Московской агломерации претерпевает изменения. Районы, прилегающие к границам Москвы, фактически срастаются с городом. Москва и ближайшие пригороды превращается в зону сплошной застройки. Расползание города в пригороды, неконтролируемое разрастание агломерации приводит к ряду социальных, экономических и инфраструктурных проблем, включая транспортную доступность территорий, конфликтность землепользования, ухудшение экологической ситуации и др. Проблеме расползания городов (urban sprawl) уделяется большое внимание в западной социологической литературе, исследуются ее экономические, экологические и социальные последствия. Эта проблема связывается с разрастанием пригородов и так называемой субурбанизацией. В американской традиции основной акцент делается на развитие пригородов с низкой плотностью населения, застроенных одно-, двухэтажными домами на одну семью. Европейские исследователи также отмечают проблемы расползания в большинстве крупных городов, вне зависимости от того, растет или уменьшается население города. Причиной расползания, по их мнению, является не столько рост городского населения, сколько растущее благосостояние горожан, стремление огородить себя от

проявлений растущей социальной напряженности, желание жить в тихом, благополучном районе[196]. Исключением не являются и города Восточной Европы, которое долгое время развивались иначе, чем западноевропейские города. Тем не менее, после Второй мировой войны растущей средний класс стал заселять пригороды, получив государственную поддержку в виде субсидий на строительство частных жилых домов в пригородах крупных городов. На протяжении XX века субурбанизация рассматривалась как положительное явление, необходимо для того, чтобы предотвратить перенаселение городских территорий. Интенсивная субурбанизация продолжилась и в переходный период в 1990-х годах. Сегодня пространственные структуры восточноевропейских городов динамично меняются. Трансформации затрагивают как исторический центр городов, так и периферию. Исследователи видят тенденции к сближению основных черт восточноевропейских и западноевропейских городов, делая вывод о необходимости внедрения государственной политики, препятствующей расползанию.

Ответом на проблемы, вызванные расползанием городов, стала градостроительная концепция нового урбанизма, которая предполагает возрождение компактного города в противовес субурбанизации. Принципы нового урбанизма, отраженные в его хартии, направлены на сохранение исторического облика городов и последовательную градостроительную политику[197]. Попытки использовать принципы нового урбанизма, умного роста и устойчивого городского развития были предприняты командами-участниками в конкурсе на разработку концепции развития Московской агломерации. Конкурс был объявлен в 2012 году по инициативе рабочей группы при Президенте РФ, Правительства Москвы и Правительства Московской области, Союза архитекторов России, Российской академии архитектуры и строительных наук в связи с необходимостью создания единого

---

[196] См.: Couch, C., Petschel-Held, G., Leontidou L. Urban Sprawl in Europe: Landscape, Land-Use Change and Policy. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2007. 273 p.
[197] См.: The Charter of the New Urbanism. URL: https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism (дата обращения: 16.04.2017).

проекта развития Москвы и Московской области, расширения территории Москвы в юго-западном направлении (причина выбора данного сектора связана с его слабой урбанизацией), повышения конкурентных качеств Москвы как глобального города, а также в связи с созданием нового финансового центра[198]. В то же время сам факт присоединения к Москве новой территории продолжает тенденцию «расползания» (sprawl) города, негативно оцениваемую в новом урбанизме. По мнению Н.В. Зубаревич, развитие столичной агломерации должно быть связано с активным взаимодействием Москвы и Подмосковья для решения общих инфраструктурных проблем, связанных с транспортом, энергетической инфраструктурой, сезонной миграцией и пр. Однако, в связи со слабой развитостью горизонтальных взаимодействий федеральные власти предпочитают объединить столицу и область в единую территорию и управлять ей с помощью обычных методов[199].

На наш взгляд, присоединение территорий Новой Москвы целесообразно рассмотреть в рамках данного диссертационного исследования именно с точки зрения развития Московской агломерации. Из-за того, что объем присоединяемой территории превышает территорию Старой Москвы, а также в силу того, что эта территория не является высокоурбанизированной, отношения между Старой и Новой Москвой можно скорее описать как отношения между городом-центром и городами-спутниками. При этом интенсивное развитие территории Новой Москвы может оказать значимое влияние на изменение социально-территориальной структуры города в рамах старых границ. В связи с этим мы считаем целесообразным рассмотреть планы Правительства Москвы по реструктуризации этих территорий и оценить ее возможное влияние на трансформации городской структуры.

---

[198] См.: Официальный сайт Комплекса градостроительной политики Москвы. URL: https://stroi.mos.ru/new-moscow/o-konkurse (дата обращения: 16.04.2017).
[199] См.: Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 6-18.

Как был отмечено выше, предложения по развитию Московской агломерации были представлены в ходе объявленного Правительством Москвы конкурса. Из 67 поданных заявок в финале конкурса осталось девять команд, которые представили собственные концепции развития Московской агломерации. Новый Генеральный план развития Москвы, составленный на основе предложений победивших заявок, был одобрен Московской городской думой в марте 2017 года.

Все команды опирались на концепции нового урбанизма и умного роста, идею «гуманизации» городского пространства. Выделяя общие черты в представленных проектах, можно описать возможности применения данных градостроительных практик в российской действительности.

Как было показано выше, Московская агломерация – моноцентричное образование. Согласно Хартии нового урбанизма, города, существующие в рамках одного региона, должны быть мультифункциональными и поддерживать экономику региона[200]. Из этого следует вывод о приоритете полицентричного развития над моноцентричным. Предложенные в рамках конкурса проекты также утверждали необходимость развития полицентричности и децентрализации в Московской агломерации, предлагая различные варианты функционального расположения новых центров. С принципом полицентричности тесно связана идея о транспортной доступности различных районов агломерации. При этом транслируется необходимость развития различных форм общественного (скоростных пригородных поездов, линий метро) и экологически чистого транспорта (развитие сети велодорожек). Практически все конкурсные заявки содержали конкретные предложения по развитию транспортной системы, созданию сети скоростных поездов и линий метро. При этом новые транспортные узлы рассматривались как возможности для развития полицентричности агломерации. Особое место в транспортной системе агломерации занимала Москва-река. Она рассматривалась не только как

---

[200] См.: The Charter of the New Urbanism. URL: https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism (дата обращения: 16/04/2017).

природный ресурс с большим потенциалом для развития рекреационных зон, но и как важнейшая транспортная артерия города и области. Развитие сети дорог в старой Москве, увеличение их «капиллярности» также отвечает требованиям нового урбанизма, который рассматривает доступность (в том числе и пешую) городской седы в качестве одного из важнейших градостроительных принципов. Градостроительная концепция нового урбанизма уделяет особое внимание роли природного капитала города и региона. Парки, леса, сады должны быть равномерно распределены в границах агломерации. Аналогичного взгляда придерживались все участники конкурса. Зеленые насаждения Новой Москвы рассматривалась ими как «легкие города», «лес в городе» и оценивались в качестве одного из важнейших ресурсов агломерации. Выдвигались идеи о максимальном сохранении «зеленой» зоны, учреждении новых особо охраняемых территорий и создании курортов и обширных рекреационных зон. Принципы нового урбанизма утверждают идею компактности города. Воплощение этой идеи в конкурсных заявках выразилось в требовании перестройки бывших промышленных зон, использовании их инфраструктуры для развития других проектов.

Новый Генеральный план Москвы учитывает рассмотренные выше принципы и предполагает развитие города в рамках полицентричной модели, что отвечает тенденциям децентризма, характерным для городов постмодерна. Основным направлением развития планировочной структуры города является децентрализация и создание новых центров деловой активности[201]. В частности, предполагается качественный переход от планирования развития единого компактного города к развитию системы расселения в новых границах. Этот переход должен осуществляться за счет 1) создания многофункциональных зон, формируемых на базе транспортно-пересадочных узлов региона; 2) повышения самодостаточности, эс-

---

[201] См.: Обоснование выбранного варианта размещения объектов федерального, регионального значения города Москвы с оценкой их влияния на комплексное развитие территории города [Электронный ресурс]: М.: Институт Генплана, 2017.
URL: http://genplanmos.ru/project/generalnyy_plan_moskvy_do_2035_goda/ (дата обращения: 16.04.2017).

тетической и архитектурной привлекательности районов, прилегающих к МКАД; 3) формирования «малых городов» и других городских образований на присоединенных территориях. Формирование компактных городских образований, многофункциональных кластеров, деловых центров позволит сократить маятниковую миграцию и снизить нагрузку на транспорт. Генеральный план предполагает 12 новых «точек роста», определяемых как социально-деловые кластеры: многофункциональный административно-деловой кластер в Коммунарке; аэрополис Внуково; технопарк «Румянцево»; многофункциональный кластер «Мосрентген» (торговля, гостиницы, офисы, производство); образовательный кластер; историко-рекреационный комплекс; инновационно-научный центр «Троицк»; медицинский кластер; логистический кластер «Киевский»; агропроизводственный кластер «Клёново»; кластер «Вороново»; агрорайон «Рогово». Их формирование отвечает современным тенденциям развития городов с созданием «окраинных городов», технополисов и других урбанизированных образований, рассмотренных в первой главе данной работы с позиций Лос-анджелесской школы урбанистики.

При этом в Генеральном плане отражено стремление сохранить структурную целостность территории города за счет 1) развития транспортных магистралей (в том числе и водных), соединяющих основные узлы города; 2) развития адиминистративно-деловых образований, предназначенные для развития столичных и представительских функций в центральной части города и на присоединенных территориях; 3) архитектурных решений, выделяющих основные планировочные узлы города; 4) благоустройства общественных пространств, обеспечения пешеходных связей между объектами общественного назначения, остановками общественного транспорта, а также активно посещаемыми рекреационными территориями.

Выбранный курс на полицентричность может привести к значимым трансформационным изменениям в социально-территориальной структуре Москвы. Они будут связаны, во-первых, с потерей доминирующего положения центральных районов, что приведет к потере ими ряда экономических, административных

и культурных функций. В этой связи возникает риск их деградации. Во-вторых, децентризм приведет к изменению структуры расселения и появлению новых престижных адресов, чье лидирующее положение будет основано не на принципах географической близости к центру, а на некоторых других критериях (например, близости к культурным центрам, рекреационным зонам, качестве окружающей среды и др.). В-третьих, полицентричность порождает новые риски, связанные с проблемами сегрегации и геттоизации районов. В соответствии с концентрической моделью Э. Берждесса, возникает вероятность формирования вокруг новых центров транзитных зон, в которых проживают наименее обеспеченные и наиболее маргинализированные социальные группы. В то же время создание новых центров притяжения в одних районах может привести к деградации городской среды в других районах, где такие центры притяжения не создаются или функционируют менее успешно. Это может привести к появлению новой пространственной формы социального неравенства и сегрегированных территорий.

Рассматривая проблему управления метропольным регионом, М. Кастельс предлагает ряд рекомендаций. Основной задачей городского планирования, по его мнению, является обеспечение связанности, как внутренней (между узлами метропольного региона), так и внешней (включенности в глобальную сеть). Связывая глобальное и локальное, городское планирование создает возможности для региона функционировать в пространстве потоков. В то же время, его функцией является привязывать узлы глобальных сетей к пространству мест. С практической точки зрения это означает, что городское планирование ориентировано на выполнение ряда задач. Во-первых, это создание эффективной транспортной системы, которая связывала бы узлы метропольного региона. При этом она должна гармонично взаимодействовать с сетью общественного транспорта и локальной транспортной сетью, включающей в себя велосипедные и пешеходные дорожки. Во-вторых, преодоление сегрегации, которой подвергаются районы, «исключенные» из глобальной сети. В-третьих, это сохранение этнического и социального разно-

образия города. В-четвертых, это интеграция открытых и природных пространств в тело метропольного региона. Так как метропольный регион занимает обширную территорию, важно обеспечить эффективное включение в него сельскохозяйственных и природных зон. В-пятых, это децентрализация и рецентрализация населения. Так как метропольный регион – это мультифункциональное образование, новые планировочные практики необходимы для создания субцентров. Таким образом, городское планирование в сетевом обществе должно не только обеспечивать адаптацию пространства мест к пространству потоков, но и структурировать пространство мест в качестве жилого пространства, обеспечивая связь уровня экономического развития региона с качеством жизни его жителей.

§ 3. Комплексная характеристика социально-территориальной структуры города Москвы на современном этапе развития

В данном параграфе представлены результаты применения описанной в первой главе методологии для исследования социально-территориальной структуры Москвы и сделана попытка выделения гомогенных кластеров в городском пространстве. Перед описанием выделенных кластеров следует кратко показать распределение различных видов капитала в городском пространстве.

Экономический капитал распределен в городском пространстве крайне неравномерно. Проведенный по трем выделенным показателям анализ показывает максимальную его концентрацию в центре города (в пределах Центрального административного округа). При этом по показателю цен на недвижимость сам ЦАО слабо дифференцирован с преобладанием экономического капитала в его западных районах (Тверской, Арбат, Хамовники, Якиманка), где цена 1 м^2 жилья

выше, чем на востоке округа (*Приложение. Рисунок 1*). Центр города также обладает максимальной инвестиционной привлекательностью (*Приложение. Рисунок 2*). Дифференциация городских районов по данному показателю очень высока. Тогда как районы ЦАО и ряд непосредственно прилегающих к ним районов других округов притягивают крупные инвестиции, вложения капитала в остальные районы остаются на низком уровне. Исключение составляет район Капотня, где инвестиции обеспечиваются за счет Московского нефтеперерабатывающего завода, являющегося предприятием компании «Газпром нефть». Центр также является основным местом приложения труда: в нем сосредоточено максимальное количество рабочих мест, несмотря на невысокую плотность населения, особенно в его западной части (*Приложение. Рисунок 3*). Таким образом, центральные районы города аккумулируют большую часть экономического капитала.

По мере продвижения от центра к периферии объем экономического капитала постепенно снижается. При этом можно утверждать сохранение исторической тенденции противопоставленности западных и восточных районов. Недвижимость в западных и юго-западных районах Москвы в целом дороже, чем в восточных. Особенно выделяются районы вдоль Ленинского и Кутузовского проспектов (Гагаринский, Ломоносовский, Раменки и Дорогомиловский). Помимо более высоких цен на недвижимость западные районы отличаются более высокой концентрацией мест приложения труда. Это относится, в первую очередь, к районам, непосредственно прилегающих к ЦАО: Филевский парк, Дорогомиловский, Раменки, Гагаринский, Академический и близкие к нему Черемушки, Обручевский и Коньково, а также к районам, формально относящимся к Северному и Восточному административным округам, но географически примыкающим непосредственно, с одной стороны, к ЦАО, а с другой к ЮЗАО (Донской, Даниловсий) и СЗАО (Беговой и Хорошевский).

Административный капитал концентрируется в центральных районах города и прилегающих к ним районам на западе, юге и востоке столицы (*Приложение. Рисунок 4*). При этом все основные учреждения федерального уровня (Федераль-

ное Собрание, Правительство РФ, Министерства и судебная власть) располагаются в пределах центра.

Противопоставленность западных районов восточным проявляется в распределении культурного капитала. Доля горожан с высшим образованием и ученой степенью выше в центре и западных районах Москвы (*Приложение. Рисунок 5, Рисунок 6*). Там же располагается основная масса научно-образовательных учреждений (*Приложение. Рисунок 7*, *Рисунок 8*). На уровне школьного образования и детского творчества подобного рода тенденции отсутствуют: школы искусств, равно как и школы с высоким рейтингом, достаточно равномерно распределены в городском пространстве (*Приложение. Рисунок 9, Рисунок 10*). С точки зрения культурно-досуговых практик, основной культурный капитал концентрируется в центральных районах. Именно там сосредоточено большинство музеев и профессиональных театров, а также кинотеатров, являющихся более доступным и распространенным видом досуга (*Приложение. Рисунок 11*).

Природно-экологический капитал концентрируется в районах Новой Москвы, где расположены крупные лесопарковые зоны. Показатели загрязненности воздуха на этой территории также указывают на благоприятную экологическую обстановку (*Приложение. Рисунок 12*). Большая часть промышленных зон располагается на севере, юге и юго-востоке города. Расположенные в них предприятия являются одним из основных источников атмосферного загрязнения, что подтверждают данные измерительных станций. Другой источник –выбросы выхлопных газов автотранспорта. По данным портала «Яндекс. Пробки» движение автотранспорта наиболее интенсивно внутри Садового кольца, на Третьем кольце и на МКАД. Учитывая отсутствие крупных зеленых зон в пределах Садового кольца, центральные районы представляются территориями с минимальным уровнем экологического капитала.

Жилищный капитал, в основном, концентрируется в юго-западных районах города, включая прилегающие к МКАД территории Новой Москвы. Это районы с высоким уровнем жилищной обеспеченности и низкой долей ветхого и аварийно-

го жилья (*Приложение. Рисунок 13, Рисунок 14*). Самая низкая обеспеченность жильем характерна для районов Троицкого административного округа, а также для периферийных районов на юге Москвы. Ветхое и аварийное жилье локализовано, преимущественно, в восточной части города, а также в центральных районах.

Довольно сложно обнаружить четкие тенденции в распределении социального капитала в городском пространстве Москвы. Уровень обобщенного доверия, в целом, выше в центре, на западе и юго-западе города[202]. Центральные и западные районы также обладают большим потенциалом для развития социального капитала, так как сосредотачивают большое количество публичных мест, необходимых для его формирования. ВАО, ЮВАО и СВАО, наоборот, обладают низким потенциалом для формирования социального капитала в связи с небольшим количеством публичных мест (*Приложение. Рисунок 15*). Ситуацию усугубляет высокий уровень преступности: количество преступлений в этих округах выше, чем в среднем по Москве в ее старых границах[203], а количество наркопреступлений в ВАО и ЮВАО является самым высоким по Москве[204]. В Новой Москве наблюдается самый низкий уровень преступности, однако небольшое количество публичных мест и высокая доля мигрантов относительно местного населения негативно сказываются на развитии социального капитала (*Приложение. Рисунок 16*).

Можно выдвинуть предположение о том, что западные районы тяготеют к закрытому типу социального капитала, тогда как восточные и юго-восточные – к отрытому. Так, на западе Москвы выше количество ТСЖ, что подразумевает стремление жителей к самоуправлению и ориентации на собственные силы в ре-

---

[202] См.: Пузанов К., Степанцов П. Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Московский институт социально-культурных программ, 2016. 135 с.
[203] См.: Состояние преступности на территории г. Москвы за январь-декабрь 2016 года. Отчет Прокуратуры города Москвы. URL: http://www.mosproc.ru/statistics/ (дата обращения: 30 мая 2017 г.)
[204] См.: Карта наркопреступлений РФ. подпроект Атласа правосудия. URL: http://atlasjustice.com/drugmap/district.html#drugvaluechartbutton (дата обращения: 30 мая 2017 г.)

шении проблем благоустройства дома (*Приложение. Рисунок 17*). На востоке и юго-востоке количество ТСЖ меньше, но при этом жители больше вовлечены в участие в голосованиях на платформе «Активный гражданин», что свидетельствует об их ориентации на властные структуры при решении проблем. В то же время активность в интернет-голосовании не связывается с участием в более жестко институционализированных практиках, таких как выборы (*Приложение. Рисунок 18*).

Для создания типологии городских районов был проведен кластерный анализ методом k-средних с предварительной z-стандартизацией. В результате было выделено несколько групп районов, схожих по объему и содержанию различных видов капитала. Перед тем, как перейти к описанию получившихся кластеров, следует отметить два района, которые значительно выделяются в общей массе и не могут быть отнесены ни к одному из кластеров.

Первый из этих районов – Тверской. Он обладает большим объемом капитала практически всех видов. С точки зрения экономического капитала, в Тверском районе наблюдаются самые высокие цены на недвижимость и большой объем инвестиций в основной капитал организаций. Кроме того, в нем сосредоточено почти полмиллиона рабочих мест, что значительно больше, чем в любом другом районе Москвы, и составляет около трети всех рабочих мест в Центральном административном округе. При этом экономика района носит выраженный постиндустриальный характер, так как большая часть рабочих мест приходится на сферы услуг и управления. Аналогичным образом в Тверском районе аккумулируется и административный капитал: помимо обеих палат Федерального собрания и резиденции Президента РФ, здесь располагается ряд министерств РФ, а также мэрия и значительная доля департаментов Правительства Москвы. Район обладает довольно высоким уровнем культурного капитала. В частности, уровень образования его жителей значительно выше среднего; в районе расположено несколько вузов с высоким рейтингом; высоко число учреждений культуры и искусства. Функционируя, в первую очередь, в качестве делового и культурного

центра города, Тверской район характеризуется слабо развитым жилищным капиталом, что выражается в невысокой жилищной обеспеченности и сравнительно высокой доле ветхого жилья.

Второй район, не вошедший ни в один из кластеров, – Молжаниновский. Район расположен на северо-западе Москвы в непосредственной близости от аэропорта Шереметьево. Он практически исключен из общего городского пространства в связи с отсутствием на его территории станций метрополитена, а также из-за того, что на единственной границе, соединяющей его с остальной территорией города, расположено кладбище. По сути, единственной артерией, соединяющей район с городом, является Ленинградское шоссе. В пределах старой Москвы это самый малочисленный район с крайне низкой плотностью населения. С экономической точки зрения, данный район находится на среднем уровне, однако другие виды капитала развиты крайне слабо. В районе мало культурно-досуговых, образовательных и научных учреждений, жилищный фонд района не обеспечивает в полной мере потребностей небольшого населения, высока доля ветхого и аварийного жилья.

Далее опишем кластеры, выделившиеся в результате проведенного анализа (см. рис. 4).

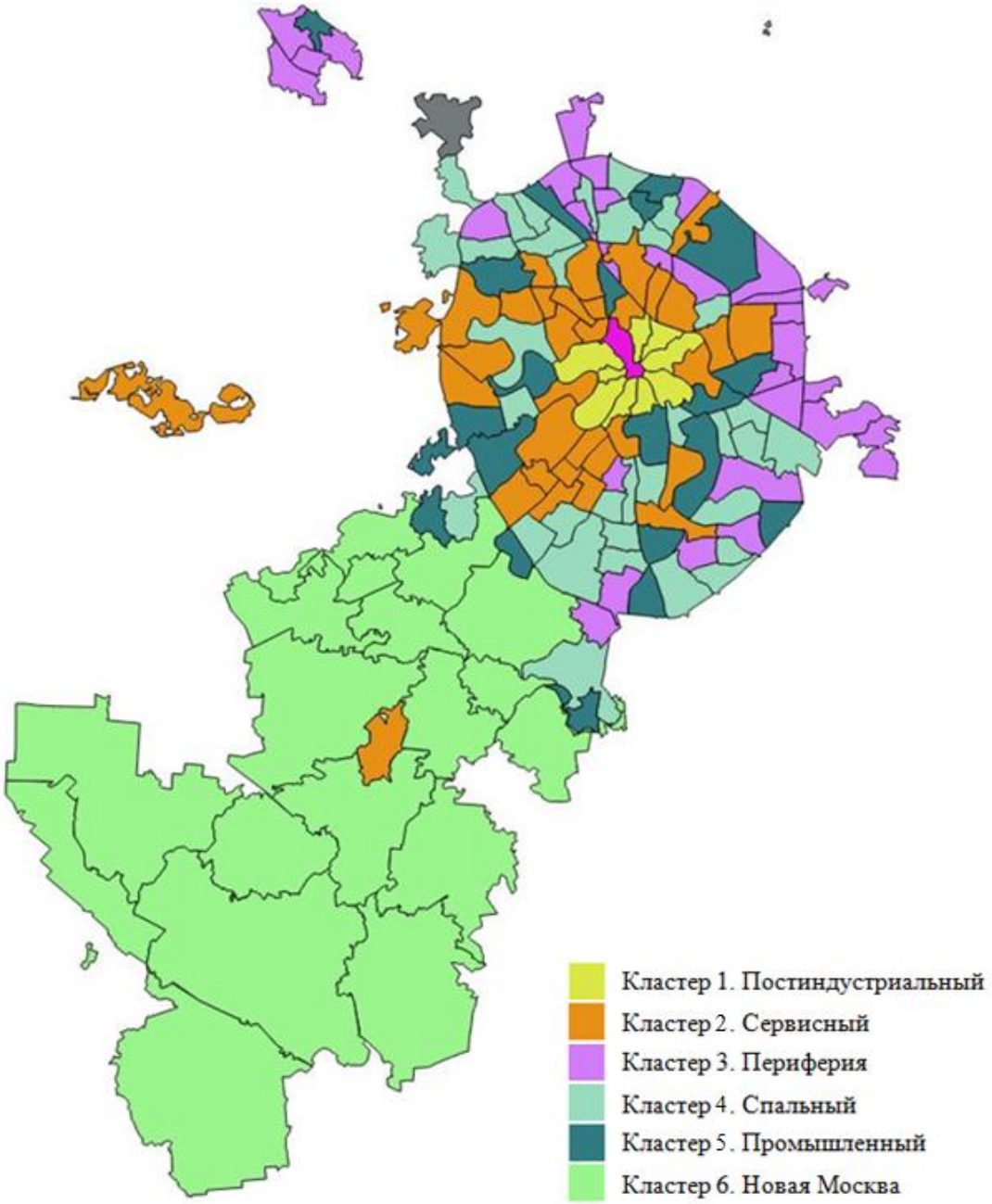

Рисунок 4. Кластеры в социально-территориальной структуре Москвы

Кластер 1. Постиндустриальный. Районы Красносельский, Мещанский, Замоскворечье, Якиманка, Пресненский, Басманный, Арбат, Таганский, Хамовники.

В отдельную группу можно объединить районы ЦАО (за исключением Тверского), характеризующиеся высоким уровнем развития капитала всех видов. В то же время внутри ЦАО существуют определенные тенденции к дифференциации районов. В частности, районы Красносельский, Мещанский, Замоскворечье и Якиманка можно рассматривать как деловой центр города. Эти районы характеризуются высоким уровнем инвестиций в основой капитал расположенных в них фирм, а также демонстрируют наиболее высокие показатели по количеству рабочих мест на 1000 жителей. При этом основная часть рабочих мест сосредоточена в сфере услуг, финансов и управления. В частности, в Мещанском районе доля рабочих мест в этих отраслях, составляет 91%. В других районах эта доля несколько меньше, но при этом превышает средний показатель по городу. Таким образом, высокое положение данных районов в городской структуре связывается с их экономической и деловой активностью. Районы Арбат и Хамовники, наоборот, представляют собой, скорее, культурно-досуговые зоны. С точки зрения интенсивности экономической активности эти районы располагаются в нижней части шкалы. Их престижность, выраженная через высокую стоимость жилья (стоимость одного $м^2$ жилой площади выше, чем в других районах ЦАО, за исключением Тверского), обусловлена культурным и социальным капиталом. В частности, в данных районах наблюдаются самые высокие показатели в ЦАО по численности жителей с высшим образованием, а в районе Арбат доля жителей с ученой степень является максимальной по Москве в целом. Социальный капитал этих районов также находится на высоком уровне. В частности, явка на выборах мэра Москвы в 2013 году была здесь самой высокой среди других районов ЦАО. Количество ТСЖ в Хамовниках является максимальным в городе (89 домов). В районе Арбата таких домов 34, но с учетом того, что Арбат является самым маленьким по площади территории районом Москвы (211 га), эта цифра представля-

ется значительной. Соответственно, можно утверждать, что жители исследуемых районов обладают высоким уровнем гражданской культуры и социального капитала.

Таким образом, первый кластер образуют центральные районы, аккумулирующие капитал всех видов и обладающие постиндустриальным характером за счет развитых сервисного и финансового секторов экономики.

Именно с этого кластера начинается превращение Москвы в глобальный город. Как будет видно из дальнейшего анализа, не все кластеры соответствуют понятию глобального города. Однако в постиндустриальном кластере выполняются функции глобального города, описанные С. Сассен. В частности, именно здесь расположена значительная часть головных офисов финансовых фирм и глобальных организаций, в том числе связанных с инновационным отраслями, такими как телекоммуникации и информационные технологии.

Превращению ЦАО в постиндустриальный кластер отчасти способствовала интенсивная джентрификация района. Начавшись в 1990-е годы, она привела к элитизации ЦАО и развитию офисно-деловых и торговых функций. При этом спецификой округа является не только высокая концентрация офисной недвижимости, но и ее структура. ЦАО характеризуется высокой долей офисов повышенной комфортности, аренда которых доступна только организациям с высокой прибылью.

Сравнивая полученные данные с результатами упоминавшегося выше исследования «Механика Москвы», можно отметить, что почти все районы этого кластера вошли в группу офисно-туристических территорий. Благодаря развитому капиталу эти районы привлекают жителей из других частей города, что вызывает дискомфорт у местных жителей, которые чувствуют нехватку пространств, где они могли бы проводить время с семьей и детьми.

Кластер 2. Сервисный. Районы Щукино, Останкинский, Строгино, Лефортово, Алексеевский, Тропарёво-Никулино, Дорогомилово, Сокол, Измайлово, Соколиная Гора, Донской, Марьина Роща, Проспект Вернадского, Раменки,

Тимирязевский, Москворечье-Сабурово, Аэропорт, Хорошёвский, Ярославский, Кунцево, Нагатинский Затон, Войковский, Крылатское, Савёловский, Обручевский, Черемушки, Сокольники, Беговой, Ломоносовский, городской округ Троицк.

Второй кластер отличается научно-образовательной направленностью. В нем можно выделить несколько групп районов, которые обладают большим научно-образовательным потенциалом и могут стать основой для развития постиндустриальной экономики города. Кластер аккумулирует 20,2% жителей и 25,8% рабочих мест, являясь, таким образом, местом приложения труда не только для жителей районов, входящих в кластер, но и для других горожан.

Первая группа районов располагается на юго-западе города и включает в себя районы вдоль Ленинского проспекта и Профсоюзной улицы. На этой территории сосредоточено множество научно-исследовательских организаций, в том числе относящихся к Российской академии наук. Большинство научно-исследовательских учреждений располагается в Гагаринском и Академическом районах. Здесь также находится несколько вузов, входящих в топ-100 рейтинга агентства RAEX (Эксперт РА). Кроме того, доля населения с высшим образованием и учеными степенями в этих районах гораздо выше среднего по Москве. Таким образом, эту группу районов можно рассматривать как потенциал для постиндустриального развития.

Другая группа районов второго кластера, обладающая научно-образовательным потенциалом, располагается на северо-западе Москвы. Ее ядро составляют три прилегающих друг к другу района: Сокол, Аэропорт и Хорошевский. Большой объем культурного капитала в этих районах обеспечивается за счет высокой доли горожан с высшим образованием и учеными степенями, а также за счет расположения в этих районах вузов с высоким рейтингом и научно-исследовательских учреждений, относящихся к РАН. Окружающие этот кластер районы также аккумулируют культурный капитал. В частности, уровень образования в СЗАО и западной части САО выше, чем в среднем по Москве.

Потенциалом для развития научно-образовательного капитала обладает несколько районов на востоке города. К ним относятся территории, прилегающие к Басманному и Красносельскому районам ЦАО, жители которых обладают высоким уровнем образования, но при этом концентрация горожан с учеными степенями ниже, чем в рассмотренных выше группах. В то же время в этих районах располагается ряд научно-образовательных учреждений.

В целом, доля рабочих мест в образовании превышает средний показатель по Москве в 16 районах кластера, а научно-образовательные учреждения располагаются практически во всех его районах. Некоторые районы, входящие в кластер, в меньшей степени ассоциированы с научно-образовательной сферой. Тем не менее, их принадлежность ко второму кластеру обосновывается высоким уровнем образования их жителей, а также сервисным характером их экономики, где основная доля рабочих мест концентрируется в сфере услуг, торговли или финансов.

С точки зрения социального капитала рассматриваемый кластер также обладает значительным потенциалом. Уровень гражданской культуры, измеряемый в рамках данного исследования через участие в выборах и вовлеченность в институционализированные практики управления совместной собственностью, находится на среднемосковском уровне.

Таким образом, районы второго кластера наравне с центральными районами города представляются основой для развития экономики постиндустриального типа и инновационной деятельности. Данный кластер также связывается с развитием Москвы как глобального города. Как показано в первой главе, среди функций глобальных городов С. Сассен выделяет производство и потребление инноваций. Именно эти функции и выполняют районы четвертого кластера. Так, например, на их территории находится почти половина всех существующих в

Москве технопарков[205], которые представляют собой территории, специально созданные для ведения научно-производственной и инновационной деятельности.

Можно утверждать, что процесс становления Москвы как глобального города связывается, в первую очередь, с районами первого и второго кластеров, которые обеспечивают развитие четвертичного сектора экономики и переход в постиндустриальную эпоху.

Кластер 3. Периферия. Районы Восточный, Восточное Измайлово, Ростокино, Вешняки, Марфино, Ивановское, Новогиреево, Лосиноостровский, Богородское, Косино-Ухтомский, Котловка, Лианозово, Северное Измайлово, Новокосино, Орехово-Борисово Северное, Северный, Северное Бутово, Некрасовка, Северное Тушино, Гольяново, Чертаново Южное, Братеево, Люблино, Дмитровский, Бескудниковский, Алтуфьевский, а также почти все районы города Зеленоград (Савёлки, Силино, Старое Крюково, Крюково).

В третий кластер входят районы, расположенные, преимущественно, на границах Москвы. При этом большая их часть находится на востоке города. Особенностью данного кластера является то, что принадлежащие к нему районы практически не обладают капиталом. Инвестиционная привлекательность этих территорий низка, объем инвестиций в основной капитал фирм не превышает среднего по Москве. При высокой плотности населения в большинстве рассматриваемых районов наблюдается нехватка мест приложения труда. Если среднее количество рабочих мест на 1000 человек населения в Москве составляет 306 мест, то в третьем кластере это значение находится в пределах от 4 до 211 со средним по кластеру 49. В районах кластера проживает 21,2% населения города, но при этом здесь сосредоточено лишь 3,4% рабочих мест. Кроме того, значительная часть рабочих мест сосредоточена в сферах строительства и недвижимости, что, во-первых, свидетельствует об активной застройке районов этого

---

[205] См. Инвестиционный портал Правительства Москвы. URL: https://investmoscow.ru/ (дата обращения: 01.10.2017).

кластера, а во-вторых, указывает на неразвитость экономического профиля района как в сфере промышленности, так и в сфере услуг.

Районы третьего кластера обладают также низким уровнем культурного и социального капитала. Нехватка культурно-досуговых и научно-образовательных учреждений сопровождается слабой развитостью человеческого капитала, выраженного через образовательный уровень жителей кластера. Так, доля жителей с высшим образованием не превышает среднего по Москве в ее старых границах, тогда как доля жителей со средним образованием выше, чем в по Москве в целом.

Интенсификация жилой застройки при существующей низкой цене на недвижимость в данном кластере может привести к деградации городской среды и возникновению сегрегированных территорий, на которых проживают наименее образованные и квалифицированные слои населения, не имеющие возможности приобрести жилье в других районах с большим уровнем экономического и культурного капитала. При этом развитие городской территории в данном кластере требует обязательного государственного участия в связи с невысоким уровнем социального капитала. О слабой солидарности жителей районов, входящих в третий кластер, свидетельствуют низкий уровень обобщенного доверия и слабая вовлеченность в институционализированные практики управления совместной собственностью.

Кластер 4. Спальные районы. Районы Южное Бутово, Выхино-Жулебино, Отрадное, Хорошёво-Мнёвники, Митино, Коньково, Бирюлёво Восточное, Бибирево, Ясенево, Зюзино, Коптево, Орехово-Борисово Южное, Тёплый Стан, Рязанский, Кузьминки, Солнцево, Нагатино-Садовники, Фили-Давыдково, Чертаново Центральное, Свиблово, Нагорный, Южнопортовый, Южное Тушино, Преображенское, Зябликово, Чертаново Северное, Левобережный, Ховрино, Куркино, Восточное Дегунино, Бабушкинский, Головинский, Марьино, Текстильщики.

Спальные районы обладают невысоким уровнем экономического капитала и характеризуются низкой инвестиционной привлекательностью. Обладая, в среднем, довольно высокой плотностью населения, эти районы концентрируют не-

большую долю мест приложения труда. Аккумулируя 35% населения города, они сосредотачивают лишь 9,2% рабочих мест. От периферийных районов третьего кластера их отличает более высокая стоимость жилья, а также характер их экономики с преобладающей торговой сферой. Именно в торговле сосредоточена основная доля рабочих мест кластера.

При сохранении существующих тенденций развития социально-территориальной структуры города различия между первым и вторым кластером, с одной стороны, и третьим и четвертым, с другой стороны, могут усилиться, что приведет к обострению социального неравенства. Используя терминологию М. Кастельса, можно предположить возникновение риска эксклюзии районов третьего и четвертого кластеров из глобальных сетей в результате отсутствия связи пространства потоков с пространством мест. Это, в свою очередь, может привести к фрагментации городского пространства и формированию сегрегированных территорий. При этом новые формы сегрегации необязательно будут связаны с общим упадком территории, обветшалостью зданий и отсутствием элементарной инфраструктуры в виде школ, детских садов, поликлиник и пр. Сегрегация нового типа заключается в исключенности и изолированности районов из общегородского пространства. Ассоциированная с ней форма социального неравенства является пространственной и выражается в том, что для жителей сегрегированных районов ограничен доступ к территориям богатым капиталом различных видов в силу неразвитости дорожной сети и удаленности районов.

Следует при этом отметить, что принадлежность района к спальному или периферийному не предполагает низкое качество городской среды. Сравнивая полученные данные с результатами исследования «Механика Москвы», можно сделать вывод о том, что в значительной части районов этих кластеров удовлетворенность жителей такими параметрами как здравоохранение, образование, жилищные условия и др. довольно высока. Наличие развитой транспортной инфраструктуры в ряде районов обеспечивает их связность с центром, в результате чего жители не страдают от отсутствия досуговой инфраструктуры. В другой

группе районов, согласно исследованию «Механика Москвы», проживает значительное количество семей с детьми, которые удовлетворены досуговой инфраструктурой в виде парков и ТРЦ и которые могут практически не покидать своих районов.

Кластер 5. Промышленный. Бутырский, Даниловский, Можайский, Нижегородский, Бирюлёво Западное, Западное Дегунино, Капотня, Метрогородок, Ново-Переделкино, Очаково-Матвеевское, Перово, Печатники, Покровское-Стрешнево, Северное Медведково, Филёвский Парк, Царицыно, Южное Медведково, Матушкино, поселение «Мосрентген» и городской округ Щербинка.

Пятый кластер составляют районы, которые можно отнести к индустриальным. С точки зрения экономического капитала их объединяет, в первую очередь, высокая доля рабочих мест в промышленности (от 27% до 74% при среднем показателе по Москве составляющем 12%). Действительно, в этих районах расположены основные промышленные зоны Москвы, во многих из которых до сих пор располагаются активно действующие предприятия *(таблица 2)*. В то же время следует отметить слабую привлекательность данных районов с точки зрения инвестиций. За исключением четырех районов (Капотня, Даниловский, Можайский, Нижегородский) объем инвестиций в основной капитал фирм, расположенных на их территориях, находится ниже среднего по Москве.

Таблица 2. Список промзон Москвы, находящихся в районах пятого кластера, с указанием специализации

№ и наименование промзоны	Район	Специализация
Промзона №11 «Огородный проезд»	Бутырский	Машиностроение, пищевая промышленность, деревообрабатывающая промышленность, стекольное производство
Промзона №1 «Павелецкая» Промзона №27 «ЗИЛ»	Даниловский	Машиностроение
Промзона №37 «Очаково»	Можайский	ТЭЦ, машиностроение, промышленность строительных материалов, пищевая промышленность
	Очаково-Матвеевское	
Промзона №25 «Волгоградский	Нижегородский	ТЭЦ, машиностроение, пищевая

проспект»		промышленность
Промзона №28а «Бирюлево»	Бирюлёво Западное	ТЭЦ, промышленность строительных материалов
Промзона №48 «Дегунино-Лихоборы»	Западное Дегунино	Машиностроение
Промзона №59 «Капотня»	Капотня	Нефтеперерабатывающее производство
Промзона №53 «Калошино»	Метрогородок	ТЭЦ, машиностроение, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, деревообработка
РТС «Переделкино»	Ново-Переделкино	РТС
Промзона №22 «Соколиная гора» Промзона №54 «Прожектор»	Перово	ТЭЦ, машиностроение, химическая промышленность, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, деревообработка
Промзона №26 «Южный порт» Промзона №57 «Курьяново»	Печатники	Химическая промышленность, станции аэрации, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, деревообработка
Промзона №43 «Трикотажная»	Покровское-Стрешнево	Машиностроение, промышленность строительных материалов
Промзона №51 «Медведково»	Северное Медведково	Лёгкая, пищевая промышленность, машиностроении
	Южное Медведково	
Промзона №40 «Фили»	Филёвский Парк	Ракетостроение
Промзона №32 «Котляково»	Царицыно	Пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, легкая промышленность
Северная промзона	Матушкино	Машиностроение

Сегодня общая площадь производственных территорий, которые располагаются, преимущественно, в срединной части города, то есть на бывших индустриальных окраинах, составляет около 19 тыс. га[206]. Большая их часть сосредоточена в Юго-Восточном, Южном и Восточном административных округах.

[206] См.: Обоснование выбранного варианта размещения объектов федерального, регионального значения города Москвы с оценкой их влияния на комплексное развитие территории города [Электронный ресурс]: М.: Институт Генплана, 2017.
URL: http://genplanmos.ru/project/generalnyy_plan_moskvy_do_2035_goda/ (дата обращения: 30 мая 2017)

Однако промышленные объекты занимают лишь чуть более половины территории промышленных зон, что позволяет рассматривать их в качестве земельного резерва города и основных площадок для создания технополисов. Выбранный курс развития Москвы предполагает переход к постиндустриальной экономике и постепенное сокращение рабочих мест в промышленности. Акцент в экономической политике будет сделан на развитие высокотехнологичных и экологически чистых производств.

Можно предположить, что это негативно скажется на районах пятого кластера, где число мест приложения труда не соответствует численности трудоспособного населения. Проблема связывается также с недостаточностью культурного капитала в этих районах. Карты распределения жителей с разным уровнем образования свидетельствуют о том, что уровень образования жителей пятого кластера, в целом, ниже среднего по Москве в старых границах. Это служит дополнительным препятствием для развития экономики постиндустриального типа, так как она основана, в первую очередь, на знании и высоких технологиях. Однако в районах пятого кластера практически отсутствуют научно-образовательные учреждения, которые могли бы стать ядром для формирования технополисов. Соответственно, их развитие потребует дополнительных ресурсов и инвестиций со стороны городского правительства или частных девелоперов.

На сегодняшний день реновация промзон, находящихся в срединной части города, предполагает смену их функций с промышленной на административную с элементами жилой застройки. Подобного рода проекты реализуются, например, на территории бывшего завода «ЗиЛ» в Даниловском районе. В то же время реновация ряда расположенных на окраинах города промзон предполагает их интенсификацию и размещение новых производств.

Наличие промышленных производств обуславливает экологические проблемы в районах пятого кластера. Карта загрязненности воздуха по показателю оксида углерода демонстрирует средний уровень загрязненности в большинстве рассматриваемых районов. Невозможность анализа данных по всем районам пя-

того кластера связана с отсутствием измерительных станций во всех исследуемых районах.

Районы, вошедшие в промышленный кластер, были отнесены авторами исследования «Механика Москвы» либо к группе периферийных районов, либо к территориям потенциальных изменений. Для периферийных районов характерны проблемы в социально-досуговой сфере, низкие показатели транспортной связности и низкое качество городской среды в целом. Территории потенциальных изменений – это наиболее перспективные с точки зрения развития территории, где меры, направленные на развитие культурных, досуговых и рекреационных возможностей, будут востребованы местными жителями. Таким образом, подтверждается вывод о том, что промышленный кластер рассматривается в качестве земельного ресурса города, а развитие этих территорий улучшит качество жизни их жителей.

Кластер 6. Новая Москва. Районы НАО и ТАО, за исключением городских округов Троицк и Щербинка и поселения «Мосрентген».

Районы Новой Москвы составляют отдельный кластер, так как кардинально отличаются от других районов города. Новая Москва представляет собой слабо урбанизированную территорию с крайне низкой плотностью населения, характерной, скорее, для сельской местности. Наибольшая доля рабочих мест сосредоточена в торговле и сфере услуг, однако их небольшое количество предполагает, что жители Новой Москвы вынуждены искать работу в старых границах города. Другие виды капитала также слабо развиты. В Новой Москве практически отсутствуют научно-образовательные центры, а общий уровень образования ее жителей ниже среднемосковского. Наблюдается также нехватка культурно-досуговых учреждений, даже столь распространенных в Москве кинотеатров. Территория Новой Москвы обладает слабым потенциалом для развития социального капитала. С одной стороны, она представляет собой соседскую территорию с характерными для сельской местности возможностями формирования социального капитала. Его развитию способствует также низкий уровень преступности в Новой Москве. С

другой стороны, отсутствие публичных мест и институционализированных практик самоуправления в условиях интенсификации многоэтажной застройки создает трудности для его поддержания в условиях городской среды. В частности, в Новой Москве практически отсутствуют ТСЖ, а использование платформы «Активной гражданин» еще не приобрело того же масштаба, что и в «старой» Москве. Некоторые риски для формирования социального капитала представляют и миграционные потоки. В связи с низкой стоимостью жилья Новая Москва привлекает как внутренних, так и внешних мигрантов. Несмотря на то, что абсолютное количество приезжих в Новой Москве не так велико, в расчете на 1000 человек населения их доля представляется заметной для местных жителей. Это особенно видно в ТАО, который территориально находится дальше от «старой» Москвы.

Жилищный капитал в Новой Москве распределен неравномерно. Новомосковский административный округ обладает развитым жилищным капиталом, что обеспечивается низкой плотностью населения и близостью к старой Москве, которая делает этот округ более привлекательным для горожан, чем Троицкий. Соответственно, строительство нового жилья в нем идет активнее: за 2013-2015 годы в НАО было построено 92 жилых дома, а в ТАО только 50[207].

Возможно, наиболее ценным капиталом Новой Москвы является экологический. Специфика территории предполагает наличие крупных лесопарковых зон, которые могут стать центром притяжения для горожан при развитии соответствующей инфраструктуры.

Символический капитал также является важным фактором дифференциации городского пространства. Его распределение в городском пространстве можно оценить через анализ ментальных карт. Прежде, чем перейти к описанию полученных результатов, следует сделать несколько общих замечаний.

---

[207] Официальный сайт Комплекса Градостроительной политики и строительства города Москвы. URL: https://stroi.mos.ru/ (дата обращения: 21.05.2017)

Предложенное респондентам задание было сформулировано таким образом, что они сами выбирали те места, которые будут рисовать. Соответственно, они изображали места, которые были лично значимы для них, обладали некоторым субъективным значением. Соответственно, на картах были представлены элементы городской среды с разной степенью локализации: одни респонденты изобразили Москву целиком или ее центр, тогда как другие сосредоточились на отдельных элементах города, не связанных в структуру, или на районе своего проживания.

Применяя методику, предложенную К. Линчем к анализу карт, рассмотрим основные элементы: пути, границы, районы, узлы, ориентиры.

На большей части собранных ментальных карт отсутствует четко очерченная внешняя граница города. На 10 рисунках представлена Московская кольцевая автодорога, которую можно воспринимать как основную границу в связи с тем, что за ее пределами редко изображаются какие-либо объекты. В то же время, Новая Москвы получила отражение только на двух картах, что говорит о ее слабой встроенности в городское пространство в сознании горожан. На изображавших ее картах был только обозначен ее контур без детализации. Немного более явной уже внутренней границей является Садовое кольцо, изображенное половиной всех респондентов. Оно представлено или в виде автодороги, или кольцом метрополитена. Именно границы Садового кольца в сознании респондентов определяют городской центр. Таким образом, кольцевая структура города сохраняет первостепенное значение.

Изображаемые респондентами пути сводятся к следующим коммуникациям: Москва-река, метрополитен, автодороги. Отображенная на трети всех рисунков Москва-река обладает слабым уровнем встроенности в городскую структуру. Стремясь достоверно отразить реальность, респонденты изображают ее на своих рисунках, но редко привязывают к ней какие-то конкретные объекты и другие элементы среды.

В качестве путей метрополитен представлен на одной трети всех собранных карт. Для изобразивших его респондентов метро является основным способом пе-

редвижения по городу и, соответственно, главным способом ориентирования в городском пространстве. Конкретные станции метрополитена связываются с теми объектами, что находятся на поверхности.

Почти две трети респондентов изобразили автодороги на своих картах. Однако по большей части они представлены не в качестве структурированной дорожной сети, а в виде отдельных магистралей, используемых респондентами для передвижения от места их жительства, до места учебы, работы или других значимых для них мест. Тем не менее, на наиболее структурированных картах, то есть тех, где Москва изображена в виде схемы, наиболее приближенной к реальной географической карте, четко видна укорененность радиально-кольцевой структуры в сознании респондентов: наиболее изображаемыми путями становятся разного уровня «кольца» и основные крупные магистрали.

Основными узлами города являются станции метро: такую роль они играют на 19 картах. Конкретные станции ассоциируются с находящимися на поверхности объектами, но при этом респонденты предпочитают изображать именно станции, а не сами объекты. Основной причиной, на наш взгляд, является значимость метрополитена как одного из основных ориентиров в городской среде. К узлам следует также отнести железнодорожные вокзалы и аэропорты. Они нашли свое отражение на 5 ментальных картах. Важно отметить, что эти карты, в основном, принадлежат тем студентам, для которых Москва не является родным городом. Таким образом, эти объекты представляют некоторую символическую связь с домом.

Районы практически не были представлены на созданных студентами ментальных картах. Исключение составляют две карты с обозначенными границами районов проживания респондентов в пределах Москвы, а также карты с изображениями исключительно районов проживания. Отсутствие районов на ментальных картах, на наш взгляд, говорит о том, что они не структурируют городское пространство. Его связность обеспечивается, в первую очередь, за счет путей, а не районов.

В ментальных картах слабо представлены и ориентиры, что говорит о том, что студенты в большей степени опираются на пути и узлы при создании образа города. В то же время на ряде карт в качестве ориентиров выступают знаковые городские достопримечательности: от Большого театра до памятников А.С. Пушкину, Г.К. Жукову и князю Владимиру. В изображениях с высокой степенью локализации появляются и другие ориентиры: вывески магазинов, парковки, остановки общественного транспорта, фонарные столбы.

Переходя к анализу распределения символического капитала, следует сразу отметить, что наибольшим символическим значением обладает центр города. Именно он изображен на картах с высокой степенью детализации и указанием множества культурно значимых объектов. Другие районы города зачастую не отражены вообще или изображены крайне схематично с использованием основных ориентиров в виде названий станций метро или знаковых городских объектов, размещенных в этих районах (например, парк, ВДНХ, Москва-Сити и др.). Исключение составляют районы, в которых респонденты учатся или живут, а также карты, изображающие исключительно районы проживания, которые респондент прорисовывают более подробно. Высокая символическая значимость центра и слабая символическая значимость периферии, за исключением отдельных наиболее знаковых мест, связывается с моноцентричной структурой города и низкой развитостью культурного и досугового капитала окраин. Городская активность респондентов практически не связывается с окраинными районами, если они не являются районами их проживания или учебы.

Рассмотрим некоторые виды капитала, которые получили символическое выражение на ментальных картах студентов.

На некоторых рисунках так или иначе выражен властный или административный капитал. Это проявляется в изображениях Кремля, как правило, в центре карты. Таким образом подчеркивается столичный статус города, четко фиксируется его центр и выделяется основная культурная достопримечательность города (Кремль или Красная площадь так или иначе отображены на 24 рисунках). В этом

смысле административный капитал сливается с культурным. В то же время на четырех рисунках власть получила четкое персонифицированное выражение в виде изображения Президента РФ внутри Кремля или указания его фамилии рядом с Кремлем. Вместе с тем, другие органы власти, как федерального, так и московского уровней, не получили никакого символического выражения на ментальных картах студентов. Таким образом, можно утверждать, что административный капитал города связывается, во-первых, с культурно-исторической составляющей, то есть представлением о Кремле и Красной площади как основных достопримечательностях города, во-вторых, со столичным статусом города, в-третьих, с личностью Президента РФ и его официальной резиденцией.

Природный капитал находит свое символическое выражение, в первую очередь, в изображениях Москвы-реки и городских парков и лесопарков. Так, река отображена на трети всех представленных ментальных карт. Среди парковых зон выделяются Сокольники, Царицыно, Коломенское, парк Горького, парк Победы, Измайловский парк, парк Лосиный остров, природный заказник Воробьевы горы, Музеон, Ботанический сад. Все они были отображены на части ментальных карт. В то же время некоторыми студентами были отмечены экологические проблемы города, связанные с загрязненностью воздуха.

Интересно отметить, что индустриальный капитал не получил никакого отображения на ментальных картах студентов. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что Москва представляется респондентам городом с сервисной экономикой. Косвенно об этом свидетельствуют и изображения Москва-Сити, являющиеся символическим воплощением финансового и экономического капитала, а также деловой активности. Так или иначе, Московский международный деловой центр «Москва-Сити» отражен на 12 картах.

Культурный капитал был символически представлен в виде изображений театров, музеев, выставочных и концертных залов, храмов и других исторических памятников, большая часть которых, по мнению респондентов, сосредоточена в центральных районах города. Культурный капитал дополняется досуговым, кото-

рый нашел свое выражение в изображении торгово-развлекательных центров, ресторанов, парков.

Что касается жилищного капитала, то он символически выражается, в первую очередь, в характерных чертах застройки. Студенты изображали на своих картах однотипные дома средней этажности, указывая на однообразие и «бесконечность» такой застройки в спальных районах.

Таким образом, практически все рассматриваемые виды капитала получили свое выражение в ментальных картах Москвы.

Что касается социально-территориальной структуры, то она слабо выразила себя на спонтанном уровне. Помимо престижности и символической значимости центра, спонтанные ментальных карты респондентов не выявили дифференциации районов по какому-либо основанию, что косвенно свидетельствует о слабой стратификации городского пространства. По крайней мере, на спонтанном уровне районы, находящиеся за пределами центра, воспринимаются как относительно однородные и схожие между собой по социальному составу.

Некоторые тенденции проявляются при анализе ментальных карт распределения капитала, созданных респондентами на втором этапе исследования.

Довольно четко можно обозначить образ центра в представлении студентов. Во-первых, это место концентрации экономического капитала. Именно в центре, по их мнению, проживают люди с самыми высокими доходами. Во-вторых, все респонденты указали, что в центре проживают наиболее образованные люди, что делает центр города сосредоточием культурного капитала. В-третьих, культурный капитал дополняется досуговым. Тогда как на спонтанных ментальных картах студенты изображали парки, сады, выставочные залы, торгово-развлекательные центры за пределами городского центра, на картах распределения капитала места проведения досуга концентрируются, в первую очередь, в центральных районах. В-четвертых, центр видится респондентам одним из самых безопасных районов города с низким уровнем преступности. В-пятых, центр и близлежащие районы рассматриваются как территории с наиболее комфортабельным и благоустроен-

ным жильем. В то же время центр предстает наиболее загрязненным с точки зрения экологии районом, что, вероятно, ввязывается с высокой интенсивностью движения транспортного потока.

Городские окраины, наоборот, видятся респондентам наименее привлекательными. В них, равно как и в Новой Москве, наблюдается наименьшая концентрация экономического капитала. В сознании респондентов окраины города представляют собой наиболее «бедные» места, застроенные наименее комфортабельным жильем. При этом стирается грань между городской окраиной и ближайшим Подмосковьем.

В то же время следует отметить, что периферийные районы дифференцируется в сознании студентов на менее и более благополучные. Так, например, северо-западные, западные и юго-западные окраинные районы в представлении респондентов концентрируют больше экономического капитала, чем другие периферийные территории, что отражает действительное распределение цен на рынке недвижимости. Кроме того, несмотря на то, что городские окраины представляются студентам территориями с наименее образованными населением, юго-западные районы обладают в сознании студентов бóльшим объемом культурного капитала, что связывается, в первую очередь, с расположением в этой части Москвы МГУ им. М.В. Ломоносова, занимающего довольно обширную территорию и являющегося одним из знаковых объектов городского пространства, отмеченного на спонтанных ментальных картах большим числом респондентов, а также с расположением университета, в котором учатся обследуемые студенты. В то же время следует отметить, что северо-западные районы, обладающие высокой долей жителей с высшим образованием, не были отражены на ментальных картах распределения капитала.

Таким образом, противопоставленность восточных районов западным довольно четко отражается в представлениях студентов. В частности, западные районы представляются респондентам более безопасными. Отвечая на вопрос об уровне преступности, бóльшая часть ответивших отметила, что самый высокий

уровень преступности наблюдается на восточной, южной и северной окраинах города, тогда как западные районы представляются менее опасными, но все же не такими безопасными, как центр города. В этом смысле результаты нашего исследования подтверждают выводы исследования «Механика Москвы». С объективной точки зрения центральные районы не являются самыми безопасными, однако они представляются таковыми жителям города.

Срединные и окраинные восточные, северо-восточные и юго-восточные районы представляются также местами концентрации промышленных зон, которые, по мнению респондентов, практически отсутствуют в западных районах.

Западные и юго-западные районы, в целом, являются более благополучными. В представлении респондентов они характеризуются благоприятной экологической обстановкой, более комфортабельным жильем и более удобны с точки зрения проживания с детьми.

Подводя итог анализу ментальных карт, можно сделать следующие выводы. На спонтанном уровне единственным отражением социально-территориальной структуры города в сознании его жителей является символическая значимость центра, оформленного в границах Садового кольца. Центр является сосредоточием культурного и административного капитала, а также досуговых практик. Престижность центра сохраняет свое значение и при более глубоком изучении. В то же время возникает и дифференциация окраинных и срединных районов города, выраженная в противопоставленности западных районов как более благополучных восточным и южным как менее благополучным. Данная противопоставленность появляется в представлении о распределении культурного капитала, выраженного в форме образования, социального капитала, выраженного через уровень преступности, и экологического капитала, проявляющегося через представления об уровне загрязнения окружающей среды и расположения промышленных зон.

Выводы по второй главе

1. Москва обладает гибридной пространственной структурой, которая является результатом длительного исторического становления города и отражает особенности досоветского, советского и постсоветского периодов развития. Некоторые тенденции, которые проявились в городском пространстве на самом раннем этапе развития, сохраняются и сегодня. Одна из таких тенденций – противопоставленность восточных районов как менее престижных западным как более престижным – возникла со строительством Кремля и Китай-города и проявила себя в полукольце Белого города, а затем и в кольце Земляного города, сохранялась на протяжении всего досоветского периода. Несмотря на стремление советских градостроителей сформировать однородное городское пространство, неравенство западных и восточных районов не было полностью нивелировано.

2. Стремление превратить Москву в образцовый социалистический город являлось главной целью градостроителей, которой были подчинены основные структурные изменения городского пространства в советский период. Сегодня Москва обладает чертами, свойственными постсоциалистическим городам Восточной Европы: характерный паттерн плотности расселения; однородность расселение; отсутствие жестко дифференцированных и сегрегированных территорий; наличие промышленных зон в срединной части города.

3. Коммунистическая идеология оказала значительное влияние на трансформации городской структуры. В частности, формирование городской среды, обеспечивающей равные жилищные условия и равный доступ к общественным благам, стало одной из основных задач советских градостроителей. Это привело, в частности, к установлению социально однородного городского пространства и развитию и применению концепции микрорайона как принципа застройки жилых территорий.

4. Активно развивающаяся Московская агломерация включает в себя Москву как центральный город и множество городов-спутников, относящихся к Московской области. Риски и уязвимости неконтролируемого роста Московской

агломерации требуют четкого формулирования концепции ее дальнейшего развития. Попытка создания такой концепции осуществлена в рамках стратегии развития Новой Москвы. Опираясь на принципы устойчивого развития, нового урбанизма и умного роста, данная концепция предполагает преодоление моноцентричного развития Московской агломерации и создание многофункциональных центров, которые возьмут на себя ряд функций центральных московских районов.

5. Стратегия полицентричного развития Новой Москвы обладает рядом достоинств, но в то же время несет в себе новые риски для социально-территориальной структуры города. Эти риски связаны с потерей центральными районами доминирующего положения. Результатом может стать утрата ими некоторых экономических, культурных, социальных и символических функций, что может привести к их деградации. Полицентричность также вызывает риски геттоизации и сегрегации. Вокруг новых центров притяжения могут появиться транзитные зоны, населенные наиболее маргинализованными социальными группами. В то же время районы, которым не удастся сформировать вокруг себя центры притяжения, могут превратиться в геттоизированные пространства, наименее привлекательные как для жителей, так и для инвесторов. Это может привести к появлению новой пространственной формы социального неравенства и сегрегированных территорий.

6. В результате применения предложенного исследовательского подхода к анализу социально-территориальной структуры Москвы городские районы были сформированы в шесть кластеров: постиндустриальный, сервисный, промышленный, спальный, периферия, Новая Москва. Кластеры различаются по объему и степени развития капитала различного вида: экономического, административного, культурного, природно-экологического, жилищного и социального. Показано, что постиндустриальный и сервисный кластеры связаны со становлением Москвы как глобального города, так как именно эти территории выполняют ряд важных функций: являются штаб-квартирами транснациональных корпораций и междуна-

родных организаций, а также основными центрами производства инноваций. В то же время для спальных районов и периферии растут риски эксклюзии из глобального городского пространства и появления новых типов сегрегации. Промышленный кластер обладает большим потенциалом развития в связи с наличием большого земельного резерва. Кластер Новой Москвы, скорее, приближен к сельскому типу поселения, нежели к городскому и в сознании горожан исключен из общегородского пространства. Сохранение текущих тенденций развития приведет к усилению пространственной дифференциации города.

Заключение

В диссертационном исследовании предлагается новая методология исследования социально-территориальной структуры города, в основе которого лежит теория капитала. Исследовательский подход предполагает выделение эмпирических показателей, позволяющих измерить объем капитала разных видов, которым обладает изучаемая территория. Возможность адаптации этих показателей к специфике конкретного города дает возможность применения данной методологии ко множеству городов России и постсоветского пространства.

Статистический анализ дополнен методами социального картирования, которые дают возможность визуализироваться полученные статистические данные. Использование социально-статистического и социально-антропологического подходов позволяет рассмотреть изучаемый феномен как на объективном, так и на субъективном уровне.

Предложенный подход был также дополнен историческим анализом территориально-пространственной структуры с момента основания Москвы, необходимым для понимания преемственности пространственной организации.

Проведенный анализ позволили выделить в пространстве Москвы шесть кластеров, объединяющих районы, обладающие схожим объемом капитала разных видов: постиндустриальный, сервисный, промышленный, спальный, периферия, Новая Москва.

Проведенный в диссертации анализ показал, что городское пространство Москвы до сих пор слабо дифференцировано. На сегодняшний день в социально-территориальной структуре города не существует жестко сегрегированных территорий. Подобная ситуация является результатом развития города в советский период, когда политика городских властей была направлена на создание идеального социалистического города и формирование социально однородного пространства.

В то же время можно выделить некоторые тенденции, усиление которых приведет к более жестко стратифицированной городской структуре. Одной из таких тенденций является сохраняющаяся противопоставленность западных и восточных районов. В целом, западные районы обладают более высоким уровнем капитала всех видов. Присоединение территорий Новой Москвы и интенсивное развитие города в западном направлении приведет к усугублению этой тенденции и увеличению разрыва между западом и востоком.

Социально-территориальная структура Москвы обладает ярко выраженным моноцентричным характером. Центральные районы аккумулируют большую часть всех видов капитала и являются основным местом приложения труда. В то же время ряд территорий обладает потенциалом для формирования новых центров притяжения. На наш взгляд, к данным территориям относятся, в первую очередь, районы второго кластера, обладающие развитым культурным капиталом и сервисной экономикой. В этих районах есть много возможностей для создания новых рабочих мест в сервисном секторе, торговле, а также в научно-образовательном секторе. Районы пятого кластера обладают потенциалом для развития инновационной деятельности и постиндустриального характера московской экономики. На наш взгляд, децентрализация является одним из приоритетных направлений развития города, так как появление новых центров вне Садового кольца не только разгрузит центральные районы, но и будет способствовать накоплению и развития капитала различного вида в спальных и периферийных районах.

На данный момент нельзя утверждать, что Москва является глобальным гордом в терминах С. Сассен. С нашей точки зрения, глобальным характером обладают лишь центральные районы города, аккумулирующие основной объем капитала являющиеся деловым и финансовым центром. Исследователи отмечают, что основной функцией Москвы как глобального города в европейском простран-

стве является поддержание связи между Центральной и Восточной Европой и Россией[208]. В то же время можно сказать, что социально-территориальная структура Москвы переживает трансформации, связанные с переходом к постметрополису (в терминах Э. Сойи). В частности, процессы реиндустриализации, выраженные, в первую очередь, в реновации промышленных зон, и переходе к сервисному типу экономики, оказывают значительно влияние на изменения в городском пространстве. В этой связи необходимо уделить особое внимание районам пятого кластера, которые в своей основе являются промышленными районами. Их развитие следует связывать с появлением новых высокотехнологичных индустриальных пространств и созданием технополисов.

Глобализационные процессы также являются фактором, влияющим на изменения в социально-территориальной структуре города. Пространство потоков, связывающее глобальные узлы, имеет тенденцию к исключению некоторых социальных групп и пространств из глобальных сетей. В московской структуре можно проследить тенденцию к «исключению» районов третьего и четвертого кластеров. Кроме того, разрастание территории Москвы может привести к становлению новой городской формы, которую Э. Сойя назвал экзополисом. Рост окраинных городов и стремление к созданию новых центров на территории Новой Москвы может привести к значимым изменениям социально-территориальной структуры, связанной с трансформациями в структуре рабочих мест. В этих условиях может усилиться фрагментация городского пространства, социальная поляризация и стратификация. Периферийные и спальные районы, которые уже сегодня обладают малыми объемами капитала всех видов, под влиянием описанных процессов могут превратиться в сегрегированные территории при отсутствии грамотного городского планирования, задачей которого, по М. Кастельсу, является обеспечение внутренней и внешней связности городских территорий.

---

[208] См.: Brade, I., Rudolph, R. Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas // Area,2004. Volume 36, Issue 1. Pp. 69–80.

Таким образом, основной задачей городского планирования, на наш взгляд, должно стать формирование новых городских центров притяжения, в первую очередь, в районах второго кластера, которые наравне с центральными районами превратятся в основные места приложения труда для жителей районов третьего (периферия) и четвергого (спальные районы) кластеров с максимальной концентрацией рабочих мест в сервисном секторе. Реиндустриализацию в районах пятого кластера следует проводить с акцентом на создании высокотехнологичных индустриальных пространств или техполисов. Территории Новой Москвы требуют особого внимания. Принципиально отличаясь от «старых» московских районов, данные пространства требуют интенсивного развития инфраструктуры, обеспечивающей максимальную связность районов НАО и ТАО с территорией «старой» Москвы.

Предложенная в диссертации методология исследования социально-территориальной структуры города может быть использован для исследований как российских городов, так и городов постсоветского пространства, так как они обладают общей спецификой. Возможность адаптации данного подхода к исследованиям городов других стран связана с гибкостью предложенных показателей и возможностью их коррекции в соответствии с исторической спецификой города и социокультурными условиями его развития.

Библиография

I. Литература

1. Алешковский И.А., Болатов М.О., Слука Н.А. Горизонты городского роста в условиях глобализации // Век глобализации, 2017. № 1 (21). С. 33-45.
2. Археология периферии. Сост. Ю.Э. Григорян. М.: Московский урбанистический форум, 2013.
3. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995.
4. Бабуров А.В., Гутнов А.Э., Дюментон Г.Г., Лежава И.Г., Садовский С.А., Харитонова З.В. Новый элемент расселения. М.: Стройиздат, 1966.
5. Барсукова С.Ю. Тенденции социального зонирования российских городов сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 39-57.
6. Бёрджесс Э.У. Рост города // Чикагская школа: сборник переводов. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2015. С. 20-34.
7. Большая Москва. Составил С.С. Шестаков. Под ред. Ф.Я. Лаврова. М.: Издание М.К.Х., 1925.
8. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства в 2-х тт. Т. 2: Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1979.
9. Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
10. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002. Том 3, № 5. С. 60-74.
11. Бутягин В.А. Планировка и благоустройство городов. М.: Стройиздат, 1979.
12. Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Издательство Сибпринт, 2015.

13. Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии, 2013. № 3 (68). С. 101-111.
14. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Кучково поле, Канон-Пресс-Ц, 2001.
15. Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, Институт географии РАН, 2005.
16. Вендина О.Н. Социальный атлас Москвы // Проект Россия: приложение к журналу, 2012. № 4 (66).
17. Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2013. № 4. С. 60–84.
18. Вершинина И.А. Город: различные измерения неравенства // Socioloska Luca, 2013. № 7-2. С. 85-96.
19. Вершинина И.А. Формирование культуры участия в современных городах: проблемы и перспективы // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: сборник материалов II-ой Международной научно-методической конференции. М.: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2017. С. 127-131.
20. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М, 2010. № 31.
21. Виноградов Д.В. Экономика недвижимости. Владимир: Владимирский государственный университет, 2007.
22. Высоковский А.А. Визуальные образы городской среды. М.: Локус Станди, 2008.

23.Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти, 2013. № 3. С. 39-56.

24.Глазычев В.Л., Гутнов А.Э. Мир архитектуры: Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990.

25.Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа; Новая площадь, 2008.

26.Глазычев В.Л. Московская стратагема // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 127-144.

27.Глазычев В.Л. Большая Москва // Прямые инвестиции, 2011. №8. С. 36-39.

28. Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

29.Глушкова В.Г. Московская агломерация // Москва (энцикопедия). М.: Большая Российская Энциклопедия. 1992. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/1916/

30.Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004. № 3. С. 16-21.

31.Гутнов А.Б. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 211-232.

32.Гутнов А.Б. Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984.

33.Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.

34.Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градоустройстве // Социологические исследования, 1998. № 2. С. 94-98.

35. Заблудовская М. Гетто в Москве: этнические, рабочие, «золотые» и интеллигентские // Информационно-аналитическое агентство «РИА Новости», 20.01.2015.

36.Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, 2002. № 3 (34). С. 23-34.

37.Злобин В.В. Принципы развития планировки и застройки микрорайонов Москвы 1965-1985-х годов // Международный электронный научно-

образовательный журнал «Архитектура и современные информационные технологии», 2013, № 1 (22).
URL: http://www.marhi.ru/AMIT/2013/1kvart13/index.php 6067

38.Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 6-18.

39. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность, 2010. № № 5. С. 5-19.

40.Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

41. Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового российского кризиса. Вопросы экономики, 2015. № 4. С. 37-52.

42.Каганов Г. З. Санкт-Петербург : образы пространства. М. : Индрик, 1995.

43. Каганов Г. З. К поэтике обитаемого пространства // Человек, 1995. № 4. С.37-52.

44.Капустина Н. Элита прошлого века // Коммерсант. Приложение «Дом», 2007. № 121. URL: https://www.kommersant.ru/doc/780041

45.Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

46. Коган Л.Б. Урбанология и городская политика: от осознания к знанию. Москва, 2010. URL: http://emsu.ru/kogan/

47. Коган Л. Урбанология: от городского сознания к знанию // Городское управление, 2010. № 11. С. 2–4.

48.Корнев Н.Р., Коровяковский Ю.П. Социо-пространственное измерение Санкт-Петербурга: жилищная картография // Телескоп, 2008. № 3. С. 17-22

49.Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3. С. 121-139

50.Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.

51. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М: МГИМО-Университет, 2015.
52. Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997.
53. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012.
54. Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Откуда есть пошли агломерации // Демоскоп, 2010. № 407 – 408.
URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php
55. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
56. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
57. Львоский С. Внутренние границы в пространстве потоков // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 67-87.
58. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 231-517.
59. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Сер. 5 «География», 2012. №2. С. 26-31.
60. Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Современные особенности территориальной структуры // Демоскоп, 2012. № 517 – 518. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema03.php
61. Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская агломерация и«Новая Москва» // Pro et Contra, 2012. № 6 (57). С. 19-32.
62. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2000.
63. Милютин Н.А. Соцгород. М.; Л.: ГИЗ, 1930
64. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение, 2002. Том 2. № 3. С. 3–12.

65. Парк Р. Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2011. С. 19-56.
66. Полищук Л.И. Порознь или сообща. Социальный капитал в развитии городов. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014.
67. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
68. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселении: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014.
69. Пузанов К.А., Степанцов П.М. Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Московский институт социально-культурных программ, 2016.
70. Пчелинцев О.С. Рациональное размещение производства и проблема больших городов. // Вопросы философии, 1961. № 2. С. 56-62.
71. Пыстогова Е.А. Состояние качества жизни населения в регионах России: социальное картирование // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление, 2015. Том 11. № 4 (29). С. 104-115
72. Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис, 2005. №4. http://les-urbanistes.blogspot.ru/2009/01/blog-post.html
73. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007. С. 9-27
74. Скалабан И.А. Образы поселений: карта как соучастие // Ценности и смыслы, 2015. № 1 (35). С. 38-51.
75. Слука Н.А. Эволюция концепции "мировых городов" // Демоскоп Weekly, 2008. № 343-344. http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit01.php.
76. Сойя Э. как писать о городе с точки зрения пространства // Логос, 2008. № 3 (66). С. 130-140.

77.Структура социально-территориальная // Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М. 1999. URL: http://sociologicheskaya.academic.ru/

78.Струмилин С.Г. Проблемы социалистических городов // Плановое хозяйство, 1930. № 5. С. 87-126.

79.Сытин П.В. Из истории московских улиц. М.: Московский рабочий, 1958.

80. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 1 (1147 - 1762). М.: Московский рабочий, 1950.

81.Тоффлер О. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.

82.Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

83.Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.

84. Филиппов А. Ф. Социология пространства. С-Пб.: Владимир Даль, 2008.

85.Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

86.Харви Д. Право на город // Логос, 2008. № 3. С. 80-94.

87.Чешкова А.Ф. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 13-38.

88.Чикагская школа: сборник переводов. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2015.

89.Шерстнева Д.Т. Обзоры по проблемам больших городов. Ансамблевая застройка новых микрорайонов Москвы. М.: ГОСИНТИ, 1974.

90.Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007.

91.Штомпка П.Доверие-основа общества. М.: Логос, 2012.

92.Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика, 2013. №3. С. 16-32.

93. Bertaud A. The Spatial Structures of Central and Eastern European Cities: More European than Socialist? // Remaking Post-communist Cities. Symposium proceedings, University of Illinois, Urbana-Champaign, June 17–19, 2004. Pp. 45–64.
94. Bertaud A. The Spatial Structures of Central and Eastern European Cities // The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy / Ed.: Tsenkova S., Nedovic-Budic Z. – Heidelberg: Physica–Verlag, 2006. Pp. 91–110.
95. Bontje, M., Burdack, J. Edge Cities, European-style: Examples from Paris and the Randstad // Cities, 2005. Vol. 22, № 4. Pp. 317–330.
96. Booth, Ch. Life and Labour of the People in London. In 17 volumes. London: Macmillan and Co, 1902-1903.
97. Brade, I., Rudolph, R. Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas // Area,2004. Volume 36, Issue 1. Pp. 69–80.
98. Bulmer, M. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: University of Chicago press, 1986.
99. Castells, M. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. University of California Press, 1984.
100. Castells, M. The Urban Question: A Marxist Approach. The MIT Press, 1979.
101. Castells, M., Cardoso, G. (Eds.). The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005
102. Castells, M., The Rise of the Network Society, 2nd Edition with a New Preface. Vol. 1. Information age. UK: Blackwell, 2010.
103. Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios, 2002. № 5. Pp. 9-19
104. Couch, C., Petschel-Held, G., Leontidou L. Urban Sprawl in Europe: Landscape, Land-Use Change and Policy. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2007.

105. Davis, M. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. London, NY: Verso Books, 2006.

106. Dear, M. The Los Angeles School of Urbanism: An Intellectual History // Urban Geography, 2003. №24 (6). Pp. 493–509.

107. Friedman J. The world city hypothesis // Development and Change, 1986. №2. Pp. 69–83.

108. Garreau, J. Edge City: Life on the New Frontier. NY: Knopf Doubleday Publishing Group, 1991.

109. Gehl, J. Life Between Buildings: Using Public Space. Washington: Island Press, 2011.

110. Gottdiener, M. The Social Production of Urban Space. Austin: University of Texas Press, 1994.

111. Harris, C., Ullman, E. The Nature of Cities. // Paul K. Hatt, Albert J. Reiss, Jr. Glencoe. Reader in Urban Sociology. Illinois: Free Press, 1951. Pp. 237-247

112. Harvey, D. Social Justice and the City. Georgia: University of Georgia Press, 2010.

113. Howard, E. Garden Cities of Tomorrow. London: Swan Sonnenschein & Co., Ltd, 1902.

114. Hoyt, H. The structure and Growth of Residential Neighborhoods in American Cities. Washington: United States Government printing office, 1939.

115. Jacobs, A., Appleyard, D. Toward an Urban Design Manifesto // The City Reader. Fifth edition / Ed. by Richerd T. LeGates, Frederic Stout. NY: Routledge, 2011. Pp. 518-529.

116. Lefebvre, H. State, Space, World: Selected Essays. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009.

117. Lehmann S.G., Ruble B.A. From `Soviet' to `European' Yaroslavl: Changing Neighbourhood Structure in Post-Soviet Russian Cities // Urban Studies, 1997. Vol. 34, № 7. Pp. 1085–1107.

118. Madanipour, A. Public and Private Spaces of the City. NY: Psychology Press, 2003.

119. Perry, C. The Neighborhood Unit // The City Reader. 5th edition / Ed. by R.T. LeGates, F. Stout. London, New York: Routledge, 2011. Pp. 486-498.

120. Putnam, R. Social Capital: Measurement and Consequences // Canadian Journal of Policy Research, 2001. № 2. Pp. 41-51.

121. Putnam, R. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // The American Prospect, 1993. URL: http://prospect.org/article/prosperous-community-social-capital-and-public-life

122. Rimmer, P. J., Dick H. The City in Southeast Asia: Patterns, Processes and Policy. Singarope: NUS Press, 2009.

123. Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2001.

124. Sennett, R. The Public Realm // Richard Sennett's Official Website. URL: https://www.richardsennett.com/site/senn/templates/general2.aspx?pageid=16&cc=gb

125. Soja, E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2000.

126. Soja, E.W. Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography // Environment and Planning D: Society and Space, 1986. Vol. 4, Issue 3. Pp. 255–272.

127. Sýkora L., Bouzarovski S. Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies, 2011. Vol. 49, № 1. Pp. 43–60.

128. Thrasher, F.M. The Gang: A Study of 1313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago press, 1927.

129. Tsenkova S. Beyond Transitions: Understanding Urban Change in Post-socialist Cities // The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions

and Policy / Ed.: Tsenkova S., Nedovic-Budic Z. Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. Pp. 21–50.

130. Tsenkova S. Post-socialist Cities in a Globalizing World // PLANUM, 2003. URL: www.planum.net/download/tsenkova-pdf

131. Wirth, L. The Ghetto. Chicago: University of Chicago press, 1928.

132. Zorbaugh, H.W. The Gold Cost and the slum. Chicago: University of Chicago press, 1929.

II. Электронные ресурсы в сети Интернет

133. Генеральный план реконструкции города Москвы, 1935 год. URL: http://www.landscape-design.ru/articlex.php?c=Moscow-reconstruction-1935&p=2

134. Обоснование выбранного варианта размещения объектов федерального, регионального значения города Москвы с оценкой их влияния на комплексное развитие территории города [Электронный ресурс]: М.: Институт Генплана, 2017.
URL: https://genplanmos.ru/project/generalnyy_plan_moskvy_do_2035_goda/

135. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам. https://esa.un.org/unpd/wpp/

136. Доклад Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы «О состоянии окружающей среды в городе Москве в 2015 году». URL: http://www.dpioos.ru/eco/ru/report_result/o_442335

137. Досуг россиян: развлечения и увлечения // Фонд Общественное мнение, 2013. URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/10846

138. Закон СССР «Об утверждении основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13.12.1968. URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/6067

139. Карта наркопреступлений РФ. подпроект Атласа правосудия. URL: http://atlasjustice.com/drugmap/district.html#drugvaluechartbutton

140. Материалы по обоснованию проекта Генерального плана Перми. Том 2. URL: http://permgenplan.ru/upload/cheme/tom2_final.pdf

141. Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики // Фонд Общественное мнение, 2016. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103

142. Официальный сайт Всемирного исследования ценностей (World Value Survey). URL: http://www.worldvaluessurvey.org

143. Официальный сайт Департамента образования города Москвы. URL: http://dogm.mos.ru/rating/the-development-of-rating.php

144. Официальный сайт Комплекса градостроительной политики Москвы. URL: https://stroi.mos.ru/new-moscow/o-konkurse

145. Официальный сайт Международной ассоциации по ранжированию организаций и университетов. URL: http://ireg-observatory.org/en/

146. Официальный сайт проекта «Активный гражданин». URL: https://ag.mos.ru/site/index

147. Официальный сайт рейтингового агентства RAEX (Эксперт РА) URL: http://raexpert.ru/

148. Показатели доступности жилья в России (проект Института экономики города) // Институт экономики города. Официальный сайт. URL: http://www.urbaneconomics.ru/research/analytics/pokazateli-dostupnosti-zhilya-v-subektah-rf-s-1998-goda-po-i-kv-2016-goda

149. Сетевая версия энциклопедии «Москва» издания 1980 года. URL: http://www.mos80.ru/

150. Состояние преступности на территории г. Москвы за январь-декабрь 2016 года. Отчет Прокуратуры города Москвы. URL: http://www.mosproc.ru/statistics/

151. The Charter of the New Urbanism. URL: https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism

Приложение

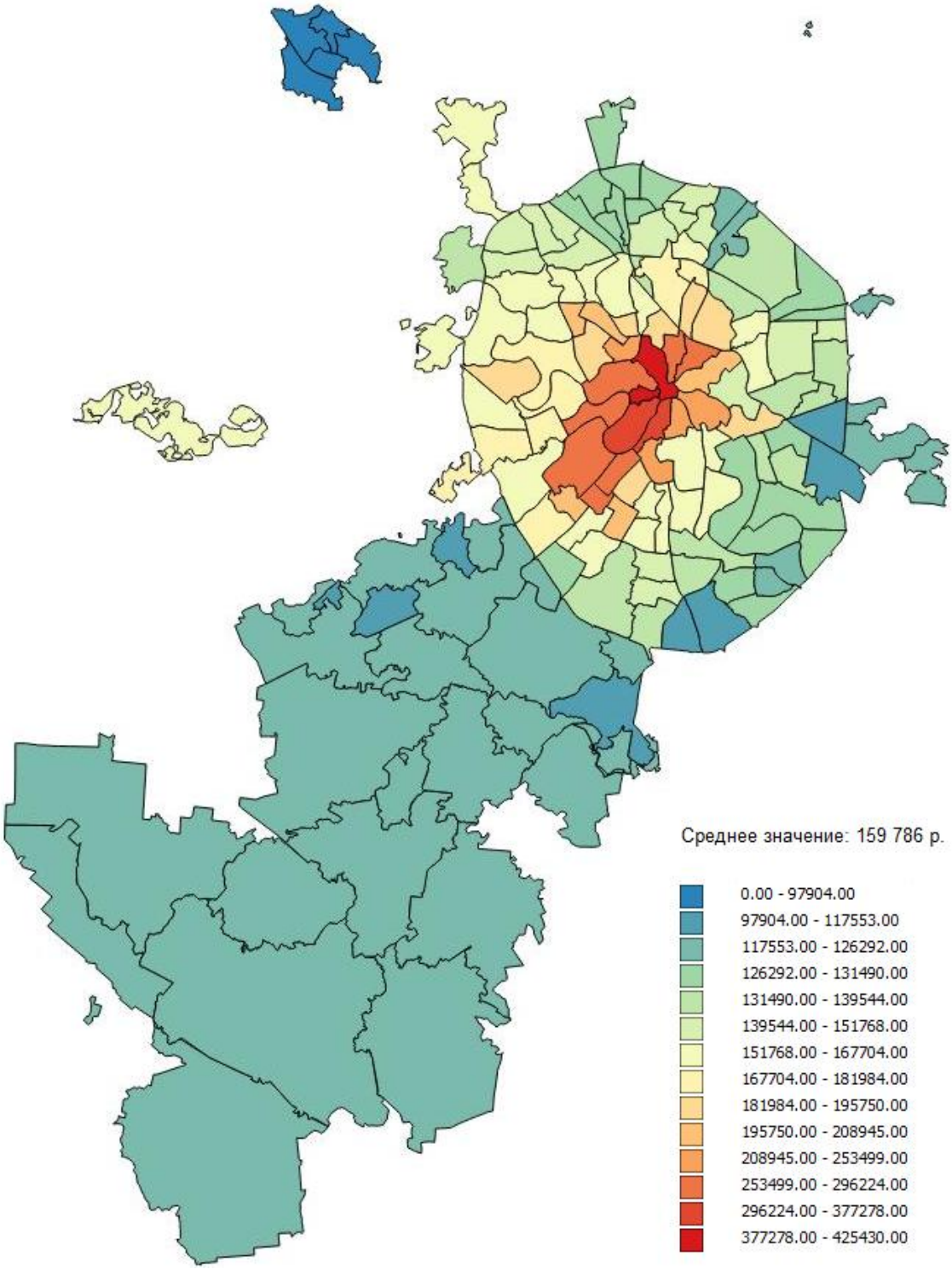

Рисунок 1. Стоимость 1 м^2 жилья (руб.)

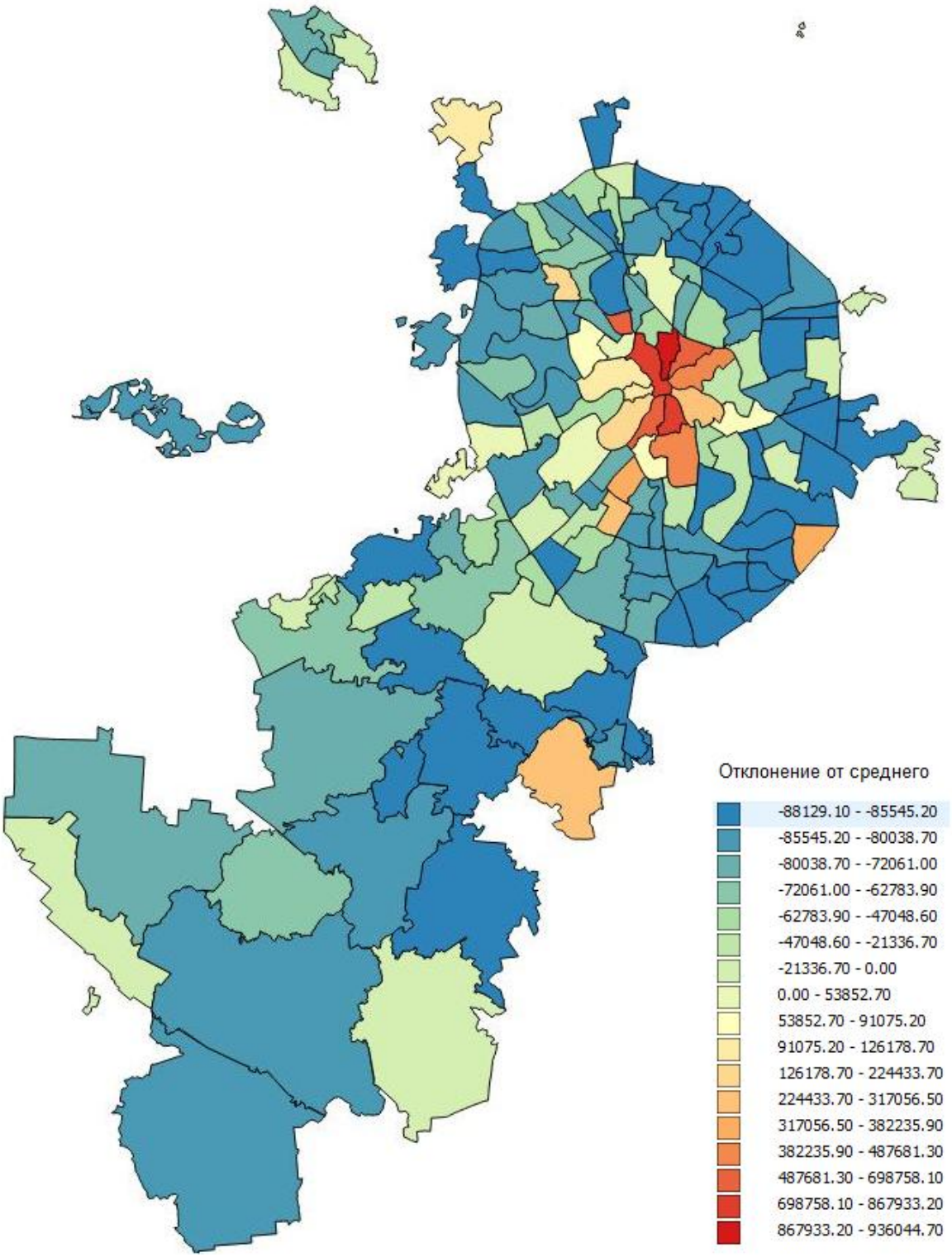

Рисунок 2. Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека (руб.)

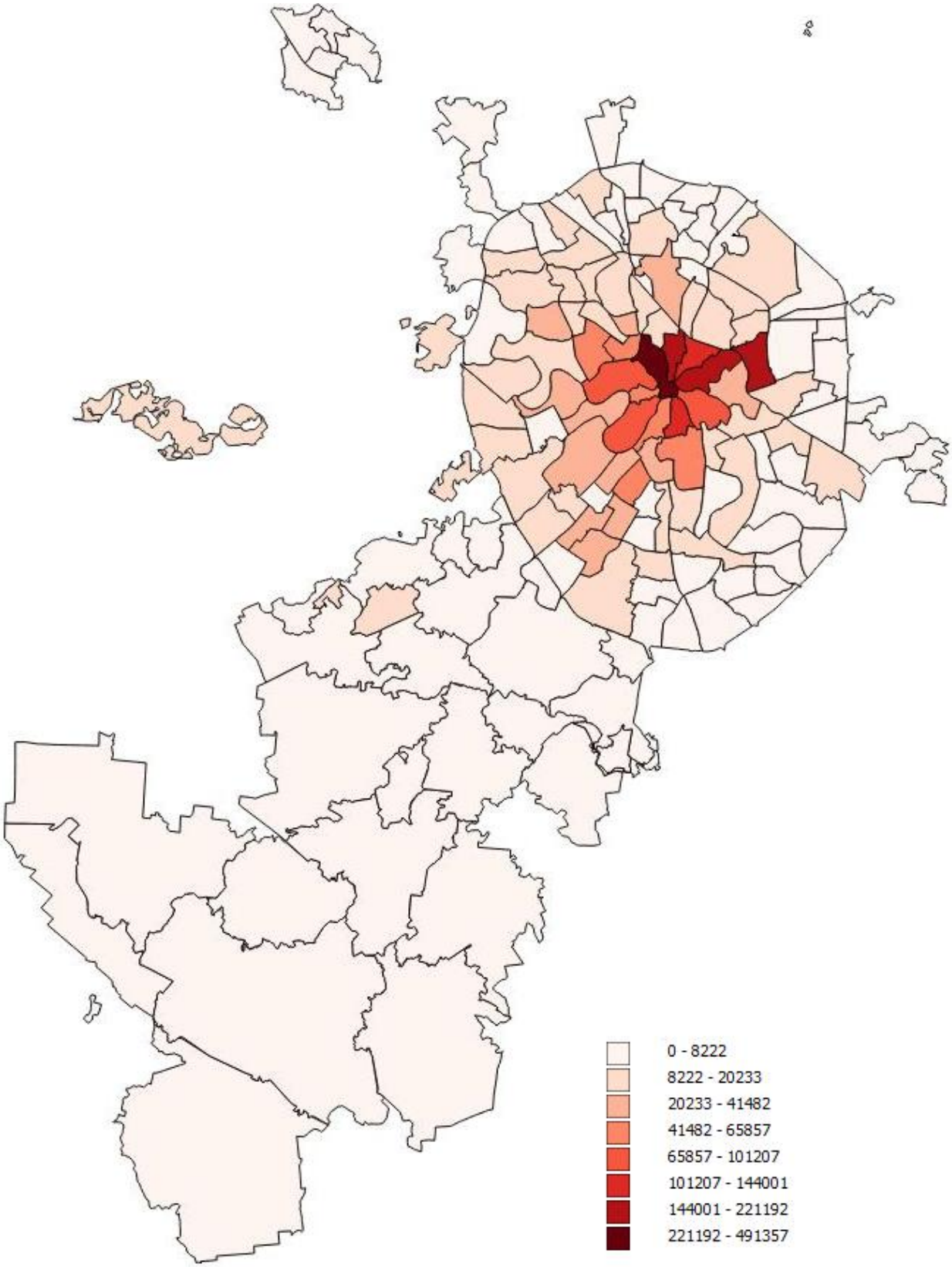

Рисунок 3. Среднесписочная численность работников организаций (чел.)

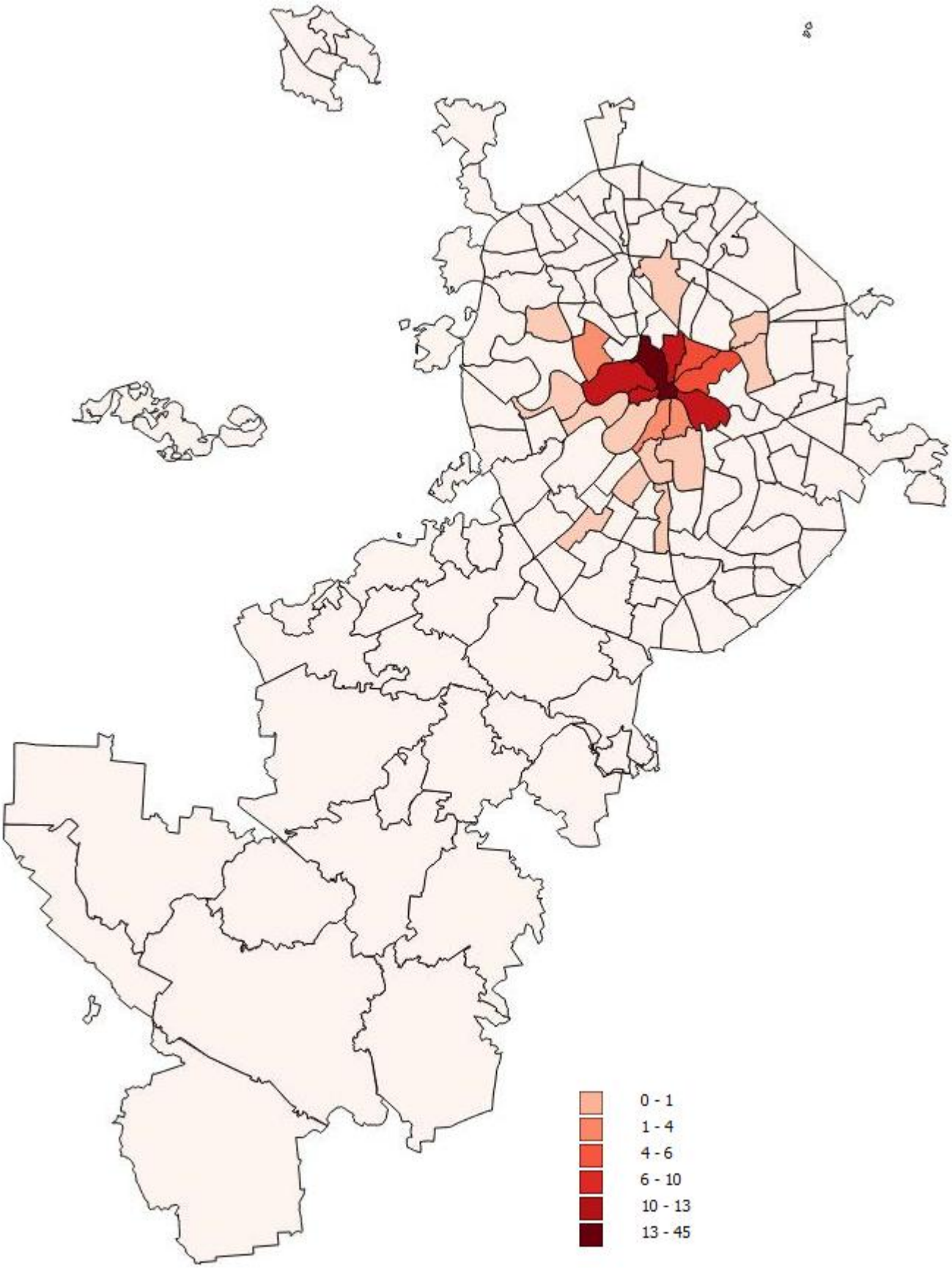

Рисунок 4. Количество учреждений, относящихся к федеральным и региональным органам власти

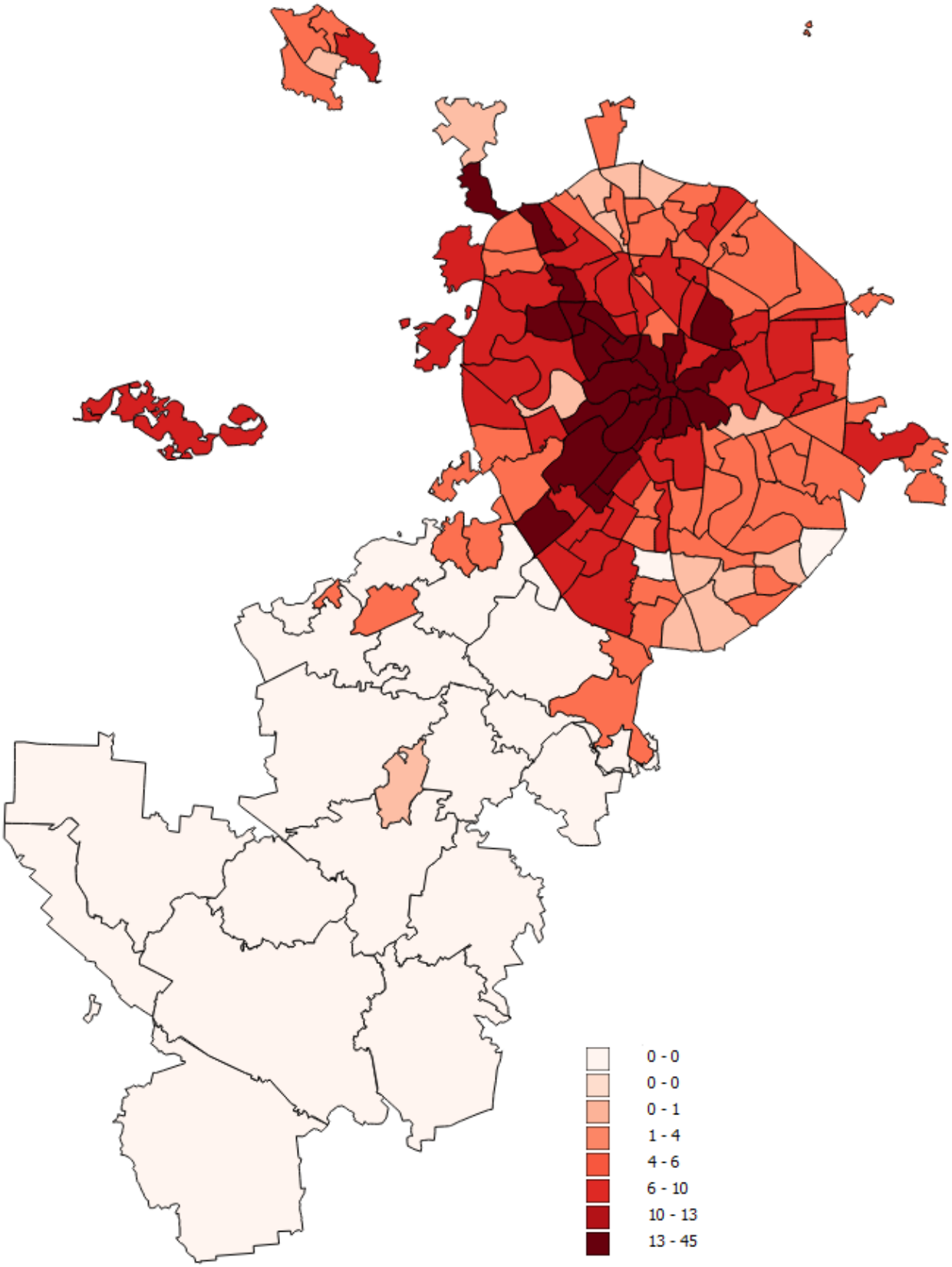

Рисунок 5. Доля жителей с высшим образование (в % от указавших уровень образования)

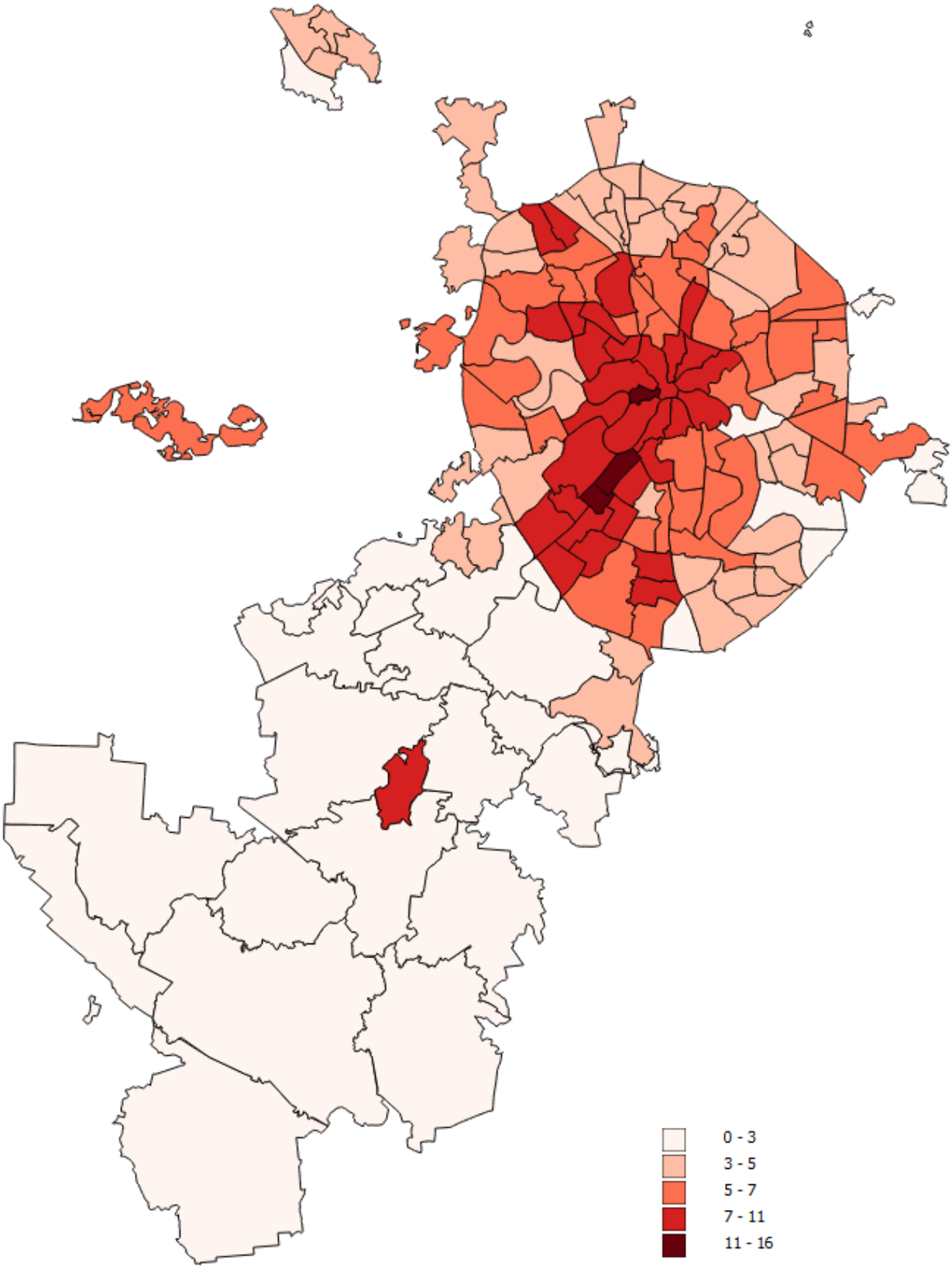

Рисунок 6. Доля жителей с ученой степенью (в % от отвечавших на вопрос о наличии ученой степени)

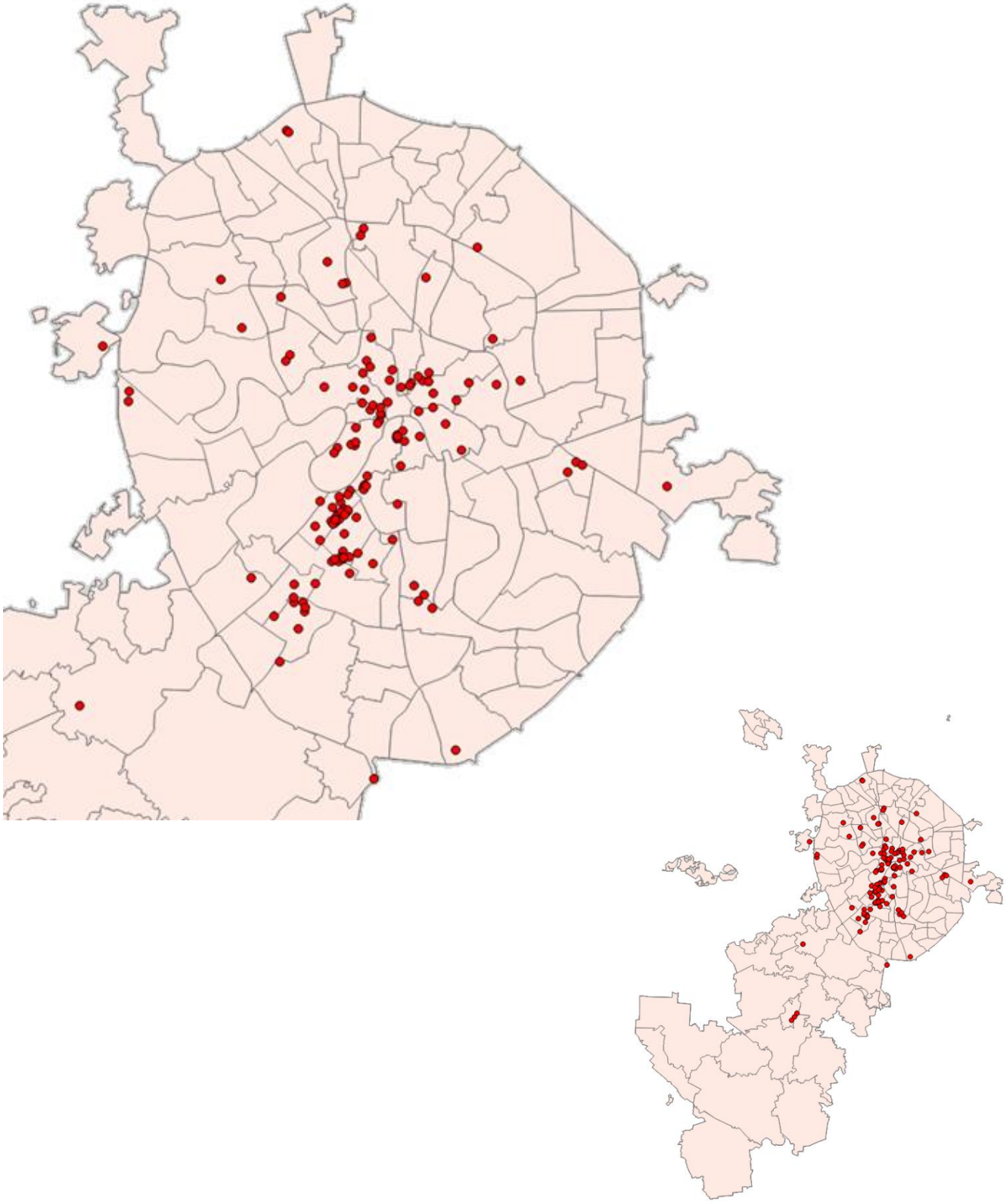

Рисунок 7. Расположение учреждений, относящихся к РАН

Рисунок 8. Расположение вузов, входящих в топ-100 рейтинга RAEX (Эксперт РА)

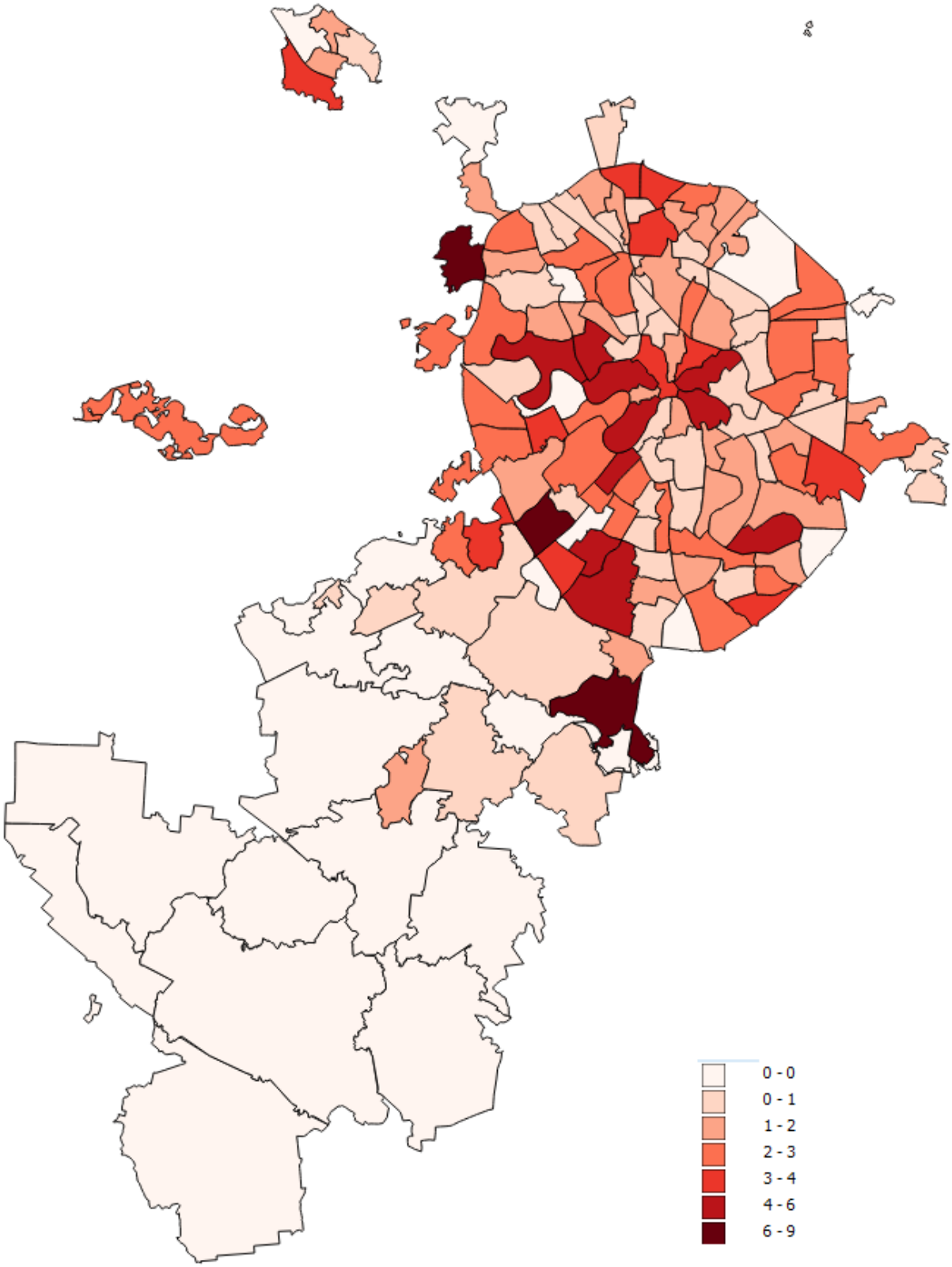

Рисунок 9. Количество школ, входящих в топ-300 рейтинга Департамента образования города Москвы

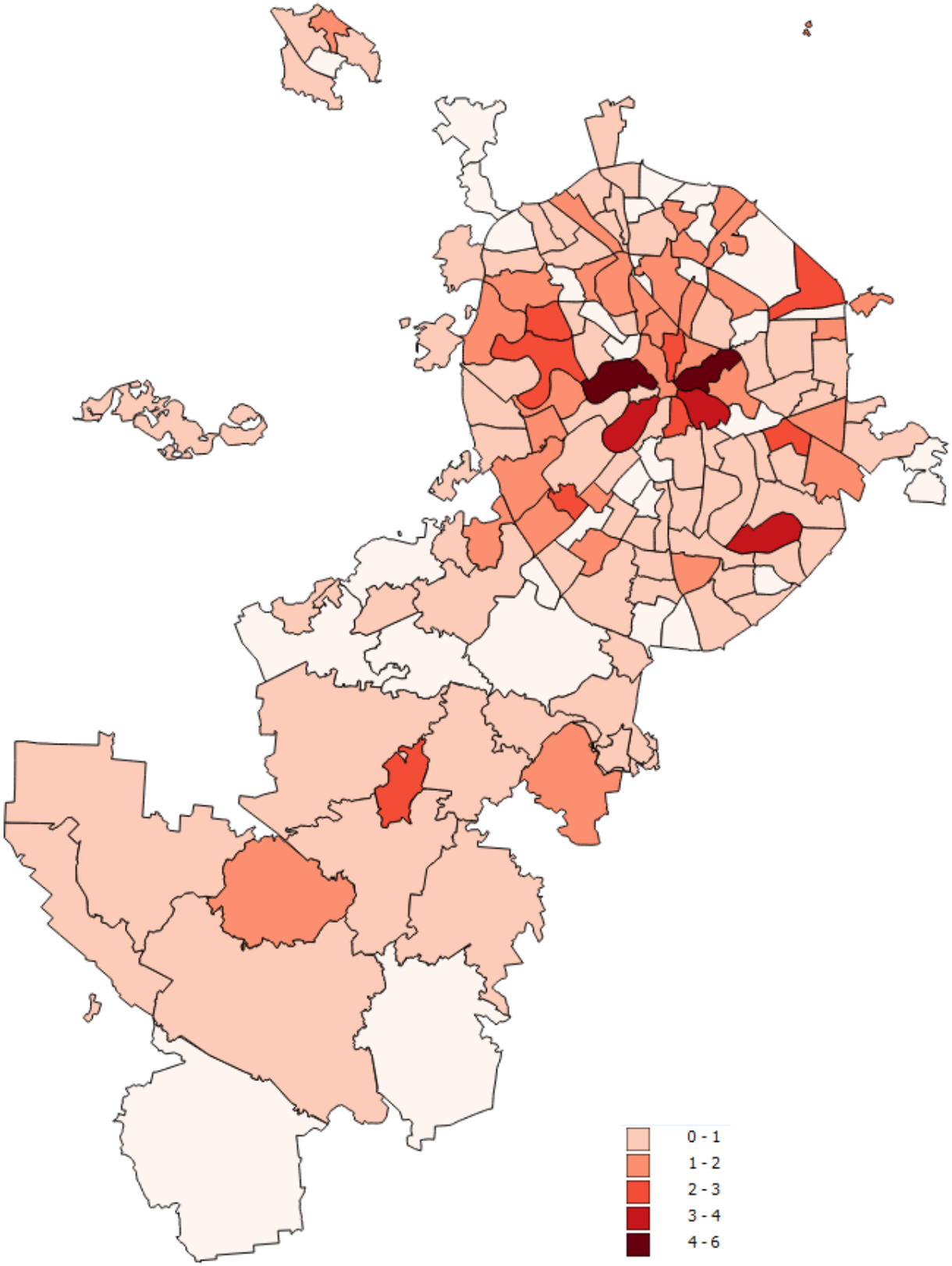

Рисунок 10. Количество музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств

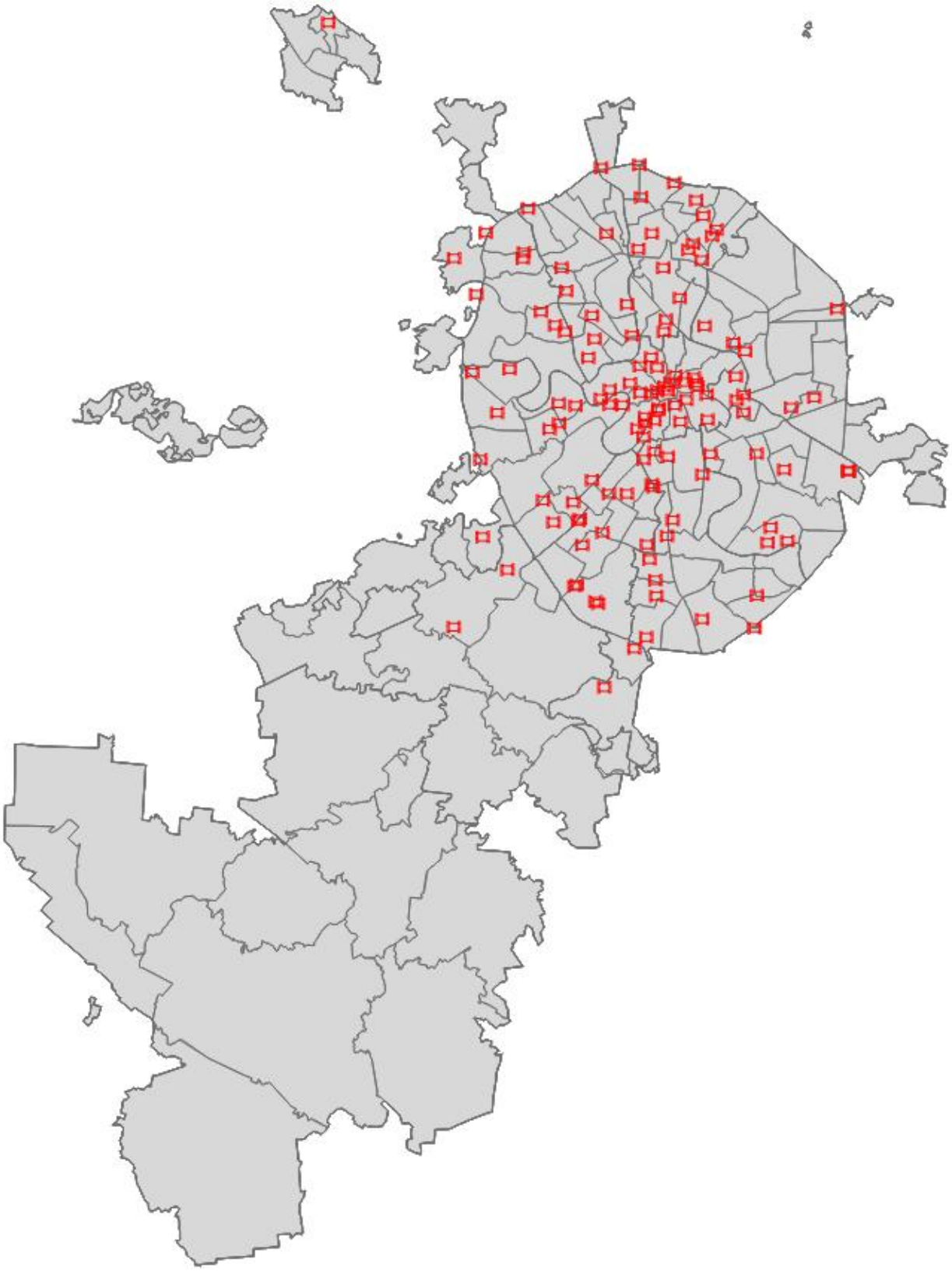

Рисунок 11. Расположение кинотеатров

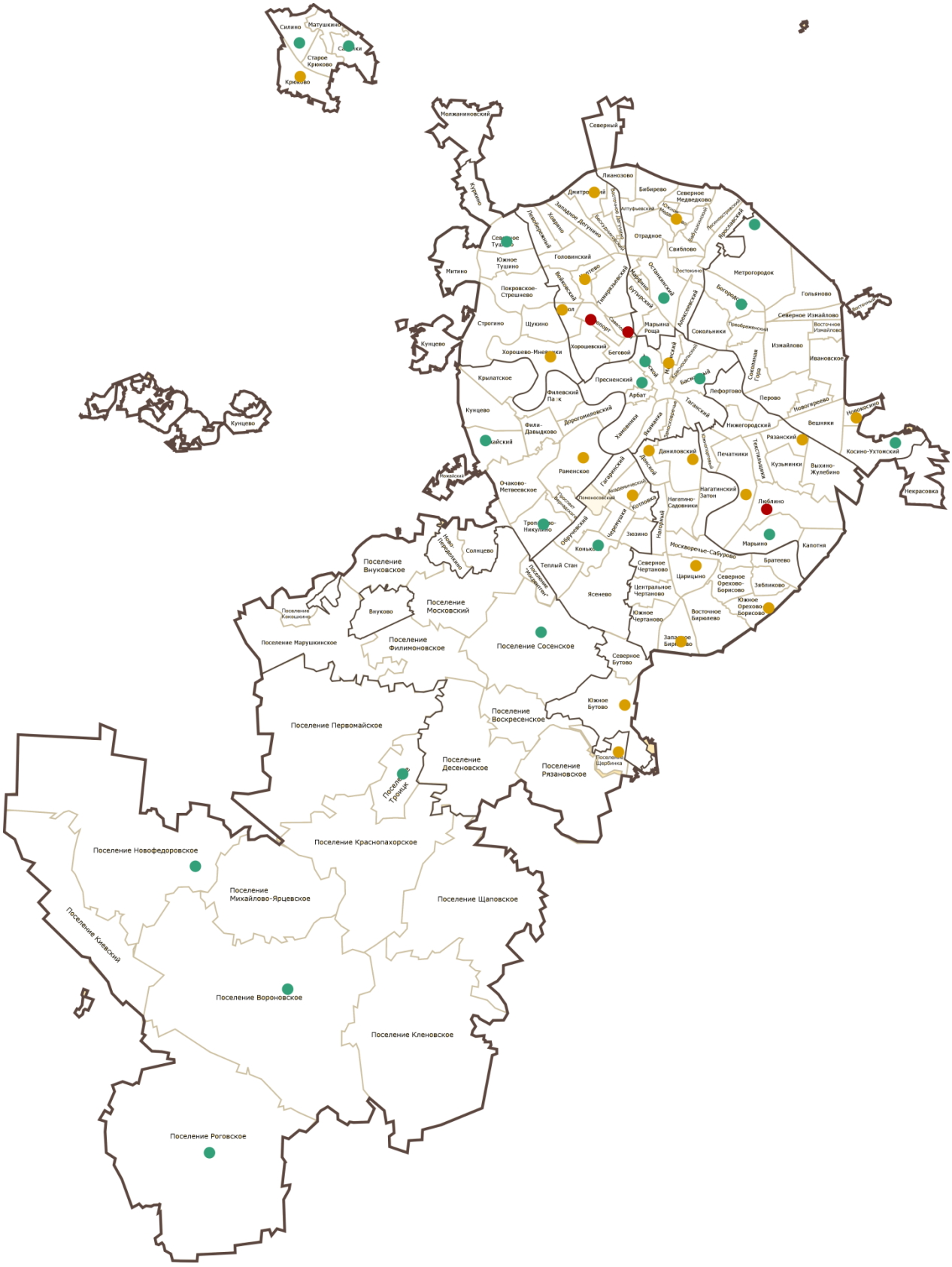

Рисунок 12. Загрязненность атмосферного воздуха оксидом углерода по измерительным станциям Москвы

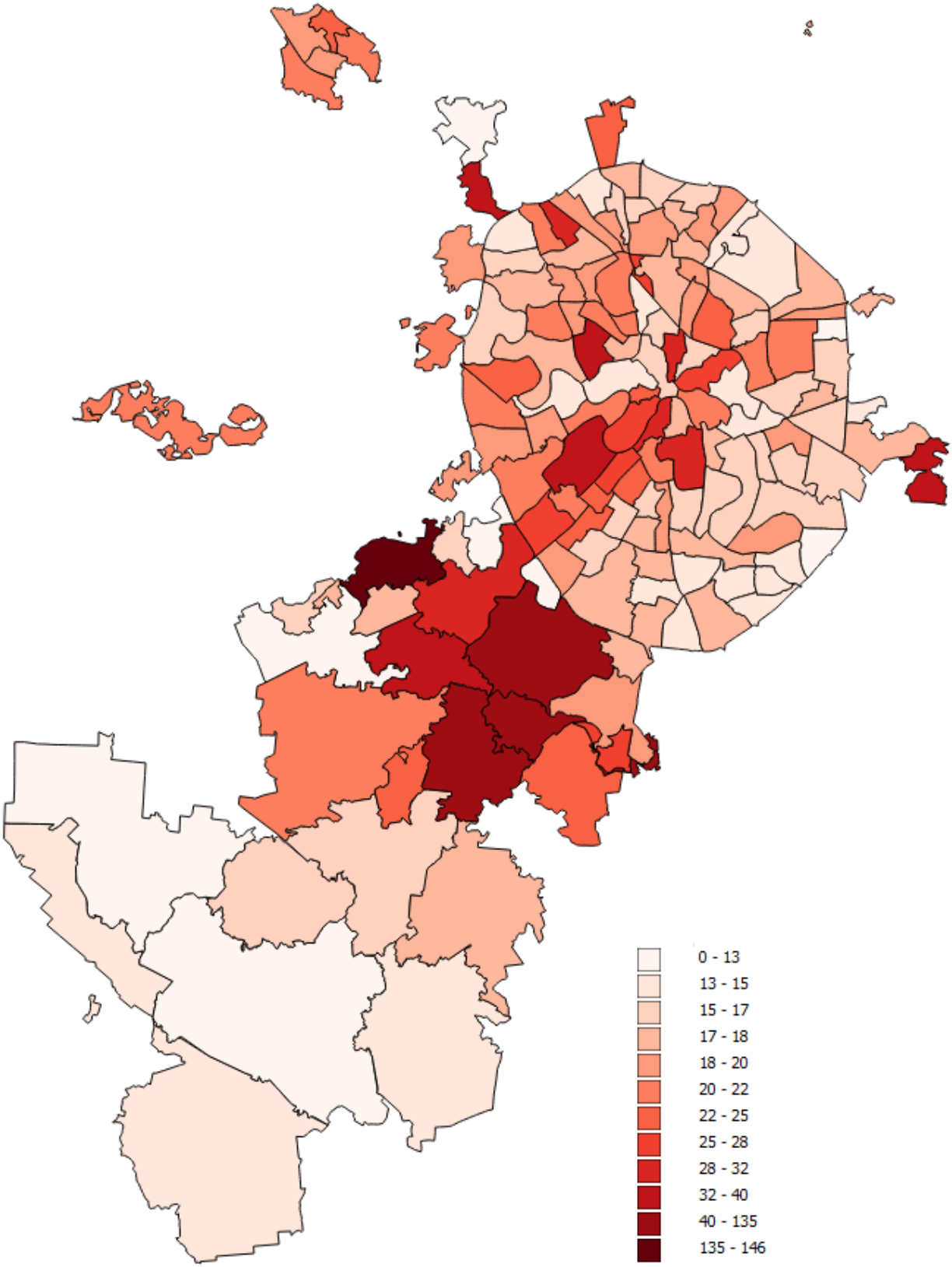

Рисунок 13. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя ($м^2$)

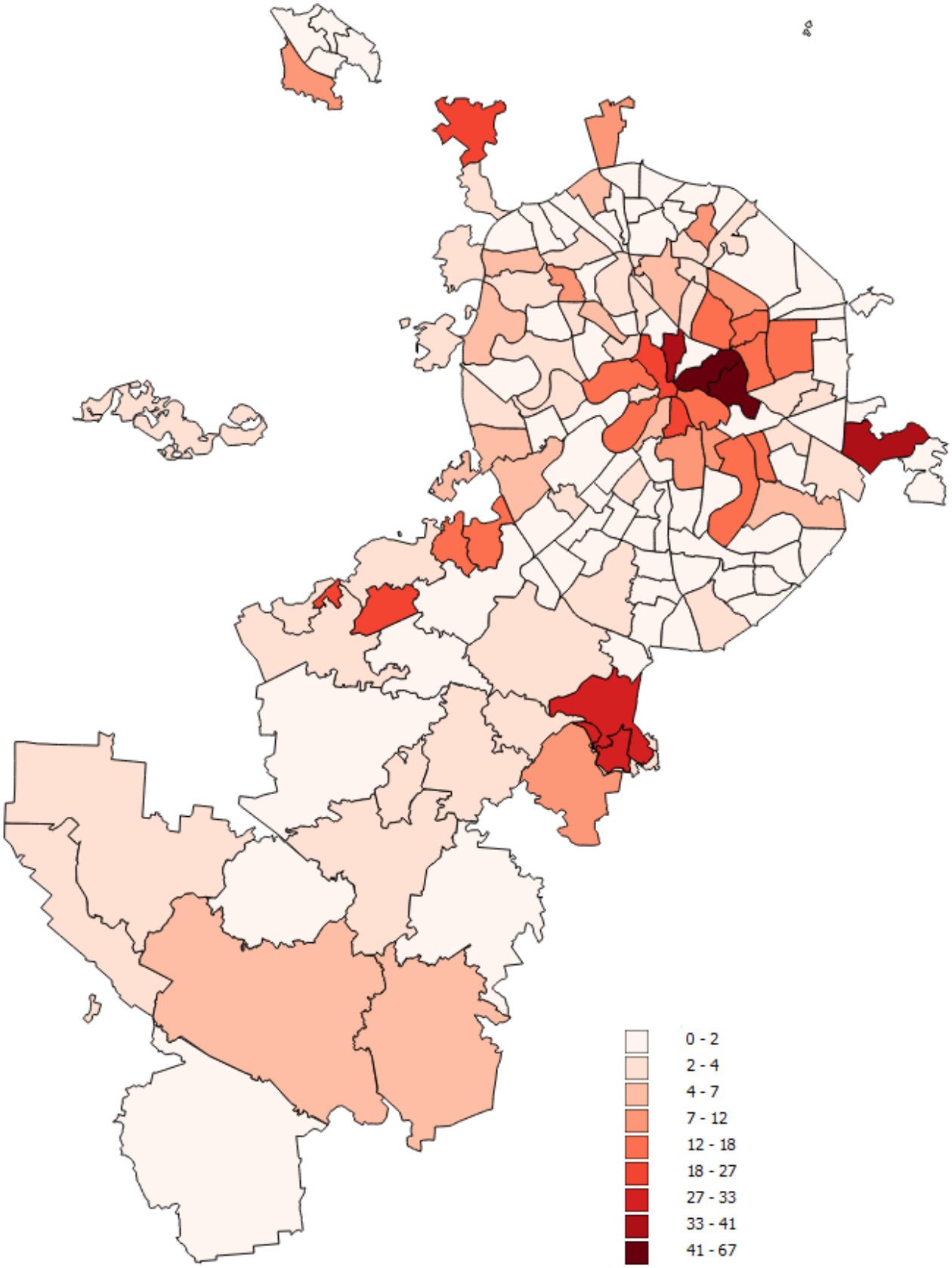

Рисунок 14. Общая площадь жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах (тыс.м^2)

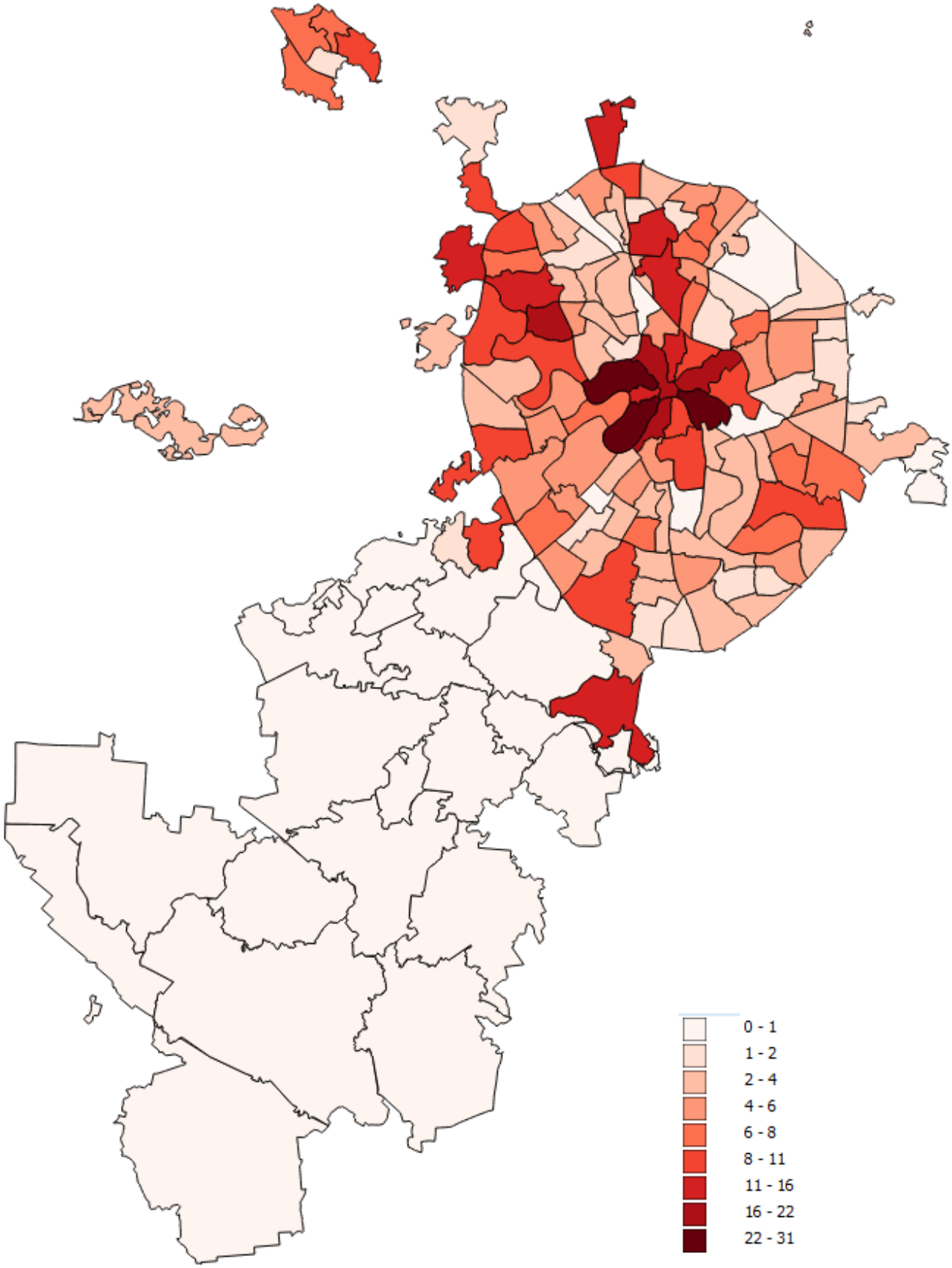

Рисунок 15. Количество публичных мест (парков и площадей)

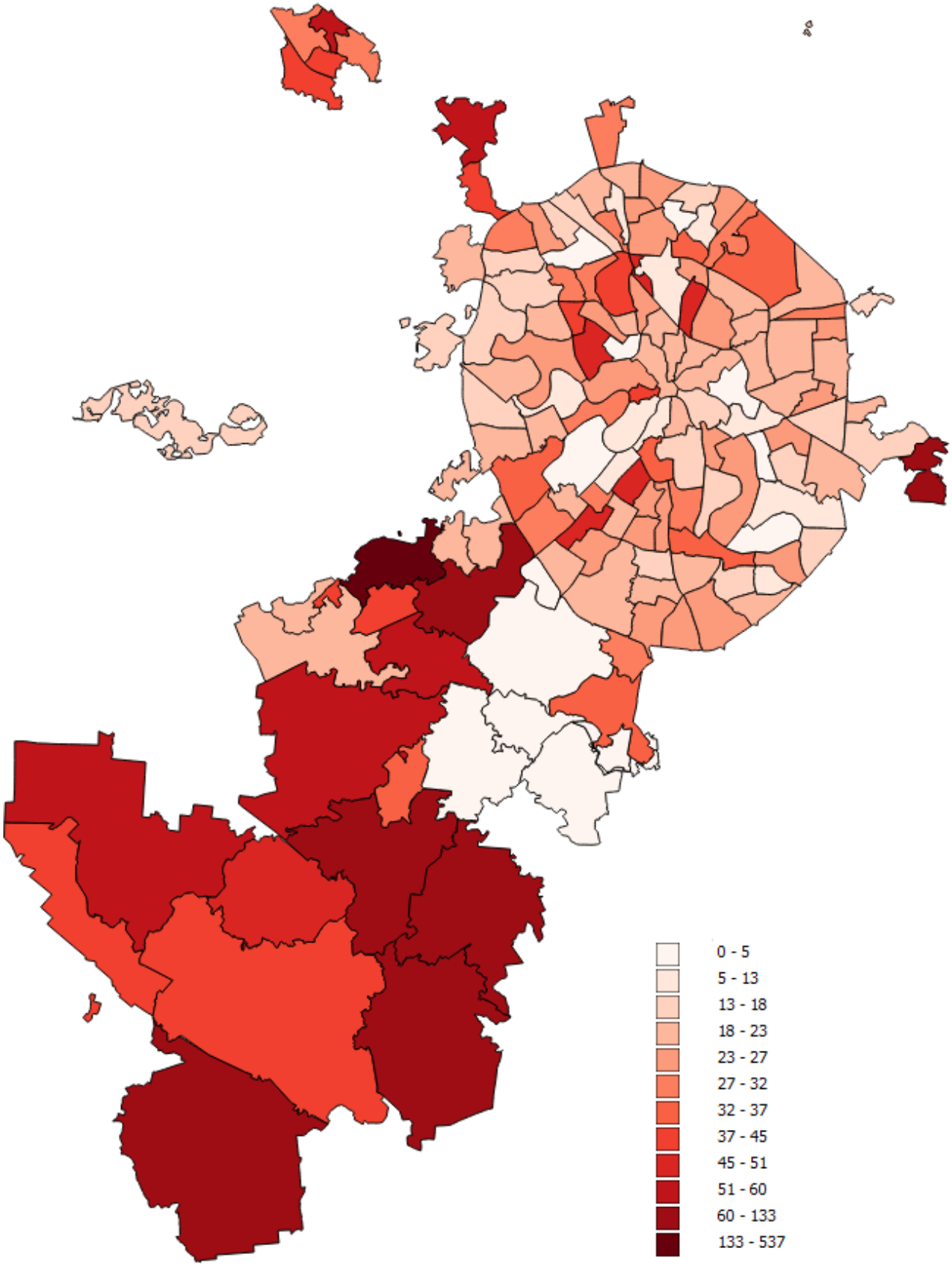

Рисунок 16. Количество приезжих из регионов России, стран СНГ и других зарубежных стран на 1000 жителей

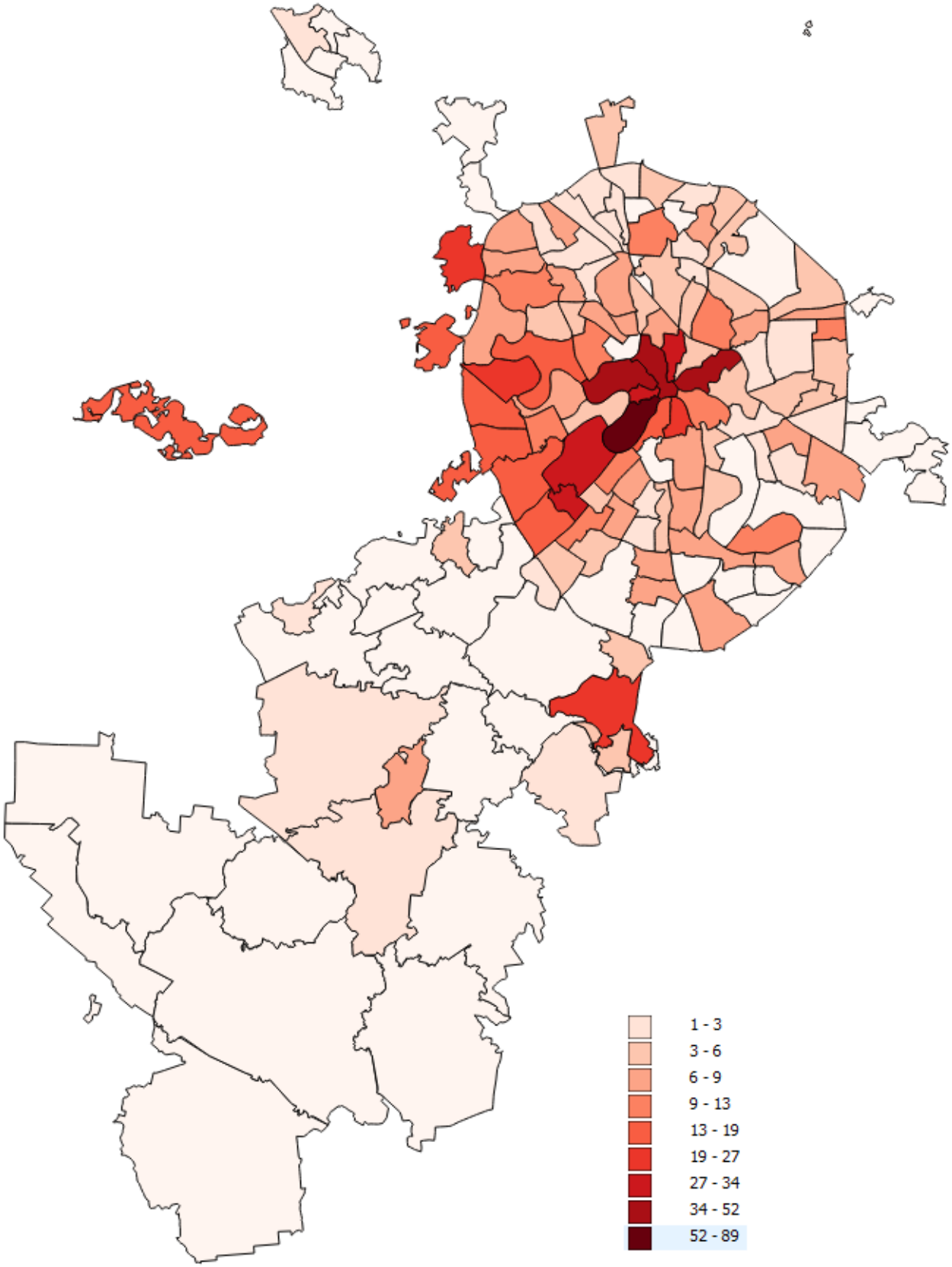

Рисунок 17. Количество ТСЖ

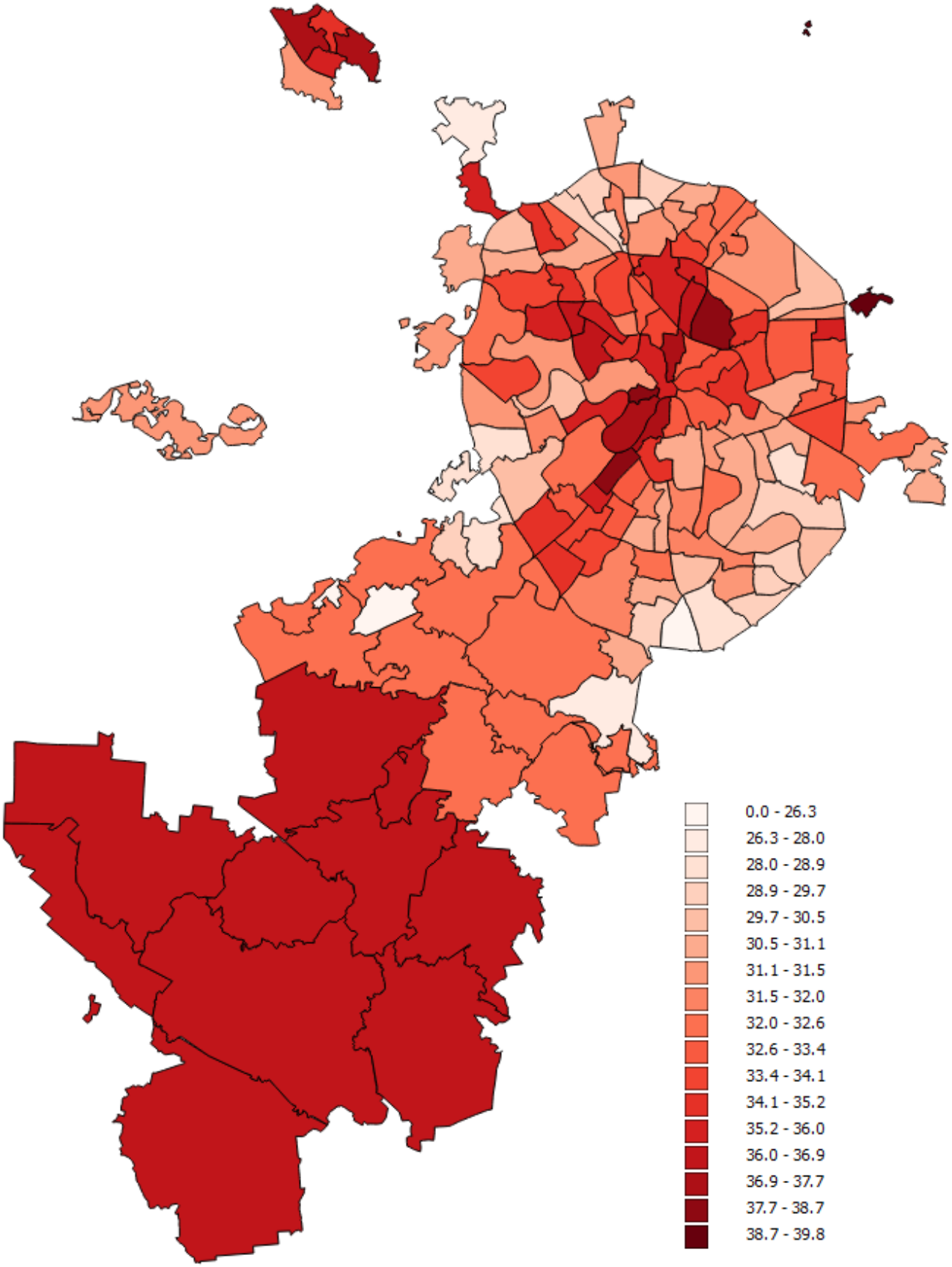

Рисунок 18. Явка на выборах мэра города Москвы в 2013 году